

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

825

СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

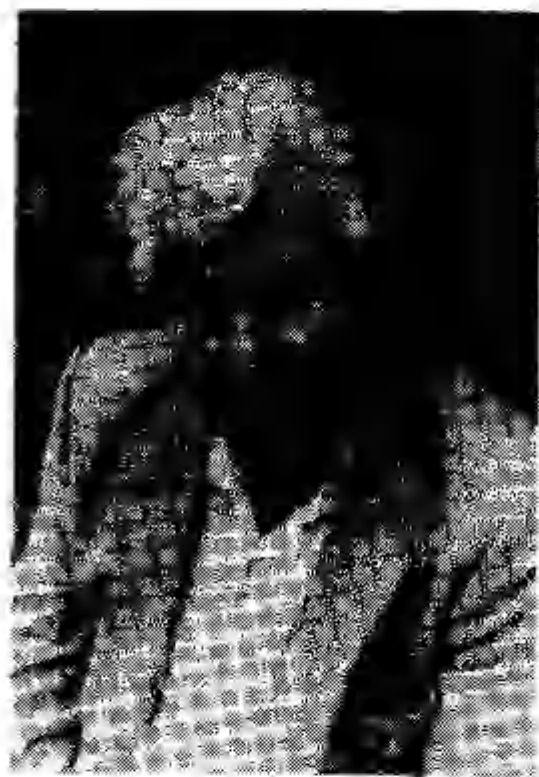
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIÑIK 825 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

ТАРТУ 1988

Редакционная коллегия: В. А. Ваджва, А. Д. Дуличенко,
В. С. Кудрявцев, И. П. Кольман
(ответственный редактор),
М. А. Кельман

Предлагаемый вниманию читателя сборник научных трудов посвящен коллективом его авторов шестидесятилетию со дня рождения заведующего кафедрой русского языка ТГУ, профессора, доктора филологических наук Михаила Алексеевича Шелякина.

М.А. Шелякин известен у нас в стране и за рубежом как вдумчивый, глубокий исследователь, превосходный знаток русского языка и один из представителей ведущего в современной лингвистике научного направления - функционального языкознания.

Есть два типа ученых. Одни ярко проявляют себя в молодости, выступив с неожиданными, блестящими идеями, сразу и навсегда определяя тем самым направление личного поиска в науке. Дальнейшая работа может быть более или менее успешной в зависимости от таланта и трудолюбия. Есть примеры большого расцвета дарования, есть, к сожалению, и примеры быстрого увядания.

Другой путь - это путь постепенного нахождения себя, медленного созревания в тиши ученого кабинета, когда идеи не вытекают из мгновенного юношеского озарения, а становятся логическим итогом исследовательского опыта и длительных раздумий над своим предметом. И сам предмет в таком случае определяется далеко не сразу. Зато расцвет ученых этого типа, приходящийся на зрелые годы, не оставляет сомнения в "избранном средстве" (говоря известными словами Гёте) их натуры, их научной личности и основного предмета их исследований. Поэтому поздний расцвет научного таланта отмечен чертами глубины и энциклопедичности.

К такому типу ученых относится, например, академик В.В. Виноградов. Эти же особенности отмечают исследовательский путь профессора М.А. Шелякина.

Сорок лет назад студент Орловского педагогического института начинал с работы над языком и стилем писателя. Орловщина - родина крупнейших русских мастеров художественного слова. Поэтому естественно, что юному аспиранту Московского государственного университета была предложена тема кандидатской диссертации "Работа И.С. Тургенева над языком "Записок охотника". С диссертацией будущий профессор справился блестяще, причем защитил ее с полугодовым опережением. Диссертация

ция была отмечена важной научной находкой - аспиранту удалось обнаружить ту часть цензурного экземпляра рукописи "Записок охотника", которая считалась бесследно утраченной. На этой основе М.А. Шелякин доказал, что многие поправки в первопечатном тексте, считавшиеся цензорскими, Тургенев сделал по собственной инициативе, руководствуясь художественными соображениями. Выводы молодого исследователя были приняты и нашли отражение в последующих изданиях собрания сочинений писателя.

Казалось, научное направление выбрано и впереди плодотворная работа. Но не так произошло на самом деле. Последующие несколько лет отмечены немногочисленными публикациями, связанными с художественной стилистикой, но постепенно выявляющими более широкий круг интересов автора и их определенное смещение в область истории русского языка и его грамматической системы.

Чтобы понять этот факт, надо учесть своеобразие тогдашней научной системы в русистике. М.А. Шелякин, приехав в Москву, попал в так называемый "послемарровский" этап развития советского языкознания. Сразу чуть ли не пятьдесят аспирантов было принято в 1951 году на филологический факультет ведущего вуза страны. Объяснялись эти экстраординарные события итогами только что закончившейся дискуссии по вопросам языкознания. Марризм был повержен, наступило время для серьезной науки, которая нуждалась в новых, не отягощенных предрассудками вульгарной теории Н.Я. Марра научных кадрах. Снят был запрет на сравнительно-исторические исследования, появилась возможность углубленного изучения грамматических систем отдельных языков. Среди привлеченных к работе молодых сил, перед которыми сразу же становились самые серьезные задачи, оказалось немало людей, в дальнейшем сыгравших ключевую роль в нашей науке. Достаточно назвать несколько имен - Н.И. Толстой, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Г.Н. Золотова, Вал. Вас. Иванов, К.В. Горшкова, В.В. Вомперский... Все эти люди в одни годы с М.А. Шелякиным учились в аспирантуре МГУ. Можно представить, какая творческая атмосфера царилла на аспирантских семинарах, какой дух витал в коридорах старого здания на Моховой...

Этот дух захватил и будущего нашего юбиляра. Со свойственной ему оснвательностью М.А. Шелякин вратывался в вопросы исторического развития русского языка. Об этом свидетельствует скромная на вид, но очень содержательная брошюра

"**Полногласные и неполногласные формы в современном русском языке**", вышедшая в Таллине в далеком 1958 году. Она и до сих пор остается лучшим, наиболее полным собранием материалов по этой важной теме русистики. Полногласие рассматривается в этом труде во всех возможных аспектах - фонетических, лексических, исторических, грамматических, стилистических. Универсальное внимание к предмету и в дальнейшем останется характерной чертой шелякинского подхода в науке. В этом он продолжает традиции своих научных учителей.

Во второй половине 50-х годов продолжается работа над языком и стилем И.С. Тургенева. Новый же научный интерес не затухает и годы спустя находит обобщенное выражение в книге "Historische Vokalwechsel in der russischen Sprache der Gegenwart" изданной в Потсдаме в 1970 г. Здесь последовательно рассматриваются вокалические чередования русского языка с исчерпывающим историческим комментарием. Работа, право, заслуживала бы издания на языке оригинала.

В 60-е годы появляется в трудах М.А. Шелякина новая научная тема - на этот раз, видимо, навсегда. Речь идет о вопросах русского грамматического строя. Долго же она вызревала, на первый взгляд такая естественная и доступная. "Виноградский этап" в русистике - 50-е - 60-е годы - характеризуется преимущественным вниманием к вопросам морфологии и синтаксиса, выходит множество работ в этой области. Но М.А. Шелякину, чтобы присоединиться к виноградскому направлению, нужно было самостоятельно осмыслить возможности нового подхода к грамматическим явлениям. И лишь во многом независимое от влияния других ученых освоение идей функционализма, что называется, "открывает уста". На страницах ряда авторитетных научных изданий появляются новые работы М.А. Шелякина, в которых на большом материале и с новых позиций рассматриваются важные и трудные вопросы русской грамматики. Подлинный расцвет этой темы приходится уже на 80-е годы. Можно сказать (учитывая сданное в печать и существующее в авторской рукописи), что шестидесятилетие застает творческие возможности юбиляра в цветущем состоянии.

К работам по данной теме вряд ли применим хронологический подход. Идеиное единство перекрывает действительно наличествующие моменты развития. Поэтому докторская диссертация, защищенная в 1972 г., может лечь в основу книги "Категория вида и способы действия русского глагола", изданной в 1983 г. За это время материал и концепция несколько не уста-

рели. Статья в 1978 г. о неопределенных местоимениях находит широкий резонанс в СССР и за рубежом, и из этого замысла вырастает в 1985 г. книга "Русские местоимения". Важное методологическое значение имеет статья "К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий" (1977-1978 гг.), где принципы лингвистического функционализма связываются с идейным наследием Гегеля, Маркса и Ленина. Ряд работ по спорным проблемам видо-временной системы русского языка отличается глубинной постановкой вопросов и их оригинальным решением, в котором в духе современного языкознания семантический подход преобладает над формальным (и в то же время эта линия идет издалека - от А.А. Потебни!). Замыслена и уже частично осуществлена серия статей по семантике и употреблению русских падежей, монография об инфинитиве.

Научная работа М.А. Шелякина идет в тесном взаимодействии с московскими и ленинградскими научными коллективами. Особую роль в творческой судьбе юбиляра играет содружество с группой ленинградских ученых - сторонников функционального направления, возглавляемой известным, выдающимся русистом А.В. Бондарко. От этого сотрудничества выигрывает, надо полагать, не только М.А. Шелякин, но и его ленинградские единомышленники.

М.А. Шелякин известен научной общественности как инициатор и редактор продолжающегося издания "Вопросы русской аспектологии" (вышло 6 томов), объединившего научные силы СССР в данной области.

Говоря о научной деятельности юбиляра, невозможно обойти такую ее сторону, как теоретические основы преподавания русского языка нерусским. Многие работы М.А. Шелякина издавались и издаются в качестве учебных пособий для данной аудитории. С этим направлением связана и преподавательская работа профессора М.А. Шелякина, проходившая в таких городах, как Таллин, Птсдам (ГДР), Гавана (Куба), Тарту.

Ученики и сотрудники юбиляра знают его как внимательно-го, заботливого научного опекуна, очень много сделавшего для их профессионального становления.

В год шестидесятилетия хочется пожелать профессору М.А. Шелякину исполнения всех его сегодняшних многообразных и серьезных замыслов.

Коллеги и ученики

КАТЕГОРИЯ ВИДА И МОДАЛЬНОСТЬ

М. А. Шелякин

1. Исходные положения. Категория вида и аспектуальность в целом не относятся к числу модальных категорий или значений. Однако в научной и учебной литературе уже давно отмечаются модальные свойства видовых форм и дискутируется вопрос о природе этих функций у категории вида. Одни исследователи считают, что видовые формы в ряде случаев вообще служат не для передачи видовых значений, а для передачи лишь модальных значений /1, 4/, оставляя без объяснения соответствующее модальное употребление видовых форм. Напротив, другие исследователи полагают, что модальные функции видовых форм развиваются на основе их собственных видовых значений, "которые под влиянием значения глагольной формы, а также под влиянием окружающего контекста, могут быть очень разнообразными" /6, 132/. Можно также предположить, что модальные функции видовых форм всегда опосредованы другими глагольными формами или контекстом и в таком случае видовые значения вообще не имеют прямого отношения к выражению модальности действия, указывая лишь на "предмет" модальной характеристики.

Думается, что изложенные точки зрения на природу модальных свойств видовых форм (первая точка зрения только констатирует модальные свойства) являются несколько прямолинейными и поспешными. Если модальные функции видовых форм опираются на взаимодействие их видовых значений и контекста в широком смысле слова (т.е. с включением в понятие контекста и глагольных форм, сопряженных с формами видов), то встает вопрос о "механизме" этого взаимодействия, т.е. о том, какова доля участия видового значения в появлении модальной функции в глагольном слове. Например, почему так называемое "наглядно-примерное" значение совершенного вида (типа: Он всегда такое скажет, что стыдно станет; По-русски скорее всего скажут так-то и так-то) сопровождается, как правило, модальностью возможности, а другие видовые значения этой модальности не имеют. Другими словами говоря, в чем заключается

связь значения "экземплярного" представления повторяющегося или спорадического проявления действия с модальным значением потенциальной возможности?

С другой стороны, если модальные свойства видовых форм всегда опосредованы другими глагольными формами или контекстом, то остаются необъяснимыми такие случаи, когда видовые формы служат единственным средством разграничения модальных функций в одних и тех же глагольных формах и в одних и тех же синтаксических позициях: ср. Вам не сдавать экзамена/Вам не сдать экзамена; Здесь не проходить/Здесь не пройти (противопоставление модальности отсутствия необходимости или запрета - модальности невозможности).

В понимании и объяснении модальных функций видовых форм мы исходим из следующих положений:

1) Видовые формы глаголов всегда сопряжены с функциями других глагольных форм. Даже инфинитив, считающийся обычно "чистой" формой для противопоставления видовых значений, осложняет их своими функциональными особенностями (как правило, модального характера).

2) Видовые значения сами по себе не имеют и не развивают модальных функций под влиянием глагольных форм или контекста и не являются лишь областью модальной характеристики. Этот вывод вытекает из наблюдений над тем, что одни и те же видовые значения выступают во всех глагольных формах русского языка и модальные свойства глагольного слова определяются не видовыми значениями, а соответствующими глагольными формами, синтаксическими конструкциями, контекстом в сочетании с видовыми значениями, которые дифференцируют или уточняют модальные свойства глагольных форм, конструкций, контекста.

3) Таким образом, не будучи модальными, видовые значения могут служить экспликацией модальных функций тех или иных глагольных форм, конструкций, контекста, т.е. они формируют у модальных средств их отдельные функции, в чем проявляется единство (координация) видовых и модальных значений в глагольном слове - особенности видового значения определяют характер (содержание) модальной глагольной формы (или глагольной формы в модальном употреблении), конструкции, контекста, но не развиваются в модальное значение и не определяют саму модальность языковых средств. В свою очередь, это означает, что видовое значение может быть релевантным для выражения определенной функции модальных средств и что только по отношению к таким случаям можно говорить о модальных

функциях видовых значений или о модальности видовых значений.

4) Вместе с тем модально-аспектуальные связи не сводятся лишь к однозначным соответствиям между видовым и модальным значениями. Существует и другой характер проявления модально-аспектуальных связей, когда то или иное модальное значение суживает возможность употребления видовых значений, являясь своеобразной семантической позицией для противопоставления ограниченного круга видовых значений. И в этих случаях наблюдается координация видовых и модальных значений в глагольном слове, но уже с расширением определенного выбора видовых значений.

II. Условия реализации модально-аспектуальных связей. К наиболее часто встречающимся условиям реализации модально-аспектуальных связей относятся в русском языке модальные функции форм настоящего-будущего совершенного вида, инфинитива, повелительного и сослагательного наклонений, форм настоящего, прошедшего и будущего времени, приглагольного отрицания.

I. Форма настоящего-будущего совершенного вида занимает в видео-временной системе русского глагола особое место. Она совмещает признаки настоящего и будущего времени, которые под влиянием контекста или ситуации становятся доминирующими. Если форма настоящего-будущего совершенного вида употребляется по отношению к настоящему, то она сопровождается модальностью реальной возможности: ср. Он решит любую задачу = Он может решить любую задачу. Эта модальность является следствием столкновения значения настоящего времени и видового значения совершенного вида: совершенный вид во временном плане настоящего имплицитно подразумевает признак будущего в качестве возможности, поскольку возможность - это всегда предпосылка будущего в плане настоящего.

Обычно модальная функция реальной возможности проявляется в форме настоящего-будущего при отнесении ее к плану неактуального настоящего (типы: Ты всегда что-нибудь забудешь!) или при употреблении ее с отрицанием, указывающим на невозможность реального достижения результата в момент речи (типа: Никак не найду книгу), и противопоставляется форме настоящего несовершенного в функции постоянного потенциального умения, способности субъекта совершать действия: ср. Он решит любые задачи - Он решает любые задачи. В форме прошедшего времени данное противопоставление выражается при по-

мощи сослагательного наклонения совершенного и несовершенного вида: ср. Он раньше решал любые задачи - Он раньше решил бы любые задачи.

2. Форма будущего времени всегда модально окрашена признаками деидеративности, необходимости, обязательности, что объясняется самим содержанием значения будущего. По словам Э. Косериу, будущее - это "внешний" момент, к которому стремится существование" /3, 262/. Поэтому форма будущего времени может употребляться и в императивной функции: ср. Ты сейчас пойдешь и все ему расскажешь! В русском языке модальная окрашенность свойственна особенно форме будущего совершенного вида, сохраняющей по происхождению и значению связь с формой и значениями настоящего времени.

3. Формы настоящего и прошедшего времени имеют модальные функции в том случае, когда они употребляются в абстрактно-потенциальном значении, указывающем на способность, умение субъекта совершать действие (данное значение можно считать одним из вариантов общего модального значения возможности): ср. Он играет/играл на гитаре, хорошо танцует/танцевал. Это значение координируется с постоянным значением несовершенного вида и отличается от модального значения формы настоящего-будущего совершенного вида тем, что не подчеркивает реальной возможности проявления действия в любой момент, являясь качественно-характеризующим: ср. Она поет и играет на гитаре, хорошо танцует и Она и на гитаре сыграет, и споет, и станцует.

В выражении модального значения способности, умения субъекта совершать действие участвует также синтаксическая непереходность глагола (ср. Она отлично рисует), особые значения возвратных глаголов (ср. Собака кусается; Стекло гнется и др.), особые синтаксические связи глаголов (ср. Он хорошо говорит по-немецки и Он говорит по-немецки о погоде) и др.

4. Форма инфинитива в русском языке обладает общей функциональной чертой - она выражает предназначенность действия для субъектного выполнения или оценки (субъект оценки может совпадать с субъектом действия или быть внешним) и тем самым объективирует действие по отношению к его субъекту или к субъекту оценки: ср. Я могу это сделать, стремлюсь поступить в институт и т.д.; Курить - вредно; Обманывать - подло и под.

В соответствии с этой функцией инфинитив часто характе-

ризуется лексически или синтаксически выраженной волеизъявительной модальностью (ср. хочу, готов, стремлюсь и т.д. поехать), модальностью долженствования (ср. должен, обязан сказать, тебе необходимо все рассказывать, тебе ехать и под.), модальностью возможности/невозможности (ср. мне незначит, некуда, не с кем ехать, нам здесь не пройти и др.) и другими модальными оттенками. Видовые значения в форме инфинитива не всегда релевантны для выражения той или иной модальности, особенно если она обозначена лексически при зависимом инфинитиве, но в тех случаях, когда инфинитив выступает в качестве независимого компонента в модальной синтаксической структуре, его модальность тесно связана с категорией вида (о чем см. ниже).

Вместе с тем лексически выраженная модальность, при которой инфинитив представлен в качестве зависимого компонента, влияет на выбор частных значений видов: несовершенный вид обычно употребляется для выражения неразовых предельных действий, совершенный вид — для выражения разовых предельных действий (о чем см. ниже).

5. В форме повелительного наклонения модально-аспектуальные связи реализуются прежде всего при употреблении 2-го лица в прямом побудительном значении с отрицанием: совершенный вид выражает волеизъявление предупреждения, основанного на допущении возможности проявления действия, несовершенный вид — волеизъявление запрета, основанного на полном отрицании проявления действия: ср. Не упади! — Не падай! В других случаях прямого употребления формы повелительного наклонения видовые значения могут вносить коннотации модально-субъективного характера: ср. связь формы несовершенного вида с выражением немедленности совершения действия: "Семен!" — позвала она. — Вставай, Семен! Скорее!... Слезай! Бери сумку... /Гайдар/, но ср. связь формы совершенного вида с выражением модальных оттенков просьбы, совета, вежливости: "Пересядьте, пожалуйста, на другое место", "Будьте добры, откройте окно" и под.

Модально-аспектуальные связи реализуются в форме повелительного наклонения и при употреблении ее формы 2-го лица в переносном значении по отношению к I-ому и 3-ему лицу. Например, если форма 2-го лица употребляется по отношению к I-ому и 3-ему лицу в утвердительных предложениях, то она выражает значение обязывающей необходимости совершения действия, сопровождающееся отрицательной оценкой, осуждением,

недовольством и, как правило, связано с формой несовершенного вида. Ср. Все ушли, а я/он сиди дома; Вы не платите, а мы отвечаю/они отвечаю за вас.

6. Модально-аспектуальные связи в форме сослагательного наклонения зависят от выражаемых им значений. При выражении сослагательным наклонением значения нереального условия-следствия комбинации видовых форм не отличаются от комбинаций видовых форм изъявительного наклонения в значении реального условия-следствия. Однако значения предположительности и желательности сослагательного наклонения накладывают определенные ограничения в употреблении частных значений видов. Так, значение предположительности имеет тенденцию координироваться прежде всего с формой совершенного вида: ср. Из него вышел бы хороший пианист, Ваш товарищ помог бы мне? Выбор же видовых форм при значении желательности во многом определяется тем, к какому грамматическому лицу относится действие. Если желаемое действие относится к I-ому или 3-ему лицу, то для обозначения разового действия употребляется форма совершенного вида, а для обозначения неразового действия - несовершенный вид: ср. Я, пожалуй, выпил бы чаю и Я век бы слушал тебя. Если желаемое действие относится к 2-ому лицу, то употребление видовых форм в целом повторяет употребление видовых форм в повелительном наклонении, но с одним ограничением: сослагательное наклонение в форме несовершенного вида не вносит значения немедленности совершения желаемого действия и выражает желательность по отношению к уже осуществляющемуся действию: ср. Говорили бы вы тише!

7. Приглагольное отрицание проявляется как одно из условий модально-аспектуальных связей прежде всего при результативных глаголах совершенного вида. Поскольку в подобных случаях отрицание выражает отсутствие достижения пределов (результатов), то форма совершенного вида может сопровождаться модальным сознанием субъективно или объективно обусловленной невозможности. Однако это не означает, что отрицание глаголов совершенного вида всегда эксплицирует модальность невозможности. Только в определенных контекстах, морфологических формах, синтаксических конструкциях, содержащих указание на обусловленную невозможность достижения предела действия, отрицание глаголов совершенного вида создает условия для проявления модально-аспектуальных связей. Ср. Ты не переведешь этот текст (с формой будущего времени); Пешком нам туда не добраться (инфинитивная конструкция);

Он не придет - много работы (контекстуальная обусловленность).

Подобным же образом только в конструкциях модального характера отрицание при глаголах несовершенного вида служит условием для выражения модальности ненужности, запрета, объективной неизбежности отсутствия действия: ср. Нам за них не отвечать; Не входить!; Мне некогда книги читать и др. Сама же связь данной модальности с несовершенным видом объясняется тем, что общее значение несовершенного вида сводится к обозначению действия в его осуществлении и поэтому отрицание при глаголах несовершенного вида - это всегда отрицание самой реализации действия, которое и входит в содержание модальности запрета, ненужности и т.д.

III. Семантические типы модально-аспектуальных связей и их разновидности. Как показывают наблюдения, модально-аспектуальные связи в рассмотренном понимании реализуются прежде всего при выражении разного рода проявлений модального отношения субъекта к предикату, в том числе и внешне обусловленного (другим лицом, обстоятельствами, условиями). Этот тип модальности пока не имеет общепринятого обозначения (ее называют "внутрисинтаксической" или "лексической" модальностью), но специфика ее ясна: она устанавливает модальный статус субъекта относительно предиката в плане возможного, необходимого, желаемого, волеизъявительного и возникла из противопоставления реальной и мыслимой - действительности. Релевантность видовых значений для разновидностей этой модальности очевидна, поскольку категория вида, характеризуя целостное/нецелостное проявление действия в различных вариантах, предполагает зависимость этого проявления от субъекта, что особенно свойственно данному типу модального отношения.

Средства выражения "внутрисинтаксической" модальности не исчерпываются только лексическим уровнем (типа: могу, должен, нельзя, необходимо и т.д.). К ним относятся и глагольные формы, обладающие соответствующими модальными функциями категориально или приобретающие их при употреблении в определенных значениях и синтаксических условиях.

Второй тип модально-аспектуальных связей - это область выражения побудительной модальности, устанавливающей направленность действия на реализацию в действительности. Как известно, основным средством выражения побудительно-желательной модальности являются формы повелительного наклонения,

формы сослагательного наклонения в побудительно-оптативном значении и употреблении независимого инфинитива в побудительном или оптативном значениях (в последнем случае с частицей бы). В этом типе модальности видовые значения чаще всего вносят элементы субъективно-экспрессивного отношения говорящего к реализации действия – оттенки категоричности, просьбы, немедленности, совета, приглашения, рекомендации и др., опирающиеся на специфику частных значений видов.

Наконец, можно выделить и третий тип модально-аспектуальных связей – модально-оценочный, который выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к действию и представлен лексическими средствами, а также особым употреблением видо-временных форм в определенных контекстах и ситуациях. И здесь соответствующие видовые значения служат экспликацией модальных оценок, координируясь с их разновидностями.

Ниже рассмотрим основные случаи релевантности видовых значений для выражения отдельных разновидностей каждого из отмеченных типов модальности.

1. Модально-аспектуальные связи при выражении "внутрисинтаксической" модальности. На основании имеющихся наблюдений над модально-аспектуальными связями /см. 1, 2, 4, 5/ можно утверждать, что релевантность или ограниченность употребления видовых значений при выражении "внутрисинтаксической" модальности проявляет себя в следующих ее разновидностях: 1.1. при значении субъективной возможности/невозможности, 1.2. при значении способности/неспособности, 1.3. при значении объективной возможности/невозможности, 1.4. при значении необходимости/отсутствия необходимости и 1.5. при значении субъективной волонкативности.

1.1. Модальное значение субъективной возможности/невозможности осуществления действия координируется со значениями совершенного вида и выражает зависимость возможности осуществления действия от самого субъекта в определенных условиях. Приводим примеры на разные случаи реализации данного значения: Кто решит/сможет решить эту задачу? Никак не пойму/не могу понять вас; Здесь не пройти/нельзя пройти; Его не узнать/можно узнать; Не упасть бы; Он всегда найдет выход из положения; Эту статью можно/нельзя перевести без словаря; Он может не ответить мне; Дайте мне свой адрес, чтобы я мог найти вас; Нам есть о чем поговорить; У него шанс выиграть; Из него вышел бы хороший художник; Я очень сомневаюсь, чтобы он выполнил эту работу. Ср. также употребление

совершенного вида при выражении реализованной возможности: Он смог достать билет; Ему удалось попасть на концерт.

Одним из средств выражения модальности невозможности служит переносное употребление формы 2-го лица повелительного наклонения по отношению к I-ому или 3-ему лицу в отрицательных высказываниях. В таких высказываниях форма совершенного вида сопровождается модальностью неправомерного запрета на возможность осуществления действия: ср. Я и слова не скажи ему (= не могу сказать); Я и на час не отлучись; Ему и слова не скажи; Всех распугал: никто не подойди и под. При допустимой замене форм совершенного вида формами несовершенного вида происходит изменение модального значения: несовершенный вид подчеркивает обязательность неосуществления действия (о чем см. ниже): ср. Я и слова ему не говори; Ему и слова не говори.

I.2. Модальное значение способности/неспособности совершать действие координируется с постоянно-потенциальным значением несовершенного вида. Ср. Он хорошо играет/умеет играть/может играть/разучился играть/способен играть и т.д.; Она мастерица печь блины; У него дар сочинять стихи. К этому значению примыкает и выражение постоянного свойства обобщенного субъекта совершать действие: типа Эта бритва хорошо бреет; Стекло легко моется; Человеку свойственно ошибаться.

I.3. Модальное значение объективной возможности/невозможности совершать действие координируется с обобщенно-фактической функцией формы несовершенного вида и выражает возможность/невозможность совершения действия, основанную на общем разрешении/запрете, праве или обусловленную какими-то объективными условиями и обстоятельствами. Ср. Здесь можно/разрешается/нельзя/запрещено курить; Человек может успешно работать в космосе; В этом зале нельзя петь: нет акустики; Они имеют право/не имеют права/могут/не могут писать об этом; Ему можно не работать; Читатели не могут брать более трех книг одновременно и под.

Модальное значение общего разрешения, права противопоставляется значению отдельного разрешения, которое относится к отдельному случаю (определенному лицу) и предполагает употребление совершенного вида в конкретно-фактическом значении: ср. Можно мне войти? Ему можно здесь есть? Он имел право так сказать и т.д.

I.4. Модальное значение необходимости/отсутствия необходимости совершать действие имеет более сложные взаимоотно-

шения с видовыми значениями. В этой модальной разновидности прежде всего выделяется отрицательное значение, которое координируется только с обобщенно-фактической функцией формы несовершенного вида и имеет характер эмфатического отрицания (см. об этом ?). Оно конкретизируется в выражении разного рода модальной каузации отказа от предполагаемого осуществления действия - в значениях нецелесообразности, ненужности, неизбежного отсутствия и др. Ср. Нам за них не отвечать; Не тебе меня учить; Можно было и не напоминать мне об этом; Тебе не надо/не нужно/нельзя/не следует/не стоит/не имеет смысла рассказывать об этом; Ты не обязан/не должен писать ему; Ей незачем с ним говорить; Зачем об этом говорить? Какой смысл сидеть здесь? Чему тут радоваться? Не ночевать же здесь; Не входить и др.

В некоторых случаях показатели модального значения отсутствия необходимости допускают употребление совершенного вида, но при этом происходит сдвиг значения в модальную область предполагаемой субъективной невозможности. Ср. Он не должен опаздывать и Он не должен опоздать (= Он, видимо, не опоздает). Подобный модальный сдвиг, но уже в область предполагаемого намерения говорящего совершить действие, наблюдается и при употреблении формы совершенного вида в инфинитивных конструкциях, выражающих колебание в альтернативном решении вопроса о нужности/ненужности совершения действия: ср. Говорить ему об этом или не говорить? и Сказать ему об этом или не сказать? Форма несовершенного вида здесь употребляется в единично-фактической функции, выделяющей действие, которое с точки зрения говорящего затрагивает принципиальный вопрос и устанавливает известную линию поведения (см. об этой функции ?). Форма совершенного вида сигнализирует в таких предложениях о предполагаемом намерении говорящего исполнить действие и допускает включение показателя "может быть", в то время как форма несовершенного вида подчеркивает альтернативность нужности/ненужности совершения действия. Такое же различие в модальных оттенках, связанное с употреблением формы несовершенного вида в единично-фактической функции и формы совершенного вида в конкретно-фактической функции, наблюдается при выражении независимым инфинитивом альтернативного вопроса о совершении действия; ср. Кефир и творог принесут - брать/взять? Что тебе брать/взять на второе? Как послать/послать ваше письмо - авиа или простым? В разговоре в ожидании автобуса: В какой садить-

ся/сесть? Тебе надо узнать, когда кончается срок твоего пребывания в гостинице. - А где узнавать/узнать? Ср. также в форме будущего времени: Вы будете звонить/позвоните ему? Вы будете выходить/выйдете на следующей остановке?

В утвердительных предложениях значение необходимости допускает употребление как совершенного, так и несовершенного вида. Однако это модальное значение имеет тенденцию координироваться с тем и другим видом прежде всего в зависимости от выражения разового и неразового проявления предельного действия. Ср. Во время перерыва необходимо/нужно/ следует проветрить/проветривать помещение; Вы должны/обязаны признать-признавать свои ошибки. Вместе с тем данная видовая дифференциация влияет и на оттенки модального значения: с формой несовершенного вида связывается в большей мере оттенок обязательности или неизбежности, с формой совершенного вида - оттенок субъективной вынужденности (вынужденной необходимости). Эти оттенки одного и того же модального значения обнаруживаются и при обозначении разового действия синонимичными видовыми формами: ср. Спорь не спорь, а надо соглашаться/согласиться; Другой дороги не было, пришлось делать/сделать пересадку; Надо что-нибудь предпринимать/предпринять - больному стало хуже; Надо вызывать/вызвать врача! Ср. употребление только инфинитива совершенного вида со словом "вынужден" (вынужден попросить, написать и т.д.) и формы будущего совершенного вида в этой модальной разновидности: Ничего, он все равно вернется домой. О.П. Рассудова, обратившая внимание на указанный модальный оттенок инфинитива несовершенного вида, связывает его со значением приступа к совершению действия /6, 59/. Нам представляется, что и здесь основой для модального оттенка объективной обязательности или неизбежности служит единично-фактическая функция формы несовершенного вида, экспрессивно выделяющая значение действия, а основой модального оттенка вынужденности - конкретное-фактическое значение совершенного вида.

Связь между значениями несовершенного вида и модальными значениями неизбежности, объективной обязательности ярко проявляется в инфинитивных предложениях в дат. пад. субъекта, не допускающих, как правило, употребления форм совершенного вида. Ср. Мне еще тетради проверять! Завтра мне рано вставать; Нам эту землю обрабатывать и обрабатывать. В этих конструкциях форма несовершенного вида может выступать в обобщенно-фактическом, единично-фактическом и неограничен-

но-кратном значениях. Подобное модальное значение имеет и переносное употребление форм повелительного наклонения несовершенного вида в разных частных значениях с отрицательной модальной окрашенностью по отношению к I-ому или 3-ему лицу, Ср. "Я крикнул солнцу: "Дармоед! Занежен в облака ты, А тут - не знай ни зим, ни лет, Сиди, рисуй плакаты!" (Маяковский), "И после такой жизни на него вдруг навалили тяжелую обузу выносить на плечах службу целого дома! Он и служи ба-рину, и мети, и чисти, он и на побегушках" /Гончаров/.

1.5. Модальное значение волонтиативности заключается в выражении волевой направленности субъекта к совершению действия и представлено в основном инфинитивными сочетаниями со словами, имеющими значения желания, намерения, склонности, стремления, замысла и др. (типа: хотеть, надеяться, стремиться, стараться, собираться, готов, мечтать, любить, нравится и др. + инфинитив). В зависимости от лексического значения подчиняющих слов одни из таких сочетаний предполагают употребление форм несовершенного и совершенного вида в отвлеченно-потенциальных функциях, другие сочетания - употребление форм несовершенного и совершенного вида главным образом в значениях разового и неразового предельного действия. Первые сочетания представлены глаголами любить, нравится + инфинитив и допускают синонимичное употребление видовых форм: формы совершенного вида в наглядно-примерной функции и формы несовершенного вида в потенциально-постоянном значении. Ср. Он любит в выходной день поработать/работать в саду; Ему нравится произвести/производить впечатление на окружающих.

Вторые сочетания представлены всеми остальными словами волонтиативной модальности + инфинитив. Ср. Я хочу получить/получать этот журнал; Он мечтает делать/сделать добро людям; Я надеюсь встретиться/встречаться с вами; Человек стремится внести/вносить в свою жизнь красоту; Он собирался поговорить/говорить с ним. Ср. также употребление формы сослагательного наклонения в оптативном значении, когда она относится к I-ому или 3-му: "Я бы в летчики пошел, пусть меня научат!" /Маяковский/; Он бы только и ловил рыбу!

2. Модально-аспектуальные связи при выражении побудительно-повелительной и побудительно-желательной модальности. Как уже отмечалось выше, в побудительной модальности, выражаемой формами повелительного наклонения, видовые значения часто сопровождаются оттенками субъективно-экспрессивного

отношения говорящего к реализации действия, что связано со спецификой частных значений видов. Так, побуждение к конкретно-процессному проявлению действия окрашивается оттенками немедленности, категоричности, побуждению к конкретно-фактическому проявлению действия - оттенками просьбы, совета, желательности (при абсолютном отрицании действия употребляются формы несовершенного вида, при отрицании допускаемой возможности - формы совершенного вида), примеры см. выше.

Подобное различие в субъективно-модальных оттенках, связанных с различными значениями видов, наблюдается и при выражении косвенного побуждения. А.В. Бондарко /I, IIО/ обратил внимание на то, что в вопросительных предложениях, начинающихся "упрекающими" словами "что же ... (чего же)", "что это", форма настоящего-будущего совершенного вида в сочетании с отрицательной частицей выражает косвенное побуждение, имеющее оттенок желательности, уместности. Например: Что же вы нас не пригласите напиться чаю? Что же ты не спросишь, где я был? Что это вы никогда не зайдете ко мне? и под. При замене в этих случаях формы совершенного вида формой несовершенного вида отмеченный оттенок исчезает, но появляется оттенок немедленности, категоричности. Ср. Что же ты не спросишь/не спрашиваешь меня, где я был? Что же вы не пригласите/не приглашаете меня к себе? Поэтому такие предложения с формой несовершенного вида неуместны при "этикетном" обращении.

Если выражается побуждение к неразовому осуществлению предельного и непредельного действия, то форма несовершенного вида носит характер совета, рекомендации, призыва. Ср. Храните деньги в сберегательной кассе; Регулярно занимайтесь утренней зарядкой; Век живи, век учись; Уходя, гасите свет.

Особый случай проявления связи видовых форм с коннотациями модально-субъективного характера представляет выражение формами повелительного наклонения согласия на просьбу или намерение собеседника совершить действие. Ср. Можно войти? - Входите/войдите; Можно у вас взять карандаш? - Берите/возьмите. Здесь допускается синонимия видовых форм, но форма совершенного вида скорее подчеркивает разрешение, а форма несовершенного вида - согласие, одобрение.

В форме повелительного наклонения наблюдается и употребление несовершенного вида в обобщенно-фактической функции, придающей побуждению характер общего приглашения, напомина-

ния. Ср. Заходите к нам! Пиши, не забывай!

Иные модально-аспектуальные связи характеризуются у независимого инфинитива, когда он употребляется в категорически-побудительной функции в утвердительных высказываниях. Формы несовершенного и совершенного вида здесь не различаются по субъективно-экспрессивным оттенкам - обе формы имеют модальное значение немедленности, категоричности осуществления действия. Ср. Сидеть! Молчать! Встать! Сесть! Однако, как правило, форма несовершенного вида употребляется по отношению к разовому непредельному действию, а форма совершенного вида - по отношению к разовому предельному действию. Такая же аспектуальная связь у формы будущего времени, когда она употребляется в категорически-побудительной функции. Ср. Ты пойдешь и все расскажешь! Ты будешь здесь сидеть и ждать!

В отличие от побудительно-повелительной модальности в форме повелительного наклонения, побудительно-желательная модальность, выражаемая сослагательным наклонением, как уже отмечалось, дифференцируется видовыми значениями главным образом по признаку разового (форма совершенного вида) и неразового (форма несовершенного вида) проявления действия. Ср. Ты бы выключил свет и лег спать; Ты бы занимался каждый день утренней зарядкой.

3. Модально-аспектуальные связи при выражении оценочной модальности.

Этот тип модально-аспектуальных связей проявляет себя прежде всего при употреблении зависимого и независимого инфинитива. Как показывают работы А.А. Бойко /I/, в сочетаниях с зависимым инфинитивом, обозначающих отрицательную модальную оценку действия, как правило, употребляется форма несовершенного вида. Ср. устал работать, надоело читать, опротивело слушать, курить - вредно, спорить с ним напрасно, жаль расставаться и т.д. В этом отношении интересны ее наблюдения над видовой дифференциацией некоторых сочетаний. Ср. Ему невтерпех слушать/послушать передачу: сочетание с инфинитивом несовершенного вида передает отрицательное отношение к совершающемуся действию, а сочетания с совершенным видом - положительное (заинтересованное) отношение к потенциальному действию. Ср. также: Ему не пришлось его увидеть (сожаление) и Ему не пришлось его видеть (отпала необходимость); Перевести этот текст не стоит труда (= легко) и Переводить

ЭТОТ ТЕКСТ НЕ СТОИТ ТРУДА (= нецелесообразно).

Связь отрицательной модальной оценки с употреблением формы несовершенного вида становится понятной, если учесть, что отрицательная модальная оценка действия – это своего рода экспликация отрицания действия, которое выражается всегда формой несовершенного вида в различных значениях. Ср. эту модальность при независимом инфинитиве несовершенного вида в конкретно-процессном и обобщенно-фактическом значениях: "Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с вами!" /А.Н. Островский. Гроза/; Чем гулять, лучше бы почитал; "Подождите еще немножко, – умоляющим голосом произнесла Акулина. – Чего ждять? Ведь уже я простился с тобой" /Тургенев. Свидание/; "Я с ума сойду от радости. – Вот! Есть отчего с ума сходить!" /А.Н. Островский. Гроза/; "Я уж говорил тебе: он, если завернет, то круто. – Что значит "завернет"! Не те времена, чтоб заворачивать!" /И. Герасимов. Предел возможности/. Ср. также фразеологизмы: И что и говорить! Как это спускать таким людям? Едва ли нужно говорить, что...

Отрицание действия через негативную модальную оценку содержит и впервые выделенный А.В. Бондарко /2/ тип употребления формы настоящего несовершенного для эмоционально-экспрессивной актуализации уже известного прошлого факта, вызвавшего удивление или возмущение. Этот факт прошлого представляет собой целостное действие, но говорящий употребляет форму несовершенного вида для актуализации факта и выражения отрицательной модальной оценки. Ср. "Я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом, а он, противный, что же делает! Назначает "Фру-фру" со Смельской" /А.Н. Островский. Таланты и поклонники/; "Как он жил, как жил, господи ты боже мой. Равнодушная жена в Москве, а он здесь или в Ницце, пишет ей уничижительные письма, вымаливает свидания!" /Казаков. Проклятый ветер/.

IV. Краткие итоги. Как показывают наблюдения, частные значения видов в ряде случаев участвуют в дифференциации модальных значений глагольных форм, синтаксических конструкций и контекста или зависят в своем употреблении от особенностей тех или иных модальных значений. Инвариантные значения видов и их разновидности имеют определенные мотивированные связи с выражаемыми модальными значениями. В этом отношении показательна связь частных значений несовершенного вида с такими модальными значениями, которые предполагают сам факт вклю-

чения (в том числе и возможного) субъекта в непосредственную реализацию действия, — со значениями постоянной способности/неспособности, объективной возможности/невозможности осуществления действия, основанной на общем разрешении/запрете, праве, отрицании необходимости, нужности осуществления действия, его неизбежности, отрицательной оценки действия. С другой стороны, показательна связь частных значений совершенного вида с такими модальными значениями, которые предполагают достижение субъектом того или иного предела действия, — со значениями субъективной возможности/невозможности, намерения, просьбы, совета и др.

Вместе с тем особенности модального значения оказывают влияние на выбор частных видовых значений: одни из них (побудительно-повелительное значение) допускают употребление всего набора частных значений видов, другие (значения волеизъявления, побудительной желательности, необходимости и др.) допускают главным образом противопоставленное употребление видов по признаку обозначения разового (совершенный вид) и неразового (несовершенный вид) характера предельных действий.

Из сказанного можно также сделать общий вывод: различные функционально-семантические поля в структуре языка и речи не просто накладываются друг на друга или "соседствуют" друг с другом, а находятся в мотивированных взаимосвязанных отношениях.

Литература

1. Бойко А.А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке. АДД, Ленинград, 1983.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963.
4. Калабухова Т.А. Потенциальное значение высказываний с формами совершенного вида при отрицании. — В сб.: Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
5. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
6. Ушакова Л.И. Употребление видов глагола в независимом предикативном инфинитиве. АКД, Воронеж, 1975.
7. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КРАТНОГО ТАКСИСА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. П. Кольмоя

"Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения" – так определяет это понятие Р.О. Якобсон, относя таксис к категории не-шифтеров и разделяя его на независимый и зависимый, в русском языке выраженный деепричастием /Якобсон, 1972, с. 101/.

А.В. Бондарко рассматривает таксис как функционально-семантическое поле, формируемое различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выражаемых в высказывании /Бондарко, 1984, с. 71/.

По наблюдениям Н.А. Козинцевой /Козинцева, 1986, с. 62/, в итеративно-таксисных конструкциях могут быть связаны между собой или только итеративные действия или итеративные и не-итеративные действия.

В интересующем нас типе кратного таксиса реализуются все указанные выше семантические признаки функционально-семантического поля, его добавочным свойством является неограниченная кратность, повторяемость целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, все действия итеративны. Такой кратный таксис в современном русском языке представлен в специфических синтаксических построениях – кратнo-соотносительных конструкциях (типах), а также в некоторых примыкающих к ним структурах.

Семантически кратнo-соотносительные конструкции (КСК) представляют собой эпизод, состоящий из нескольких взаимосвязанных действий, который повторяется неограниченное количество раз: Едва только войдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гулянем /Н. Васильев/. Отношения между действиями, составляющими эпизод ("действие" понимается здесь в широком смысле, включая и состояние, и процесс и т.п.), остаются неизменными в процессе повторения, т.е. аспектуально-

таксисная характеристика постоянна, тогда как "кратность" здесь как бы вынесена за скобку" /Маслов, 1954, с. 82/, она относится ко всем действиям, точнее, ко всему соотношению действий в целом. Подобное "вынесение повторяемости за скобку" позволяет употреблять внутри конструкции различные временные формы совершенного вида (СВ) для обозначения объективно повторяющихся действий, представленных, однако, здесь на примере одного случая (т.н. наглядно-примерное употребление СВ), т.е. создается как бы некая "фикция единичности". Значение повторяемости такого эпизода может выражаться как при помощи определенных лексических показателей (бывало, часто, всегда так и др.), так и самим видо-временным соотношением глагольных форм или взаимодействием средств разных уровней языка /Кольмоя, 1987/.

Повторяемость события, представленного в КСК, является неограниченной, такой эпизод не может быть прикреплен к определенному временному моменту в прошлом, настоящем или будущем. Такую ситуацию можно отнести к абсолютно нелокализованым во времени. В передаче значения абсолютной нелокализованности могут участвовать глаголы в форме настоящего (для СВ - будущего-настоящего) времени: Человек он смирный, а только иной раз как начнет говорить, ничего не поймешь /А.Чехов/. Иногда это значение создается при участии формы СВ прошедшего времени с перфектным значением: Народ как дал прозвище, так и умри - не скинешь /Г.Тропольский/. Реже событие, отраженное в КСК, не прикреплено к определенному временному моменту, но представлено как многократно повторявшееся в прошлом и/или как такое, которое будет повторяться в будущем. В этих случаях можно говорить об относительной временной нелокализованности. Это значение передается глаголами в соответствующей форме времени: И всякий, если кто когда-нибудь про эту историю узнает, посмеется, непременно посмеется, а не пожалует /Н.Лесков/; или в случае переносного (метафорического) употребления - при поддержке контекста: Идешь, бывало, с подружкой батумским парком у моря, луна вовсю... и сердце от лаврового духа так и замирает /В.Лаврентьев/.

Близки к КСК, хотя и отличаются от них по некоторым характеристикам, конструкции с отглагольными существительными с предлогом ПРИ с временным и условным значением: (Соня) как кумач краснела при появлении Долохова /Л.Толстой/; Конечно, бывало и так, что в свежую погоду шлопку при высадке рабби-

вало о камни или выкидывало на берег /Д.Соболев/. В таких конструкциях тоже представлены отношения кратного таксиса, к ним применимо и понятие нелокализованности эпизода. Таким образом, одним из характерных свойств кратного таксиса является нелокализованность его во времени.

Кратный таксис, как и некратный, подразделяется на зависимый (конструкции с деепричастием, причастием и отглагольными существительными с предлогом ПРИ) и независимый (конструкции со спрягаемыми формами глагола).

Независимый кратный таксис представлен в сложноподчиненных предложениях с временными, условными и уступительными придаточными, в некоторых фразеологизированных конструкциях со значением обусловленности, в предложениях с местоименно-относительной (неориентированной анафорической) связью частей, во всех типах сложносочиненных предложений, кроме предложений с пояснительным, факультативно-комментирующим, причинно-следственным и градационным значением, во всех бессоюзных соединениях предложений с двусторонним отношением частей.

По различным причинам кратный таксис не может быть представлен в некоторых типах предложений. Так, из сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры он выступает лишь в предложениях с неориентированной местоименно-относительной связью частей, так как остальные предложения нерасчлененной структуры – изъяснительные, компаративные, определительные – не обладают неопределенно-обобщительным значением, легко сочетающимся со значением повторяемости. Из сложноподчиненных предложений расчлененной структуры кратный таксис невозможен в предложениях, выражающих сравнительные, причинные и целевые отношения, а также в предложениях со значением следствия. В них главная и придаточная часть не являются компонентами одного эпизода, а составляют две самостоятельные ситуации. По той же причине кратный таксис не представлен в сложносочиненных предложениях с пояснительным, факультативно-комментирующим, причинно-следственным и градационным значением, а также в бессоюзных соединениях с односторонним отношением частей.

"Семантическую доминанту поля таксиса образуют отношения одновременности/неодновременности (предшествования-следования) в сочетании с той или иной аспектуальной характеристикой данного отношения" /Бондарко, 1984, с. 72/. Семантической доминантой кратного таксиса следует признать отношения

неодновременности как выражающие данные (таксисные) отношения в наиболее "чистом", неосложненном виде, тогда как отношения одновременности всегда обязательно сочетаются со значением обусловленности.

Отношения одновременности в кратном таксисе (без употребления данного термина) подробно рассмотрены А.В. Бондарко /Бондарко, 1971, с. 131-141, 198-210, 215-217/. Анализу подвергнуты кратные-соотносительные конструкции, содержащие глаголы совершенного вида в какой-либо временной форме. Таксисные отношения неодновременности представлены следующими разновидностями: предшествование, предшествование - следование, последовательность, чередование, взаимоисключение, совокупность совмещающихся действий (в последнем случае, правда, нужно бы говорить о переходном между одновременностью и неодновременностью варианте отношений, т.к. здесь нет четкого выражения ни последовательности, ни одновременности действий). К этому следует добавить еще такую разновидность как "длительность - следующая за ней длительность" (точнее было бы говорить о "нецелостности - следующей за ней нецелостности" или о "невыраженной целостности", т.к. в выражении отношений этого типа обязательно участвуют две временные формы несовершенного вида (НСВ), однако здесь мы будем пользоваться термином А.В. Бондарко "длительность", понимая под этим всякое действие, а также состояние, представленное глаголом НСВ). Данный тип таксисных отношений представлен сочетаниями различных форм несовершенного вида, обычно поддержанных разнообразными контекстуальными средствами. Они могут выступать во временных предложениях (Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним /М.Булгаков/; Когда же наваливало ненадежного южного снега, то и совсем становилось скучно /В.Катаев/), в условных (Но если, забываясь, он чересчур крепко жал ее руку, она грозила розовым пальчиком /А.Куприн/), в сложносочиненных предложениях с союзами И и А (Шевелилась ли трава по ветру, а уж Передонову казалось, что серая недотыкомка бегала по ней и кусала ее, насыщаясь /Ф.Сологуб/), в бессюжных сочетаниях с условным значением (Приходишь к нему положим, буду говорить, на Новый год с поздравлением - трешку дает... /И.Ильф, Е.Петров/). Таксисные отношения "длительность - следующая за ней длительность", выраженные в перечисленных выше типах предложений, всегда

выступают в т.н. кратно-парных конструкциях. Они представлены сочетанием параллельных видо-временных форм, т.е. НСВ^{прош.} - НСВ^{прош.} или НСВ^{наст.} - НСВ^{наст.}

При соответствующем распространении 2-й части конструкций, в которых передаются отношения "длительность - следующая за ней длительность", получим вариант данного типа, который можно обозначить как "длительность - следующий за ней длительный ряд". Длительный ряд, по определению А.В. Бондарко, представляет собой сочетание форм несовершенного вида, обозначающее одновременные действия или оставляющее временное соотношение действий невыраженным /Бондарко, 1971, с. 188/. Отношения "длительность - следующий за ней длительный ряд" представлены в тех же синтаксических структурах, что и предыдущий тип таксисных отношений, здесь тоже наблюдается параллелизм временных форм и лишь сама КСК является уже не кратно-парной, а переходной от кратно-парного к кратно-цепному типу - распространенной кратно-парной: Когда погорелец приходит к мужику, мужик сажает его за стол, кормит обедом и дает копейку /В.Вересаев/; Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремительно скатывался с окошка, проскальзывал на брюхе в подворотню и полным карьером несся на дерзкого нарушителя территориальных законов /А.Куприн/. Иногда действия, составляющие длительный ряд, достаточно четко могут быть поняты и как последовательные (см. последний пример), однако последовательность в таких случаях выражается не формами вида, а лексическим значением глаголов, самой логикой повествования (сначала скатывался с окошка, лишь затем проскальзывал в подворотню, а уже после этого несся полным карьером), когда действия таковы, что не могут происходить одновременно.

В КСК, относящихся к кратно-парному типу, возможны и такие таксисные отношения как "длительность - предшествующая ей длительность". Они передаются в особого рода построениях, создаваемых сочетанием инфинитива НСВ и формы настоящего или прошедшего времени НСВ в сложноподчиненных предложениях, выражающих временные отношения с союзом КАК: Как людям гулять, так вы и нанимаетесь /А.Чехов/; Вот вечно: как нам обедать, так ты свои ногти начинаешь стричь (из записей разговорной речи). Союз КАК в данном случае передает информацию типа "перед тем как", "прежде чем", действие главного предложения предшествует действию придаточного. При распространении второй части рядом однородных сказуемых по-

лучим отношения "длительность - предшествующий ей длительный ряд", сама КСК станет распространенной кратго-парной: Как солнцу вставать, на всех крышах и скворечниках просыпались, заливались разными голосами скворцы, хрипели, насвистывали то соловьем, то жаворонком, то какими-то африканскими птицами, которых они наслушались за зиму за морем, - пересмешничали, фальшивили ужасно /А.Н. Толстой/.

Подробное описание отношений предшествования А.В. Бондарко можно дополнить двумя типами фразеологически связанных конструкций с компонентами НЕ УСПЕЕТ (НЕ УСПЕВАЛ)... (КАК) и СТОИГ (СТОИЛЮ)...(КАК). Своеобразие этих построений заключается в том, что композиция их фиксированна, СТОИГ и НЕ УСПЕЕТ являются компонентами двухместного союзного соединения и в то же время, сочетаясь с инфинитивом лексически свободного глагола совершенного вида, входят в состав сказуемого и являются носителями его модальных и временных характеристик, а также видового значения. В оформлении первой части такой конструкции действуют ограничения в отношении вида глагола - может быть употреблен только глагол совершенного вида. В обеих фразеологизированных конструкциях подчеркивается минимальность временного интервала или его отсутствие между действиями: Не успевал окончиться акт, как начиналось междудействие, рассчитанное на то, чтобы не давать зрителю ни одного мгновения передышки /Б.Франк/; Стоило женскому голосу позвонить, как ей из трубки в ухо ударял разряд /А.Вознесенский/. На вторую часть построения видовые ограничения не распространяются. В сложноподчиненном предложении с временным союзом ПОКА НЕ, которое А.В. Бондарко рассматривает как особый случай употребления формы прошедшего СВ со значением временного предела, ограничивающего, прекращающего протекание другого действия, выражаются отношения следования. Здесь необходимо отметить, однако, что в данных синтаксических условиях может быть употреблена и форма настоящего времени СВ с тем же значением: Так будет продолжаться до тех пор, пока не стукнет в темной части особняка окно, не появится в нем что-то беловатое и не раздастся неприятный женский голос /М.Булгаков/.

Характерной особенностью отношений чередования (когда одно действие сменяет другое и при этом не образуется последовательный ряд), выражаемых глаголами НСВ (Волосы то отблескивали медью, то казались совсем черными /Ю.Нагибин/), является возможность употребления глаголов в любой, но оди-

наковой, временной форме. Для аналогичных построений с СВ типично функционирование здесь лишь формы настоящего-будущего времени: Запахи тянулись за ним: то ударит в ноздри душистой польнью, то листьями бодана, то повеет высушенной мятой или увядшими цветами /Е. Мальцев/.

Взаимоисключение действий. В данном типе таксисных отношений действия несовместимы в едином временном плане, утверждаемое в главной части предложения сохраняет силу независимо от того, какое из действий, представленных в придаточных предложениях, имеет место в действительности. Такие отношения выступают в сложносочиненном предложении с повторяющимися союзами ЛИ...ЛИ, ЛИ...ИЛИ, ИЛИ...ИЛИ. Глаголы НСВ могут быть представлены здесь формами прошедшего или настоящего времени, но, как и в предыдущем типе отношений, только одной из названных временных форм: Много дней Алексей Алексеевич видел перед собой этот портрет. Читал ли книгу, - он очень любил описания путешествий по диким странам, - или делал заметки в тетради, куря трубку, или просто бродил в бисерных туфлях по навощенному паркету, Алексей Алексеевич подолгу останавливал взгляд на дивном портрете /А.Н. Толстой/.

Некоторые типы таксисных отношений являются промежуточными между неодновременностью и одновременностью, хотя и тяготеют больше к последней. Это такие варианты как "длительность - наступление факта (или ряда целостных фактов)" и "наступление факта - длительность", которые можно рассматривать как отношения частичной одновременности (действие, представленное глаголом СВ, происходит на фоне длительного процессуального действия, выраженного глаголом НСВ): Сидишь, бывало, вечером у открытого окна, один-одиошенек, заиграет музыка, и вдруг охватит тоска по родине, и, кажется, все бы отдал... /А.Чехов/. Отношения "наступление факта - длительность (длительный ряд)" представлены в сложносочиненных и бессоюзных предложениях, особенностью их семантики является то, что субъект, от лица которого дается описание, может лишь догадываться, делать логические выводы о том, что процесс начался когда-то раньше, до того, как он вошел (открыл, увидел), сам он при начале его не присутствовал: Утром откроешь окошко, а он уже за работой (сидит). /Ф.Абрамов/.

Отношения одновременности в кратком таксисе почти всегда (в 90% случаев на нашем материале) осложнены тем или иным оттенком обусловленности (условно-временным, условно-следст-

венным) и поэтому не являются центральными для кратного таксиса. Они представлены следующими типами: длительный ряд, длительность (-условие) - одновременная длительность, а также некоторыми их вариантами.

Отношения "длительный ряд" выражаются сочетанием форм несовершенного вида, обозначающих одновременные действия или оставляющих временное соотношение действий невыраженным. Длительный ряд может выступать в бессоюзных сочетаниях на основе перечисления, в сложносочиненных предложениях с союзом И, в уступительных предложениях с ХОТЯ и в сложноподчиненных предложениях, выражающих временные отношения, с союзом КОГДА. Длительный ряд в бессоюзных и сложносочиненных предложениях может быть представлен однородными сказуемыми: И, бывало, посредине спора вдруг звенела вещая струна, открывались дальние просторы, лунные клубились облака /В. Луговской/.

Отношения "длительность - одновременная ей длительность" как основанные на противопоставлении двух членов, выражаются в кратно-парной конструкции при помощи глаголов НСВ: Я каждый раз, когда хочу сундук мой отпереть, впадаю в жар и трепет /А. Пушкин/; И где бы ни переступал каких домов пороги, я никогда не забывал о доме у дороги /А. Твардовский/; И вот в этот скобарь (дачный поезд до Пскова - И. К.) садишься и не знаешь как ... что произойдет /Русская разговорная речь. Тексты/. Круг синтаксических структур, в которых эти отношения представлены, достаточно широк (сложноподчиненные предложения с временным, обобщенно-уступительным, потенциально-условным и неопределенно-условным значением, сложносочиненные предложения с сопоставительным или соединительным значением, бессоюзные сочетания с двусторонним отношением частей с условным значением).

Два последних типа таксисных отношений могут иметь варианты, выступающие в сходных условиях. При соответствующем распространении одной части кратно-парной конструкции могут возникнуть отношения: "длительность - одновременный ей длительный ряд", "длительный ряд - одновременная ему длительность", "длительность - одновременный ей ряд последовательных длительностей": Каждый раз, как Иван Потапыч проходил мимо меня, я вытягивал шею и шипел, как змей /О. Форш/; Когда в пехотной цепи (...) случается что-нибудь "интересное" вроде атаки или разведки боем, то батарейцы бегут на открытое возвышенное место, ложатся и смотрят /В. Катаев/.

Во всех описанных выше вариантах таксисных отношений при выражении соотносительных действий глаголами НСВ в большинстве случаев наблюдается параллелизм видо-временных форм. Лишь для выражения отношений "длительность - предшествующая ей длительность" и "длительность - одновременная ей длительность", представленных в сложноподчиненных предложениях с придаточным с обобщенно-уступительным значением допустимы сочетания глаголов НСВ в сослагательном наклонении и прошедшем времени или в повелительном наклонении и настоящем времени.

Кратный таксис подтверждает тезис о центральном положении соотношения видо-временных форм глаголов в предложениях с придаточным времени в сфере независимого таксиса с точки зрения наибольшей специализации данного средства по отношению к рассматриваемой функции /Бондарко, 1984, с. 91/. В предложениях, выражающих временные отношения, могут передаваться почти все типы таксисных отношений, кроме совокупности совмещающихся фактов, чередования и взаимоисключения.

Дальнейшее рассмотрение отношений кратного таксиса однако показывает, что следующим, наиболее близким к центру компонентом независимого таксиса является соотношение видо-временных форм в сложноподчиненном предложении с придаточным условия, в котором невозможны отношения "длительность - предшествующая ей длительность" и, как и в предложениях с придаточным времени, "совокупность совмещающихся фактов", "чередование" и "взаимоисключение", т.е. отношения, которые могут быть представлены только в определенных синтаксических структурах. Такая необычная для некротного таксиса близость к центральным компонентам условных предложений объясняется тем, что предложения с придаточным времени в кратном таксисе всегда осложнены оттенком условного значения. В то же время многие условные предложения семантически близки временным, в ряде случаев наблюдается возможность замены союза ЕСЛИ союзом КОГДА.

К центральным компонентам независимого кратного таксиса рассматриваемого типа принадлежит также соотношение видо-временных форм в сложносочиненных предложениях (включая и предложения с однородными сказуемыми). Практически здесь наблюдаются все виды таксисных отношений, однако в некоторых случаях они возможны только при поддержке контекста или соответствующем лексическом значении глаголов (например, отношения "длительность - следующая за ней длительность" и ее варианты).

Одним из центральных компонентов независимого кратного таксиса является и соотношение видо-временных форм глаголов в бессоюзных сочетаниях, передающих различные типы таксисных отношений, кроме "совокупность совмещающихся фактов", "чередование", "взаимоисключение", "длительность - предшествующая ей длительность", а из отношений одновременности здесь представлены только "длительность - одновременная ей длительность" в бессоюзных сочетаниях с условным значением, все остальные варианты этих отношений требуют поддержки союзов (хотя бы одного).

Сложноподчиненные предложения с придаточным уступительным, а также местоименно-относительные предложения как менее специализированные на выражении таксисных отношений занимают относительно периферийное положение в сфере независимого кратного таксиса.

К центральным компонентам кратного зависимого таксиса, как и некротного, относятся конструкции с деепричастием. Основой отношений зависимого таксиса в конструкциях с деепричастием является соотношение вторичной и первичной (основной) предикации. Вторичная предикация может быть одновременной или неодновременной первичной, эти отношения обусловлены видом деепричастия.

Отношения неодновременности в основном выражаются деепричастием СВ в сочетании с той или иной глагольной формой. Различные типы возникающих таксисных отношений могут быть охарактеризованы как: предшествующее дополнительное целостное действие (деепричастие СВ) - последующее основное целостное действие /действия/ (глагол СВ в форме будущего-настоящего времени), предшествующее дополнительное целостное действие (деепричастие СВ) - последующая основная длительность (индикатив НСВ): Ивану Николаевичу известно, что, полюбозаваясь луной, сидящий непременно переведет глаза на окна фонаря и упрется в них /М.Булгаков/; Окружающие осуждали. Завидя нас, вибрировали /А.Вознесенский/. При распространении одной из частей конструкции однородными членами - первичными или вторичными предикатами - возникают варианты данных отношений. При одновременности или невыраженности временного соотношения основных длительных действий, следующих за дополнительным, можно говорить об отношениях типа "предшествующее дополнительное целостное действие - последующий длительный ряд".

Деепричастие НСВ обычно обозначает действие, одновремен-

ное главному, но именно кратного таксиса касается замечание В.В. Виноградова о том, что деепричастие НСВ "может выражать побочное действие, не одновременное основному действию, а лишь всегда сопутствующее ему, хотя бы в порядке предшествования" /Виноградов, 1972, с. 308-309/. Возникают таксисные отношения "предшествующая (сопутствующая) дополнительная длительность - последующая основная длительность": Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон /М.Лермонтов/.

В зависимом, как и в независимом кратном таксисе, возможны также отношения частичной одновременности при сочетании глаголов разных видов, причем действие, являющееся "фоном", выражается деепричастием НСВ, а основное целостное действие - формой СВ.: Только иногда, вглядываясь пристально в нее, он вздригнет страстно /И.Гончаров/.

Отношения одновременности в сфере зависимого таксиса отличаются большим разнообразием вариантов, что обусловлено как качественными (видовые формы глаголов), так и количественными (количество вторичных предикатов) различиями. При наличии одного дополнительного действия возможны следующие типы отношений: основная длительность (индикатив НСВ) - дополнительная одновременная длительность (деепричастие НСВ), дополнительная длительность - одновременный длительный ряд. Когда несколько деепричастий сопутствуют одному основному глаголу, получаем отношения "дополнительный длительный ряд - одновременная основная длительность", в передаче которых участвуют формы НСВ. Возможно, однако, и сложное, "рамочное" построение, когда два деепричастия, сопутствующих одному основному действию, располагаются одно перед основным глаголом, другое - после него, при этом передаются отношения "дополнительная длительность - одновременная основная длительность - одновременная дополнительная длительность". Действия, передаваемые деепричастиями, не составляют длительного ряда: Принимая и тех, и других, люди угощали, чем бог послал, приглашая при случае еще заглянуть /И.Друц/.

Деепричастие НСВ в сочетании с глаголом СВ могут передавать отношения "основное целостное действие - одновременная дополнительная длительность": Редко-редко кто шепнет что-нибудь соседу, - два-три слова, почти не поворачивая головы, - и тот отвечал так же коротко и тихо /Ф.Сологуб/. Для всех вышеназванных разновидностей отношений одновременности характерна несущественность порядка расположения до-

полнительного и основного действий.

В выражении следующих двух типов отношений участвуют деепричастия СВ, имеющие "значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие" (Русская грамматика, с. 311). Это отношения "сопутствующее/дополнительное/ результативное состояние - одновременная основная длительность" и "сопутствующее/дополнительное/ результативное состояние - одновременное основное целостное действие": От этого случается, что он, зажмурия глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает /Н. Гоголь/; Высоко подняв брови, с натугой прочитает две-три строки... /М. Горький/.

Отношения чередования и взаимоисключения, наблюдающиеся в зависимом кратном таксисе, несколько отличаются от чередования и взаимоисключения в сфере независимого таксиса. Оба типа отношений создаются преимущественно однородными сказуемыми при поддержке союзов, но и в тех случаях, когда действия относятся к разным субъектам, все глагольные формы характеризуются видо-временным параллелизмом, в зависимом же таксисе могут быть в отношениях чередования или взаимоисключения только два или более действия, сопутствующих одному основному и относящихся к одному субъекту.

Отношения чередования всегда комбинируются с отношениями одновременности (основная длительность - одновременное чередование дополнительных длительностей), в передаче этого значения участвуют деепричастия НСВ: Овцы бегают стадами в панике, беспрестанно то бросаясь к своему двору, то ударяясь через прогон в поле /В. Солоухин/.

Взаимоисключающие действия по отношению к основному могут быть как одновременными, так и предшествующими: (Люди Вячеслава Илларионьча) раздвигая народ или вызывая карету, говорят приятным горловым баритоном /И. Тургенев/; Увидав издали белый сюртук или услышав знакомый голос, прохожие шарахаются в стороны /В. Катаев/. Возможен и тип "взаимоисключающие дополнительные результативные состояния - одновременная основная длительность": Увлечшись каким-нибудь щенком или заглядевшись на котенка, он часто отставал /И. Друцъ/. Взаимоисключающие действия передаются одинаковыми видовыми формами.

Причастные обороты являются периферийным компонентом зависимого кратного таксиса, НСК с причастием в качестве соотносительного действия немногочисленны. Это объясняется силь-

ной атрибутивной связью причастия с существительным. Лишь при ослаблении атрибутивных и усилении предикативных свойств причастия с определенной спецификацией глагольной семантики могут выражать соотносительные действия в таксисной ситуации одновременности (Сюда спасался он, бывало, из Петербурга, оскорбляемый фаворитами /О.Форш/), чередования (Дочь его Вера выросла под опекой французенок, то вознесенных прихотью барина на положение хозяйки дома, то разжалованных в бонны при дочери /О.Форш/) или предшествования (Его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скушает и томится /М.Лермонтов/). Еще более редки в качестве компонентов таксисных отношений причастия действительного залога

К зависимому кратному таксису функционально близки предложные номинализованные таксисные конструкции типа: При приближении полнолуния Иван Иванович становится беспокоен. В случае общности субъекта действия глагола и отглагольного существительного последние могут быть заменены деепричастиями, что, по наблюдению А.В. Бондарко, свидетельствует о контактах данных средств, номинализованные конструкции находятся "как бы на грани вторичной предикации и обстоятельственных выражений" /Бондарко, 1984, с. 91/. Выражаемые в них таксисные отношения характеризуются как одновременные

Конструкции с зависимым таксисом могут выступать как самостоятельные единицы или входить в состав конструкций с независимым таксисом, составляя с последним сложное целое, т.н. таксисную макроструктуру, подчиняющую себе включенные в нее микроструктуры (термины А.В. Бондарко). Конструкции с независимым таксисом в свою очередь тоже могут входить в состав более сложных построений, образуя целые комплексы (макроструктуры) аспектуально-таксисных ситуаций. Исследование таких построений входит в компетенцию лингвистики текста.

Литература

1. Бондарко, 1971. - А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. - М., Просвещение, 1971. - 239 с.
2. Бондарко, 1984. - А.В. Бондарко. Функциональная грамматика. - Л., Наука, 1984. - 134 с.
3. Виноградов, 1972. - В.В. Виноградов. Русский язык. - М., 1972. - 614 с.

4. Козинцева, 1986. - Н.А. Козинцева. Типы итеративно-таксисных конструкций. - В кн.: Функционально-типологические проблемы грамматики. Тезисы научно-практической конференции "Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе". Ч. I. Вологда, 1986. - С. 62-63.
5. Кильмоя, 1987. - И.П. Кильмоя. О межуровневых связях функционирования языка (на материале кратнo-соотнoсительных конструкций в современном русском языке). - Учен. записки Тартуск. ун-та, вып. 760. Грамматическая семантика слова и предложения. Тарту, 1987, с. 20-29
6. Маслов, 1954. - Ю.С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. - Вопросы славянского языкознания. Вып. I. М., 1954, с. 68-138.
7. Русская грамматика, II. - Русская грамматика. Т. II. - М., Наука, 1980. - 709 с.
8. Якобсон, 1972. - Р.О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. - М., Наука, 1972, с. 95-113.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ "БЫ" В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. А. Нелисов

Для исследования глагольных форм, выражающих сослагательное наклонение в древнерусском языке, необходимо опираться на понятие языка как семиотической системы, в которой в качестве подсистемы выделяется система форм глагола, члены которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждая глагольная форма должна иметь одно основное (инвариантное) значение, проявляемое на уровне языка (как системы средств общения). Из данного инвариантного значения выводится множество значений-употреблений, реализуемых на уровне речи (как реализации этой системы, фактический процесс говорения).

Анализ начнем с фактов, нашедших свое отражение в языке памятников XIV века /1/; в дальнейшем в скобках дается том и страница/. Данный срез выбран не случайно: во-первых, начиная с XIII века в конструкции, передающей значение сослагательного наклонения, происходит колебание в употреблении форм аориста /2, с. 293; 5, с. 8-9; 7, с. 355; 8, с. 154-157; 9; 10/, которое приводит к тому, что в качестве единого показателя "сослагательности" в русском языке устанавливается форма "бы" для всех лиц и чисел /наиболее полно и широко этот процесс и нашел свое отражение в XIV веке; во-вторых, именно с этого периода начинается история системы собственно русского глагола, как впрочем, и русского (великорусского) языка в целом /6, с. 62; 8, с. 6/. Приведем примеры, где форма аориста в сочетании с причастием на "-ль" употребляется в простом предложении (орфография максимально приближена к современной):

Да и азъ благословенъ подал быхъ ему /1, 186/.

Приялъ брат твои подъ свою руку и стоялъ бы за мя /2, 906/.

Город же Перемышль тогда взяли быша /2, 449/.

Конструкция сослагательного наклонения в языке памятников в простых предложениях передает значение желания и условия. Оба эти значения четко проявляются лишь в контексте. Ирре-

альность же глагольного действия присуща данной конструкции и в том случае, когда она имеет грамматическое значение желательности, и в том, когда она имеет грамматическое значение условности. Ирреальность свойственна также конструкции "-ль+бы" и вне контекста. Следовательно, мы можем утверждать, что единым (инвариантным) грамматическим значением (языковым) начинает выступать в данной конструкции нереальность совершения действия, значения же желательности и условия проявляются как варианты (речевые).

Форма аориста от глагола "быти" могла употребляться непосредственно после глагола, непосредственно перед глаголом, могла быть отделена от глагола одним или несколькими словами:

Радь ти быхъ помогль за твою сорому но нелзе /2, 884/.

Радь бых и сам съ тобою шель но неколь /2, 884/.

Представляется, что появление в строе русского языка модально-ограничительной частицы "бы" неразрывно связано с утратой формой аориста изменения по лицам и числам, со все более абстрагирующей модальностью самой частицы "бы", с выходом этой абстракции за пределы категории наклонения глагола в более широкую по значению область модальности вообще, с приобретением модальной частицей "бы" в русском языке новой функции - выделительно-ограничительной.

Значение выделительности, на наш взгляд, форма аориста "бы" несет уже в следующих примерах:

Пусти брата нашего а мы подле тебе ездимъ тобе бы брате лбо ми /2, 346/.

А полкъ мой пешь вы бы есте мне псведале дома же дотолети /2, 654/.

Наличие во втором примере формы перфекта (есте поведале) делает невозможным считать здесь компонент "бы" показателем формы сослагательного наклонения, т.е. аористом. В обоих случаях компонент "бы" стоит после местоимений, как бы акцентируя внимание читающего (слушающего) на этих формах.

Выступает компонент "бы" своеобразным показателем "ограниченности" и при вспомогательных глаголах "мочь" и "хотеть":

Могль бы ся бити съ ними но того не створи /1, 304/.

А якъ старъ есмь а хотель быхъ послати къ нему /2, 428/. Таким образом, значение возможности и желания осуществления действия могли выражаться в языке памятников и лексически, с помощью вспомогательных глаголов "мочь" и "хотеть", компо-

нент же "бы" в этих конструкциях (могу, хочу + инфинитив выполняет роль своеобразного "ограничителя действия, придавая последним значение определенной условности.

Очень редко в памятниках встречаются примеры, где форма аориста от глагола "быти" выступает показателем времени совершения действия, а не сослагательности:

И взяты быша (взяты были) мощи святого старца Авраамия /1, 453/.

Градъ же елиню створенъ бы (сотворен был) /2, 825/.

Форма аориста в приведенных примерах употреблена с формой страдательного причастия прошедшего времени (взяты, створенъ), которая, как отмечают отдельные исследователи /12, с. 197/, выражает действие прошлое с отнесением результата последнего в настоящее, т.е. собственное значение формы причастия страдательного залога прошедшего времени может быть определено как перфектное. Однако этого значения в приведенных примерах нет, оно "стерто" формой аориста, который полностью переводит как действие, так и его результат в план прошлого. Естественно, что никакого другого значения, кроме значения времени, в указанной конструкции форма аориста не несет.

Не выражает значение сослагательности форма аориста и в следующих предложениях, если она функционирует без причастия на "-ль":

И не lze бы ны съ ними тою рекою битися полком /2, 362/.

А за Днепръ не lze бы имъ ехати зане бе Днепръ въ кракъ /2, 671/.

А в приведенных ниже примерах невозможно установить, какое значение в контексте имеет форма аориста – временное или сослагательное:

Рече много зла баше замыслилъ подмолвилъ на тя люди Берендиче и Кианы толико бы Богъ отцу его помошь /2, 372/.

В выделенной конструкции возможен двойной перевод:

а) ... только был бог, отцу его помог

б) ... только бы бог отцу его помог.

В первом случае (а), естественно, форма аориста выражает временное значение и лишена значения сослагательного наклонения, во втором (б) наоборот – здесь налицо значение условности и нет значения времени.

Еще пример, где возможно двойное толкование:

Бы челом Богу даи мне господине то бы ми съ полу было
/2, 911/.

а) ... то было мне, с половику (сполна) было

б) ... то бы мне с половику (сполна) было.

Невозможно признать аористное (временное) значение "быкъ" в следующем примере:

Азь быкъ ту же прияль страсть луче бы ми съ тобою умрети
/2, 122/.

Представляется, что здесь форма "быкъ", стоящая рядом с формой местоимения I-го лица единств. числа "азь", выражает не время совершения действия, заключенного, в форме причастия на "-ль" (прияль), а лишь возможность, желание совершить это действие. И по "правилу" в данном контексте должна стоять частица "бы", но, видимо, писец памятника не мог написать рядом с личным местоимением I-го лица единств. числа форму "бы", поскольку вековая традиция согласования требовала от него постановки формы "быкъ".

Итак, основное, или инвариантное, грамматическое значение конструкции аорист + причастие на "-ль" в памятниках XIV века - ирреальность совершения действия, значения же условия и желания - варианты, которые проявляются только в контексте, в речевой цепи. Форма аориста в сочетании с причастием на "-ль" уже никакого временного значения, как правило, не выражает. Наиболее четко сохраняет свое временное значение форма аориста в простых предложениях при употреблении ее вне сочетания с причастием на "-ль".

Функционирование аориста в различных дистантных положениях по отношению к причастию на "-ль", потеря им (аористом) согласования по лицам (и числам), привели к отрыву от причастных форм аориста "бы", что способствовало превращению последнего в ограничительно-выделительную частицу "бы".

В современном русском языке к двум значениям - желания и условия - конструкции "л+бы" добавила значения: предположительное, предположительно-оптативное, потенциальное, оптативное, ирреально-гипотетическое (в сфере чувственных проявлений нашей психики) и др. /3, с. 202; 4; 13, с. 141/. Не останавливаясь подробно на анализе всех перечисленных выше значений в процессе речи (это сделано, на наш взгляд, достаточно полно и хорошо В.Г. Володиным и Б.В. Хрычковым), отметим, что форма сослагательного наклонения (л+бы) наряду с новыми вариантными значениями продолжает сохранять старое инвариантное значение (ирреальность действия). Иными слова-

ми, то языковое значение, которое было присуще данной конструкции в древнерусском языке, продолжает сохраняться и в наши дни. Особенно наглядно это проявляется в условиях речи тогда, когда компонент "бы" непосредственно следует за глагольной формой на "-л":

А ты, Тихон Иванович, сел бы /Г.Марков. Отец и сын/.

Ты вот сама-то разве не так же поступила бы? (там же).

Но он знал их. Они растерзали бы здесь друг друга /С.Бородин. Звезды над Самакардом/.

В приведенных примерах выражено ирреальное действие с различными вариантными значениями (желание, предположение, условие).

Таким образом, употребление компонента "бы" непосредственно вслед за глагольной формой на "-л" и сохранение основного, инвариантного грамматического значения всей конструкции в условиях простого предложения позволяет нам утверждать, что в данных случаях наиболее "чисто" представлена аналитическая форма сослагательного наклонения. Иными словами, перед нами тот "идеальный" случай, когда языковая модель (означаемое) почти полностью совпадает по выражаемому грамматическому значению с формой означающего в речевой цепи.

Имеет ли мы дело с аналитической формой сослагательного наклонения, если компонент "бы" выступает не непосредственно за глагольной формой на "-л"? Рассмотрим эти случаи:

а) компонент "бы" находится перед компонентом на "-л".

Жил бы и жил, со славой бы вернулся домой после победы /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Молодой бы загиб, а у меня рукоесло /Г.Марков. Отец и сын/.

И по телефону он бы позвонил своим ученикам /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

Так бы сказал и Вагаршак (там же).

Нетрудно заметить, что компонент "бы" может находиться практически после любой части речи. Что же представляет по своей грамматической структуре конструкция "бы+л"? Следует ли нам отнести ее к аналитической форме сослагательного наклонения глагола, в которой просто-напросто переставлены местами компоненты? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко определить, какое грамматическое значение несет данная конструкция (бы+л) в подобных синтаксических условиях (в контексте). Не вызывает никаких сомнений, что все приведенные выше

предложения по своему выражаемому значению ирреальны. Кажется бы, поскольку ирреальность присуща форме "л+бы", можно предположить, что перед нами указанная форма в несколько видоизмененном "обличии". Однако компонент "бы" в этих же предложениях выполняет также функцию выделения, "усиления" той части речи, после которой выступает, функционирует пост-позитивно. Следовательно, в этих предложениях компонент "бы" несет двойную функцию: ирреальности и выделительности. Причем разделить эти значения, как-то их "разбить" в условиях данного контекста просто не представляется возможным. Кроме того, форму на "-л", стоящую непосредственно после этого компонента, нельзя подменить тем же глаголом, но в другом временном плане, правда, в отдельных конструкциях форма на "-л" может быть заменена формой инфинитива данного глагола (где нет морфологически выраженного субъекта действия в форме именительного падежа имени, как правило, или же в форме личных местоимений обоих чисел, ср.: жить бы и жить, со славой бы вернуться домой...), но в этом случае в предложениях видоизменяется модальность: к значению ирреальности мы добавляем еще значение долженствования (желания), вносимое самой формой инфинитива /ИЗ, с. 133/. Иными словами, перед нами своеобразное "расподобление" морфологической формы сослагательного наклонения в условиях контекста: формообразующий компонент "бы", "столкнувшись" в речевой цепи с омонимичным ему выделительно-ограничительным модальным компонентом "бы", передает последнему свои функции и перестает употребляться после глагольной формы на "-л" (ср.: со славой бы вернулся бы... со славой бы вернулся; молодой бы погиб бы... молодой бы погиб; он позвонил бы... он бы позвонил; так бы и сказали бы... так бы и сказали и т.д.), а это, в свою очередь, не препятствует (если не способствует) возможной замене в отдельных случаях формы на "-л" инфинитивом. Такая замена возможна в предложениях, где субъект действия выражен личным местоимением, но только тогда, когда последний (т.е. субъект) при форме инфинитива выступает грамматическим объектом в дательном падеже, например:

Ничего, дядя Тихон, мне бы только вот так плыть и плыть /Г.Марков. Отец и сын/ - "я бы... плыл и плыл".

Вам бы за собой в этом смысле последить /Ю.Герман. Дорогой мой человек/ - "вы бы ... последили".

Определенный интерес представляет употребление компонента "бы" в предложениях с условно-предположительным сравнением:

С величайшим трудом он как бы просунул себя в их умный разговор /Ю.Герман. Дело, которому ты служишь/.

И весь город как бы притих в настороженном ожидании: что-то будет /А.Рекемчук. Скудный материк/.

Компонент "бы" вместе со словом "как" в подобном типе предложений образует своеобразную модально-сравнительную частицу, причем необходимо отметить, что функция условно-предположительного сравнения конструкции "как бы" становится основной, доминирующей, а функция ирреальности, вносимая компонентом "бы", сходит почти на нет, является как бы вспомогательной, а это, в свою очередь, приводит к тому, что становится возможной замена формы на "-л" при данной модально-сравнительной частице тем же глаголом в другом временном плане, правда, такая замена, без резкого нарушения временного смысла высказывания, возможна наиболее часто там, где мы имеем глаголы несовершенного вида и где переводу действия в план настоящего способствует также лексический показатель, ср.:

Сейчас она как бы представляла перед ним интересы Унчанска /Ю.Герман. Я отвечаю за все/ - "сейчас она как бы представляет перед ним...".

Замена же форм на "-л" совершенного вида (как и несовершенного) данным же глаголом в будущем времени хотя и возможна, но переводит смысл всего высказывания в план будущего ("с величайшим усилием он как бы просунет себя..."; "и весь город как бы притихнет"..."; "сейчас она как бы будет представлять перед ним..."). В нашу задачу не входит анализ причин возможности-невозможности замены формы на "-л" соответствующими видовыми глаголами в том или ином временном плане без изменения смысла всего высказывания, отметим, что в любом случае (при форме настоящего и при форме будущего времени глагола) в указанном типе предложения остается компонент "бы". Следовательно, перед нами не морфологическая форма сослагательного наклонения, поскольку "бы" относится здесь уже не к глаголу, а непосредственно к слову "как", составляя вместе с ним единую, неразложимую модально-сравнительную частицу, ср. также:

Он издала смотрел на ее как бы пылающее в свете рефлектора тонкое лицо /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Все сказанное нами по отношению к составному слову-частице "как бы" в полной мере приложимо к "будто бы", "словно бы", "вроде бы" и подобным, вносящим в предложение оттенок пред-

положения:

Она это спросила будто бы шутя, игриво даже /А.Рекемчук.

Скудный материк/ - "спросит будто бы шутя...".

Он весь словно бы светился /Ю.Герман. Дело, которому ты служишь/ - "словно бы светится, будет светиться".

Вроде бы прыгали они все из окошка /Ю.Герман. Дорогой мой человек/ - "вроде бы прыгают, будут прыгать...".

Таким образом, указанные сочетания в современном русском языке представляют собой неразложимые модально-сравнительные частицы;

б) компонент "бы" отделен от компонента на "-л" словом или группой слов.

Рассмотрим примеры:

Капитан бы его и не приметил /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

Мировой бы из тебя боцман получился, Алексей /Г.Марков. Отец и сын/.

Я бы ни за что ничего не забыла /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Там бы я начала все с начала /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

Разве б я ту не узнала? /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

И в этом случае компонент "бы" может находиться практически после любой части речи. По своему грамматическому содержанию предложения данной группы ирреальны, а компонент "бы", "подключаясь" к той или иной части речи, выполняет также выделительно-ограничительную функцию. И здесь в отдельных примерах мы можем форму на "-л" заменить формой инфинитива, предварительно поставив субъект действия в них в дательном падеже, ср.: "капитану бы его и не приметить"; "мне бы ни за что ничего не забыть"; "там бы мне начать все с начала"; "разве б мне ту не узнать?"

Отметим также употребление компонента "бы" со словом "хотя (хоть)":

Хотя бы эта метель кончилась /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

Вы, кстати, Вера Николаевна, занимались историей хотя бы медицины /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Он только просил скостить хотя бы наполовину плановую цифру /А.Рекемчук. Скудный материк/.

Хоть бы не встретить никого на вокзале /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

Возможность функционирования в данном типе предложения форм на "-л" соответственно с формами инфинитива позволяет нам утверждать, что в современном русском языке уже выступает своеобразная усилительно-выделительная, абсолютно неразложимая в этом значении частица "хотя /хоть/ бы". Ср. также:

Вот хотя бы она, его соседка по скамье /А.Рекемчук.
Скудный материк/.

"А хоть бы и я", - сказал Постников /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Иными словами, и в предложениях указанного типа своеобразное "расподобление" морфологической формы сослагательного наклонения в условиях контекста, омонимия двух компонентов - формообразующего и выделительно-ограничительного. Ирреальность же всего предложения не зависит от местоположения компонента "бы".

Сохраняет компонент "бы" свою выделительно-ограничительную функцию и в том случае, если он отделен от глагола вводными словами и т.п.

Я бы, истинный бог, работал теперь как надо /Д.Еремин.
Евстратова скрытня/.

Она бы, в сущности, сразу ответила, но как? /Ю.Герман.
Дорогой мой человек/;

в) компонент "бы" без компонента на "-л".

Случаи эти в современном русском языке не столь частое явление:

Скорее бы, скорее бы, там все ясно, точно, там естественное, настоящее /Ю.Герман. Дело, которому ты служишь/.
Цепочек бы надо поменьше, зачем обращать на себя внимание (там же).

Поаккуратнее бы, ребята, нетактично махать-то /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Во всех приведенных предложениях компонент "бы" выполняет функцию выделения того слова, к которому он "подключается". Естественно, искать в подобных сочетаниях морфологическую форму сослагательного наклонения, хотя бы и "модифицированную" /I, с. II/, не следует: компонент "бы" никакой формообразующей функции в них не несет;

г) компонент "бы" и форма инфинитива.

Здесь возможно выделение следующих вариантов:

1) компонент "бы" следует непосредственно после формы инфинитива:

Удавить бы там же на суку, да пятки сукиному сыну подпалить над костром, вовек бы запомнили /Ю.Герман. Дело, которому ты служишь/.

Боюсь, дорогие друзья, не оказаться бы вам в смешном положении перед историей /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

В этих примерах, как правило, возможна замена формы инфинитива глагольной формой на "-л" без резкого нарушения смысла всего высказывания, правда, при такой замене "убираем" в предложении модальность "долженствования (желания)", выраженную формой инфинитива, оставляя чистое значение грамматической ирреальности (форм "л+бы"). А в отдельных случаях такая замена (хотя она и возможна практически!) может приводить к небольшому "искажению" смысла самого высказывания:

Иногда мечтаю: напиться бы в доску, в стельку бы, как сапожник бы /Ю.Герман. Я отвечаю за все/ - "напился бы в доску бы...".

Ах, дожить бы, мальчик мой дорогой, доктор дурацкий /Ю.Герман. Дорогой мой человек/ - "дожил бы...".

Вылечить бы его окончательно /Ю.Герман. Я отвечаю за все/ - "вылечил бы...".

В этих примерах действие, выраженное формой инфинитива, "мыслится нами в плане "желательного будущего". В случае замены инфинитива формой на "-л" значение "желательности в будущем" исчезает, хотя ирреальность остается. Следовательно, чистое значение ирреальности в обоих случаях ("инфинитив+бы" и "л+бы") присуще непосредственно только сочетанию "л+бы". Значение ирреальности действия присуще и сочетанию "инфинитив+бы", но выражено оно в этой конструкции только компонентом "бы". Кроме того, указанный компонент выполняет в данной конструкции и функцию выделения, усиления того действия, которое заключено в самом инфинитиве. Вот почему мы не считаем конструкцию "инфинитив+бы" аналитической формой глагола, передающей грамматическое значение сослагательности. Наше утверждение, как нам представляется, находит свое подтверждение и в том варианте, когда

2) компонент "бы" находится непосредственно перед инфинитивом или отделен от него словом (группой слов):

Ох, только бы помолчать сейчас, только бы он сообразил ничего у нее не спрашивать и не утешать ее /Ю.Герман.

Я отвечаю за все/.

Тут бы Штубу и заговориться навечно, как люди делают (там же),

Отсель бы уйти, в там управу найдем /Д.Еремин. Евстратова скрытия/.

Да ей, например, Шурочка, раз бы в жизни получить вот столько денег /А.Рекемчук. Скудный материк/.

По справедливости ему надо бы сказать все /Г.Марков. Отец и сын/.

А он отвечает: "Да вот, понимаешь, пора бы укоротить этот факел" /А.Рекемчук. Скудный материк/.

А может быть, сказывалась жажда определенных сенсаций? Вот бы, дескать, в самый раз выдать что-либо с перчиком (там же).

Компонент "бы", стоящий непосредственно перед формой независимого и зависимого инфинитива, весьма тесно подключается к словам "только", "тут", "отсель", "раз" и к словам "надо", "пора", "вот". В последнем примере произошло объединение, на наш взгляд, двух слов: указательной частицы "вот" и выделительного компонента "Ъ" - в одну сложную "указательно-выделительную" частицу "вот бы" (ср. также "хотя бы"). Интересно, что такое сочетание не зафиксировано ни в словаре Д.Н. Ушакова, ни в словаре С.И. Ожегова, ни в четырехтомном Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой. В приведенных ниже примерах компонент "бы" выступает в функции своеобразного "выделителя" того слова, к которому непосредственно подключен, внося одновременно в предложение и значение ирреальности совершения действия:

"Да уж надо бы лучше, но некуда, дядя Тихон!" - восторгалась Надя /Г.Марков. Отец и сын/.

"Мне бы ваши заботы, господин учитель", - сказал Штуб /Ю.Герман. Я отвечаю за все/.

В этих примерах нет ни формы инфинитива, ни формы на "-л", но есть компонент "бы", который выполняет функцию выделения и одновременно придает всему предложению значение модальности;

д) компонент "бы" в устойчивых оборотах.

Можно привести случаи употребления компонента "бы" в устойчивых оборотах, например, со словом "еще", где все сочетание ("еще бы") выражает значение утверждения:

Еще бы не кстати /Д.Еремин. Евстратова скрытия/.

Нина Викторовна откровенно ликовала. Еще бы, не она ли столько лет подряд так упорно твердила (А.Рекемчук. Скудный материк/.

Или же значение несогласия в обороте "как бы не так":

Как бы не так! Я вам покажу, какая моя душа /Д.Еремин.
Евстратова скрытия/.

Или же значение обязательности действия в обороте "во что бы то ни стало":

Учить ее надо, учить во что бы то ни стало /Г.Марков.
Отец и сын/.

Довести до Томска во что бы то ни стало (там же).

В приведенных примерах компонент "бы" настолько тесно сросся с окружающими его словами, что, естественно, искать в подобных конструкциях те грамматические значения, которые отмечались нами выше ("выделительность" и "ирреальность"), было бы столь же нелепо, как, скажем, выделять в идиоме "бить баклуши" сказуемое и дополнение;

е) компонент "бы" в сложных (составных) сказуемых.

Здесь также можно выделить несколько вариантов:

1) компонент "бы" стоит непосредственно перед сложным глагольным сказуемым:

Кто как, но я бы хотел иметь не только такого ученика, но и выученика /В.Герман. Дело, которому ты служишь/.

А, кстати, Устименко, тебе бы не мешало самому сделать такой докладик (там же).

2) компонент "бы" стоит после вспомогательного глагола перед формой инфинитива:

С такого морова я хотел бы сперва пойтись через ад /С.Бородин. Звезды над Самаркандом/.

Разве что сам Вася Шинкин мог бы дать ответ по этому поводу /А.Рекемчук. Скудный материк/.

3) компонент "бы" следует во форме инфинитива перед вспомогательным глаголом:

И все-таки понять бы следовало /В.Герман. Дорогой мой человек/.

Нет, я на вашем месте такую ответственность на себя брать бы не решился /В.Герман. Я отвечаю за все/.

4) компонент "бы" выступает после связки "было":

Платон Андреевич, поразмыслив, тоже сделал несколько вежливых хлопков: было бы глупо остаться в одиночестве /А.Рекемчук. Скудный материк/.

Да и верно было бы столь поспешно делать иные выводы (там же).

Во всех приведенных примерах ирреальность всего предложения, внесенная компонентом "бы" сохраняется. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что последний явно несет на себе

еще функцию выделительности того слова, после которого он непосредственно стоит.

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в сложных (составных) именных сказуемых, и в односоставных предложениях, на анализе которых мы подробно не останавливаемся, поскольку функции компонента "бы" в подобном типе сказуемого (или предложений) идентичны функциям компонента "бы" в составном глагольном сказуемом:

В шатре было бы темно, но наверху отпахнули косой клин
/С.Бородин. Звезды над Самаркандом/.

Те же самые отношения наблюдаются нами и в смешанном типе сказуемого:

Конечно, о вас бы должен был написать наш Краевой
/Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Наиболее ясно значение выделительности у компонента "бы" (наряду со значением ирреальности!) выступает в тех случаях, когда последний отделен от сложного (составного) сказуемого другими словами:

С такими руками, как у меня, я бы и при тебе не смог оперировать /Ю.Герман. Дорогой мой человек/;
ж) компонент "бы" и фразеологизм.

Своеобразно употребление компонента "бы" после существительного в особом "застывшем" обороте фразеологического типа:

Тоже термин, черт бы его побрал /Ю.Герман. Дорогой мой человек/.

Черт бы вас побрал, если мы только люди (там же).

Вполне естественно, что компонент "бы" в указанном обороте выполняет своеобразную роль выделителя слова "черт", но признать, что он выполняет в данном фразеологизме еще и функцию формообразования, на наш взгляд, довольно трудно, хотя здесь отчетливо представлен один из многих оттенков, которые присущи форме сослагательного наклонения в условиях контекста.

Особую выразительность и функциональную многоплановость получает компонент "бы" в разговорной речи:

А что же, неплохо бы! -- согласился Трошин. -- Пельменей бы я не прочь. И бражка была бы к месту. /Д.Еремин. Евстратова скрытня/.

Итак, можно подвести итог функционирования компонента "бы" в простых предложениях современного русского языка. Отметим, что форма сослагательного наклонения своим основным, инвариантным значением продолжает сохранять, как в древнерусском, значение ирреальности действия. При употреблении в

контексте компонента "бы" непосредственно после глагольной формы на "-л" происходит совпадение значений означаемого и формы означающего. В том же случае, когда компонент "бы" выступает перед формой на "-л" или же отделен от нее другими словами, ирреальность всего предложения, как правило, сохраняется, но указанный компонент еще осложняется функцией выделительно-ограничительной. Значение ирреальности, вносимое компонентом "бы", может практически сойти на нет, если последний функционирует как одно целое в составе модально-сравнительных (как бы, вроде бы, будто бы и т. п.) или усилительно-выделительных (хотя бы, вот бы) частиц.

Литература

1. Белякина Е.С. Сослагательное наклонение в современном русском языке. - Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филологических наук. Воронеж, 1966.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., АН СССР, 1963.
3. Володин В.Т. Ирреально-гипотетическое наклонение в современном русском литературном языке. - В сб.: "Ученые записки Куйбышевского госпединститута. Факультет языка и литературы". Вып. 9. Куйбышев, 1948.
4. Володин В.Т. Условно-желательное (гипотетическое) наклонение в современном русском языке. Куйбышев, 1963.
5. Журавлев В.К., Лопушанская С.П. Принципы диахронической морфологии. - В сб.: "Развитие и функционирование русского глагола". Волгоград, 1980.
6. Иванов В.В. К вопросу о характеристике исходной морфологической системы древнерусского языка. - В сб.: "Вопросы филологии". М., МГПИ им. В.И. Ленина, 1974.
7. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., Просвещение, 1983.
8. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. / Под редакцией Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М., Наука, 1982.
9. Лопушанская С.П. Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке. Ч. I. Казань, 1967.
10. Лопушанская С.П. К истории глагольных форм прошедшего времени в славянских языках. - В сб.: "Вопросы теории и методики изучения русского языка", УП. Казань, 1971.

11. Полное собрание русских летописей. Т. I-II. М., АН СССР, 1962.
12. Феоктистова А.С. К истории составного сказуемого с присвязочной частью, выраженной причастием страдательного залога прошедшего времени. - В сб.: "Исследования по лексике и грамматике русского языка". М., АН СССР, 1961.
13. Хрычиков Б.В. Значение форм сослагательного наклонения в простом предложении в современном русском языке. - В сб.: "Ученые записки Новгородского госпединститута". Т. I. Вып. I. Новгород, 1956.

К ТИПОЛОГИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ НА -СЯ

А.С. Петухов

I

Описание предложения в виде структуры взаимосвязанных актантов, которая передает отношения между участниками (партиципантами) внеязыковой ситуации, имеет достаточно давнюю традицию. Основоположителем такого подхода часто считают Д.Теньера, однако подлинными пионерами этого направления в синтаксисе следует считать отечественных ученых, и в первую очередь – М.Н. Петерсона /8/, хотя впервые подобные идеи были высказаны еще Ф.Ф. Фортунатовым /10/.

Участники внеязыковой ситуации могут быть связаны между собой бесчисленным множеством всевозможных связей, начиная от пространственных и временных и кончая ассоциативными, однако некоторые из этих связей оказываются наиболее существенными, существенными настолько, что в языке складываются регулярные способы их выражения.

Одна из разновидностей отношений, имеющая, пожалуй, самое важное значение в построении высказываний (в речи) и предложений (в языке), – субъектно-объектные отношения /II, с. 7/. Значение их настолько велико, что иногда их объявляют языковой универсалией /I/.

В русском языке регулярными средствами выражения субъектно-объектных отношений служат формы им. падежа для субъекта и вин. падежа – для объекта. В синтаксисе эти отношения оформляются окончательно с помощью такого средства как порядок слов (Болото окружает лес). Необходимость четко и экономно выразить отношения между субъектом и объектом наложила отпечаток и на многочисленные глаголы, семантика которых "потребовала" закрепить ее в синтаксических свойствах. Это так называемые переходные глаголы.

Известно, однако, что стороны субъектно-объектной связи не обязательно могут быть выражены морфологическими формами, специально для них предназначенными. Так, Г.А. Золотова /7/

описала всевозможные способы выражения субъекта, а, например, еще в 1949 году было показано, что объект даже при переходных глаголах может выражаться формой дат. падежа с предлогом "по" /9/. С другой стороны, глаголы могут использоваться в речи (в высказываниях) без этих важнейших актантов (субъектного и объектного): Он славно пишет, переводит (переходные глаголы без объектного актанта); К вам пришли (отсутствует субъектный актант).

С неизбежностью напрашивается вывод, что субъектно-объектные отношения представляют собой не однородное явление, а совокупность различных типов таких отношений, и отношения эти далеко не всегда выражены предельно ясно, даже если имеются "кандидаты" на роли субъекта и объекта. Рассматривая такие конструкции, мы сразу найдем те, где совершенно отчетливо сможем определить "что есть что", но найдутся и такие, где будут серьезные затруднения с поиском и различением субъекта и объекта.

Мы полагаем, что субъектно-объектные отношения, точнее, — весь набор типов этих отношений, — можно представить в виде шкалы, на которой найдут свое место все разновидности, реализуемые в конкретных предложениях. За черту отсчета мы возьмем предложения с переходными глаголами, которые называют еще предложениями с прямым объектом: Старик ловил рыбу. Здесь предельно ясно выражены субъект, объект и отношения между ними. По мере сглаживания субъектно-объектного "антагонизма" (а такое сглаживание имеется как факт пусть даже синтаксический), конструкции, в которых наблюдается такое сглаживание, будут располагаться правее от нашей черты отсчета в сторону некоторой зоны нейтрализации.

Сглаживание субъектно-объектного "антагонизма" может осуществляться двумя путями: а) путем ослабления активности субъекта и б) путем увеличения (усиления) активности объекта (см. об этом также в /2, с. 99/). Таким образом, если говорить о нейтрализации противопоставления субъекта объекту, мы можем назвать два типа нейтрализации: 1) нейтрализация по активности. Здесь субъект и объект равно активны: Брат спорил с приятелем = Брат и приятель спорили = Они спорили. Регулярным средством реализации этого типа нейтрализации служат в русском языке глаголы так называемого взаимно-возвратного значения (реципрок). 2) Другой тип нейтрализации — нейтрализация по пассивности. Здесь субъект и объект равно пассивны: Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов

(прямоугольного треугольника).

Сама зона нейтрализации тоже неоднородна, поскольку противопоставление субъекта объекту может сниматься не только за счет увеличения активности объекта или возрастания пассивности субъекта, но и потому, что один из этих актантов отсутствует, а об активности или пассивности оставшегося мы можем судить либо косвенно, благодаря наличию возможных факкультативных актантов или при добавлении их, либо зная о свойствах названного в предложении предмета из собственного познавательного опыта.

Так, в зоне нейтрализации находятся предложения, в которых обозначение субъекта несущественно, не нужно ни говорящему, ни слушающему. Например: Пища переваривается в течение двух часов. Добавление субъектного актанта (человек, желудок) не добавляет какой-либо новой информации. Главное в этом предложении то, что пища подвергается обработке, т.е. "объектность" актанта несомненна, и данное предложение, принадлежа зоне нейтрализации, явно тяготеет к объектному участку этой зоны.

В зоне нейтрализации находятся и предложения, в которых нет и не может быть объекта. Это - в первую очередь предложения с абсолютными глаголами. Например: Валериана приятно пахнет. Здесь для объекта места нет, и нет, значит, противопоставления субъекта и объекта, но поскольку валериана в данном случае не подвергается воздействию, а напротив, сама воздействует на органы обоняния, субъектность ее несомненна. Поэтому подобные предложения, принадлежа зоне нейтрализации, тяготеют к субъектному участку этой зоны.

Поскольку глагол является стандартным способом выражения отношений между субъектом и другими актантами, именно при глаголе можно наблюдать всю гамму субъектно-объектных отношений. Отношения эти можно назвать субъектно-объектными пропорциями, разные типы которых изменяются от случаев с предельно активным субъектом, непосредственно воздействующим на объект, к конструкциям, где активность субъекта "маскируется", а сам он отходит на второй план (ср. "рецессивность" у Ж.Веренка /3, с. 290/). Далее, при полном "отрицании" активности субъекта на передний план высказывания может быть выдвинут объект, становящийся главным компонентом этого типа высказываний. Видвижение объекта оформляется и морфологически - формой им. падежа, и синтаксически - его позицией в абсолютном начале предложения. Таковы, как известно, пассив-

ные конструкции. В них и морфологические, и синтаксические средства, предназначенные для передачи внеязыковой ситуации в информативном плане, поставлены на службу коммуникативному замыслу говорящего. Информативная сторона оказывается подчинена коммуникативной. Иными словами, когда у говорящего появляется необходимость обратить внимание собеседника (слушающего) на объектный компонент высказывания, а субъектный компонент отвести в тень или удалить вовсе, то говорящий, реализуя свой замысел, производит указанную деформацию обычного повествовательного предложения, выражающего некоторую ситуацию. Процедура пассивизации имеет много общего с актуальным членением. Здесь точно так же можно говорить о первичной, нейтральной конфигурации и о конфигурации отмеченной, маркированной, т.е. пассивную конструкцию следует считать производной, вторичной и рассматривать ее в ряду прочих речевых, а не языковых явлений.

В идеале все разновидности субъектно-объектных отношений должны выявляться в трехчленных конструкциях, где в явном виде представлены субъект, объект и глагол. Вообще, именно трехчленная конструкция, видимо, является ядром любого предложения (см. /14, с. 7/). Реально же в речи имеется множество высказываний, в которых отсутствуют один или два компонента.

В дальнейшем изложении мы попытаемся логически исчислить все разновидности субъектно-объектных конструкций и показать, что они связаны между собой системными отношениями на базе именно субъектно-объектного противопоставления.

Таких конструкций (исчисляемых) семь (порядком следования компонентов мы пренебрегаем, потому что нам важно рассмотреть только участие в конструкциях субъекта и объекта). Теоретически возможный восьмой тип, в котором все три элемента представлены нулями, мы, естественно, опускаем. Обозначив субъект буквой S, объект буквой O, а показатель связи между ними, которым в норме служит глагол, - буквой V, получаем полный список типов: 1) SVO, 2) SO, 3) SV, 4) S; 5) V, 6) O, 7) VO. Такая последовательность в расположении типов отражает изменение активности субъекта и в некоторой степени - объекта.

Поясним это на примерах, снабжая их краткими пояснениями:

1) Старуха пряла свою пряжу. Структурный тип SVO.

В предложениях, относящихся к первому структурному типу,

субъект предельно активен: чаще всего это "лицо", воздействует на инертный объект, грамматически независим, занимает первую позицию в предложении и передается формой им. падежа. Соответствующие признаки объекта прямо противоположны.

2) Мы за мир! Структурный тип SO.

Субъект имеется (первая позиция, форма им. падежа), но нет прямого, непосредственного воздействия на имеющийся объект.

3) Мята приятно пахнет. Структурный тип SV.

Здесь перед нами субъект не только по позиции и форме. Он потенциально или реально в определенной степени активен, поскольку обладает способностью воздействовать на органы чувств. Активность субъекта гораздо слабее, чем в предыдущем типе.

4) Зима! Структурный тип S.

Единственное имя здесь следует считать субъектом, так как оно имеет форму им. падежа, а других претендентов на роль субъекта нет.

5) Темнеет. Структурный тип V.

Нет ни объекта, ни субъекта.

Очевидно, что этот тип служит своеобразной границей между субъектной и объектной зонами на шкале субъектно-объектных отношений. Со следующего типа начинает доминировать объект.

6) Воды! Структурный тип O.

Перед нами бесспорный объект. Хотя ему не противостоит субъект, это именно объект, маркированной формой род. падежа. Надо полагать, объект в чистом виде может встречаться лишь в речи, где роль его ситуативно обусловлена, но не в языке (не как тип предложения).

7) Дерево хорошо горит. Структурный тип VO.

В этом предложении "дерево" мы должны считать объектом, несмотря на первую позицию и форму им. падежа. В отличие от типа 3, мы из своего человеческого опыта знаем, что дерево горит не само по себе, а в результате воздействия на него, т.е. оно потенциально объектно. Кроме того, предложения с потенциальным объектом позволяют развернуть их добавлением факультативного актанта со значением каузатора (ср.: Дерево хорошо горит при нагреве/от нагрева).

К перечисленным семи типам следует добавить восьмой, который подсказан не исчислением, а языковым материалом, и

благодаря которому наша шкала замыкается в кольцо, потому что объект достигает в этом типе степени активности субъекта. Это в первую очередь предложения с глаголами взаимно-возвратного действия и некоторые глаголы без -ся:

8) Сосед разговаривал с моим братом = Сосед и мой брат разговаривали = Они разговаривали. Структурный тип $S/O \vee S/O$. Этот тип тоже является границей, объединяющей субъектную и объектную зоны нашей шкалы.

Таким образом все типы предложений, в которых имеются субъектно-объектные отношения, можно представить в виде шкалы, как бы замкнутой благодаря типу 8 в кольцо и построенной так, что по мере удаления от черты отсчета (тип I) активность субъекта убывает, затем субъект элиминируется, а когда возникает вновь, то оказывается двуликим: субъектом и объектом одновременно.

Разумеется, схема, полученная путем логического исчисления выглядит достаточно грубо. На самом деле шкала субъектно-объектных отношений представляет собой, вероятнее всего, непрерывный спектр с едва уловимыми переходами, но главное здесь то, что любому предложению с субъектом и/или объектом найдется место на этой шкале, а различные виды субъектно-объектных отношений предстают не в виде простого набора, а в виде замкнутой системы, построенной вполне закономерно.

II

Далеко не всегда субъектно-объектные отношения выражены столь явно, как мы показали на нашей схеме. Особый интерес в этом плане привлекают к себе глаголы на -ся.

В работах, посвященных исследованию этих глаголов, обнаруживается примечательная противоречивость. С одной стороны, такие глаголы отличаются от остальных, не маркированных постфиксом, особым синтаксическим свойством - отсутствием сочетаемости с существительными в вин. падеже со значением прямого объекта. Тем самым, объектность глаголов на -ся вызывает сильное сомнение. Во всяком случае, самый обычный способ выражения объекта при этих глаголах оказывается неприменимым. С другой стороны, глаголы на -ся описываются в последние 25 лет с опорой именно на субъектно-объектные отношения (особенно после исследований Н.А. Янко-Триницкой /15/). Так же описываются и формы глаголов на -ся (в безличных и пассивных конструкциях).

Таким образом оказывается, что глаголы, отмеченные постфиксом, морфологически и синтаксически противопоставлены остальным (в первую очередь - переходным) глаголам, а функционально-семантически - нет. Вопрос о функциональной сущности постфикса остается неясным. Более того, отметив полифункциональность этого постфикса, перечислив некоторые его функции (см., например, /13/), некоторые грамматисты снимали вопрос о его инвариантном значении /6, с. 137-138/. Определение же, данное в АГ-70: "Основная грамматическая функция постфикса -ся(-сь) - формальное выражение общего значения непереходности" /5, с. 353/, касается лишь синтаксический сочетаемости и не затрагивает семантики этих глаголов.

Нам представляется, что имеющийся исследовательский материал позволяет не только поставить вопрос об инвариантном значении постфикса -ся, но и в определенной степени прояснить его. Для этого необходимо перенести внимание с морфолого-словообразовательных свойств данных глаголов на их синтаксические свойства. Но прежде следует рассмотреть эти глаголы с точки зрения сопоставимости/несопоставимости их с глаголами без постфикса.

Если сопоставить группы глаголов на -ся с исходными, производящими глаголами, то они распадаются на следующие разряды:

1) глаголы, образованные от глаголов без -ся и обычно относимые к самостоятельным глаголам активного залога:

- а) от переходных: мыться, гнаться, бриться;
- б) от непереходных (немногочисленные): светиться, краснеть;

2) глагольные формы на -ся:

- а) используемые с страдательных конструкциях: читать-ся, сгребаться, паяться;

- б) используемые в безличных конструкциях типа "Ему не спится";

- 3) глаголы, не сопоставимые с глаголами без -ся: бояться, слушаться, надеяться, дожидаться;

- 4) псевдоглаголы на -ся, т.е. глаголы, которых нет в современном русском литературном языке, но которые можно образовывать путем механического добавления постфикса. Интересны, конечно, не сами эти глаголы, а причины, благодаря которым некоторые глаголы русского языка не позволяют проделывать с ними постфиксацию: быть, болеть, скучать, грустить, температурить (ср. *болеться, *температуриться). Такие глаголы не

могут использоваться даже в безличных конструкциях, которые Н. П. Некрасов считал пригодными для всех глаголов (см. об этом в книге Н. А. Янко-Триницкой /15, с. 52 /).

При анализе уже словообразовательных особенностей глаголов на -ся обнаруживаются закономерности, характеризующие некоторые их функциональные особенности, хотя в полной мере последние особенно тесно связаны с синтаксическими свойствами глаголов.

Так, переходные глаголы позволяют образовывать от них глаголы на -ся с возвратным значением, но такие глаголы не могут использоваться в безличных конструкциях типа "Мне не спится" (ср.: умыть - он умывается - *ему не умывается). Непереходные глаголы неохотно дают дериваты на -ся, но свободно участвуют в безличных конструкциях (ср. дышать - *он дышался - ему легко дышалось). Наконец, глаголы, которые чаще всего используются "абсолютно", вообще не участвуют в словообразовании при помощи -ся: ржаветь, мерзнуть - *он ржавеется, *он мерзнется - *ему мерзнется. Сказанное можно представить в виде таблицы, отражающей связь между некоторыми словообразовательными и синтаксическими свойствами глаголов на -ся.

Исходный глагол \ Конструкции	Личные	Безличные
переходный	+	-
непереходный	-	+
абсолютный	-	-

Легко заметить, что в таблице не хватает одной строки - глаголов, которые позволяли бы присоединить к ним постфикс -ся и использовать их как в личных, так и в безличных конструкциях. Таких глаголов нам не встретилось, но если они есть, то можно предсказать некоторые их признаки: это должны быть дериваты от непереходных глаголов с сильным сдвигом в значении по сравнению с исходным глаголом.

Представленная картина получает объяснение при анализе субъектно-объектных отношений, которые выражаются с помощью тех или иных групп глаголов и оформляются в виде соответствующих синтаксических конструкций.

Первая группа - глаголы в предложениях с "сильным", ак-

тивным субъектом. Подлинную "субъектность" актант обретает потому, что ему противостоит объект, подвергающийся воздействию субъекта. Такой сильный субъектный актант даже получил в литературе особое название "актор" или "агенс", а позицию актора обычно занимает человек, живое существо или коллектив. Когда глагол, выступающий в конструкциях с актором, оснащается постфиксом -ся, то происходит явление, хорошо описанное под названием "рефлексивизация". Глагол приобретает рефлексивное значение, "... значение однореферентности объекта действия (или другого актанта) с субъектом" /4, с. 12/. Глагол утрачивает внешнюю объектную направленность и, хотя активность субъекта сохраняется, она оказывается сильно ограниченной "телом" или "интересами" самого субъекта, всегда - "актора".

В тех случаях, когда объект исходного глагола оказывается в позиции подлежащего при производном глаголе на -ся, "субъектность" такого актанта ослабляется еще больше: такие глаголы утрачивают возможность употребляться с самыми активными субъектами - лицами (ср. также /10, с. 88/):

Брат лил воду. - Вода лилась.

*Вода лила. - *Брат лился.

Очень часто активность исчезает вовсе: глагол либо становится просто признаком предмета (Стол сломался из Кто-то сломал стол), либо уходит в зону пассива и участвует в образовании конструкций страдательного залога (вторичных, коммуникативных).

Вторая группа глаголов - глаголы с изначально ослабленной субъектностью, поскольку субъекту при них не противостоит объект, как у переходных глаголов. Глагол здесь устанавливает связь между субъектом и неobjектными актантами или актантами с резко ослабленной "objектностью". В большинстве случаев эти актанты не входят в валентность глаголов, и сама их факультативность свидетельствует о слабости связи: Он дышал (морозным воздухом), Самолет летел (над бескрайней тундрой). Поскольку активность субъекта при таких глаголах ослаблена очень значительно, нужда в дополнительном её ослаблении отпадает, и постфикс -ся оказывается излишним (ср. *Он дышался) в конструкциях, где субъект занимает позицию подлежащего.

В конструкциях, где субъект ослаблен с помощью падежного средства (дат. падеж) и этим оформлена его подчиненность,

зависимость его от другого актанта ("объектного"), имеющего форму им. падежа, постфикс -ся оказывается уместным. Добавление его еще больше ослабляет активность субъекта, которая еще может сохраняться, потому что участником таких конструкций является лицо. Даже если участник назван местоимением, antecedent его - человек: Ему слышалась дивная музыка. Несомненно, такие предложения русского языка примыкают к области пассива. Важно отметить, что и здесь -ся ослабляет субъектность.

Наконец, у глаголов третьей группы их субъектность, активность сведена практически к нулю, и если о глаголах второй группы можно было говорить как о глаголах, выражающих активные признаки, то здесь они обозначают только признаки. Не случайно очень многие из них употребляются абсолютно. Не случайно также, что среди них имеется множество глаголов с дефектной личной парадигмой. Отсутствие форм I/2 лица - свидетельство предельного ослабления их активности, субъектности. Субъектом при данных глаголах может быть чаще всего "не лицо", не человек. Если в каких-то переходных случаях или при метафоризации субъектом оказывается человек, то это ни в коем случае не "актор", а просто носитель признака, выражаемого глаголом (ржаветь, течь, гореть). Постфиксу при этих глаголах ослаблять нечего, и он оказывается ненужным. Именно поэтому глаголы типа "белеться" кажутся нам искусственными. Употребление их может быть в какой-то мере оправданным тем только, что в них отсутствует значение инхотивности в сравнении с исходными глаголами без -ся, что иногда требуется в соответствии с замыслом говорящего. Ср.:

Вместо луны на небе белело/белелось мутное пятно.

Пятно медленно белело. - *Пятно медленно белелось.

В нашу таблицу дериватов на -ся не вошла, естественно, группа глаголов, которые являются неизменяемыми в современном русском языке: бояться, слушаться, дожидаться, гордиться. Они не могут употребляться ни в пассивных конструкциях, ни в безличных (ср.: *Мне не боялось, не гордилось). Поскольку глаголы имеют постфикс, то он, как и при всех других группах глаголов, служит показателем ослабления активности субъекта. Субъект при них всегда обозначает лицо, при этом также лицо, которое проявляет свое действие (состояние) в связи с наличием какого-то объекта, и тем самым выступает в качестве "ослабленного" по активности субъекта.

Таким образом, во всех случаях постфикс -ся используется

для модификации отношений между субъектом и объектом высказывания, и в первую очередь – для ослабления активности субъектного актанта. Более дробная модификация осуществляется уже не морфологическими ресурсами языка (в данном случае – постфиксацией), а синтаксическими, что мы и наблюдаем при исследовании предложно-падежной сочетаемости с глаголами на –ся. После постфиксации глагола ослабевает активность субъекта при этом глаголе, и конструкции с дериватом на –ся перемещаются от субъектной зоны шкалы субъектно-объектных типов в сторону объектной зоны. Прямое дополнение заменяется косвенным, косвенное устраняется вовсе, активный носитель признака становится пассивным и, наконец, в предельных случаях происходит диалектическое отрицание субъектно-объектного противопоставления двумя противоположенными путями: а) путем ослабления активности субъекта и б) путем усиления активности объекта (см. с. 53 и 54). В конечном итоге в ходе этих процессов возникают два типа новых конструкций:

1) пассивная конструкция, когда субъект становится в позицию объекта (ослабление "до абсурда"), а объект – в позицию субъекта, и происходит то, что принято называть изменением диатезы /12, с. 13/;

2) взаимовозвратная конструкция, когда активность объекта возрастает настолько, что он уравнивается по этому показателю с субъектом.

Литература

1. Алиева Н.Ф. Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков. – В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969, с. 129–134.
2. Вепрева И.Т. Об отношении семантики возвратных глаголов к лексико-семантической группе мотивирующих глаголов. – В кн.: Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982, с. 97–103.
3. Веренк Ж. Диатезы и конструкции с глаголами на –ся. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV, М.: Прогресс, 1985, с. 286–302.
4. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983, 170 с.

5. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970, '767 с.
6. Цухман М.М. Грамматическая категория с структура парадигм. - В кн.: Исследования по общей теории грамматики. м.: наука, 1968, с. 117-174.
7. Золотова Г.А. О субъекте предложения в современном русском языке. - Филологические науки, № I, 1981, с.33-42.
8. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923, 132 с.
9. Сидоров В.Н., Ильинская И.С. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. УШ, вып. 4, с. 343-354.
10. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981, 360 с.
11. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. - В кн.: Избранные труды, т. 2, М.: Просвещение, 1957, с. 429-462.
12. Храковский В.С. Пассивные конструкции. - В кн.: Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 10, 1974, с.5-45.
13. Цейтлин С.Н. Возвратные глаголы и детская речь. - В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 10, 1978, с. 193-197.
14. Юрченко В.С. Простые предложения в русском языке. АДД, Саратов, 1972, 39 с.
15. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке.: М., АН СССР, 1962, 246 с.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.С. Храковский

В соответствии с концепцией диатез и залогов к числу пассивных относятся такие производные конструкции, в которых Субъект не занимает позиции подлежащего. В русском языке среди конструкций, отвечающих этому определению, центральное место принадлежит конструкции с факультативным агентивным дополнением в твор. пад. Наряду с этой пассивной конструкцией (ПК) в русском языке есть и периферийные ПК, которые рассматриваются в этой статье. Интерпретация периферийных пассивных конструкций в ряде случаев вызывает определенные трудности (ср.: Adams 1973).

Пассивная конструкция без агентивного дополнения

Главная особенность этой ПК заключается в том, что в ней употребляется форма глагольного пассива немногих переходных глаголов НСВ, которые образуют обычную ПК с факультативным агентивным дополнением в твор. пад. Это глаголы запирать, закрывать, читать, писать, красить, складывать, пачкать, дойти, носить, растягивать.

Формальная особенность этой ПК, кстати отличающая ее от стандартной двучленной ПК, заключается в том, что в ней обычно употребляются оценочные слова-квалификаторы типа хорошо/плохо и т.д.: Белое всего легче красится, уж я знаю! — сказал он очень серьезно (М.Горький), Мать сообщила, что живет теперь одна... Живет пока неплохо: запаслась на всю зиму картошкой, хлеба тоже немножко есть, а корова помаленечку доится (В.Курочкин), Третьего года сестра моя привезла откуда теплые сапожки для детей: такой прочный товар, до сих пор носится (Н.Гоголь).

Как квалификатор с плохой оценкой выступает приглагольное отрицание: (Базаров:) В моей комнате английский рукомытник, а дверь не запирается (И.Тургенев). Отсутствие в конструкции слова-квалификатора служит либо знаком хорошей оценки (Корова доится = 'Корова хорошо/нормально доится'), либо

знаком модального значения 'можно' (Велосипед складывается = 'Велосипед можно складывать' = 'Велосипед складной').

Семантическая специфика этой ПК заключается в констатации того факта, что прагматически важное для человека потребительское свойство Объекта – обычно предмета и преимущественно артефакта – отклоняется от условной нормы в лучшую или худшую сторону. Семантически мотивируется и запрет на употребление агентивного дополнения. Этот запрет служит знаком нереферентного толкования Субъекта, что определяет неактуальное прочтение всей ПК. В пользу этой интерпретации свидетельствует и то, что глагол в этой ПК употребляется преимущественно в форме неактуального настоящего: Мать подробно расспрашивала о хозяйстве, скучно поучала; – По будням салфеток к столу не давай, от усов, от бород салфетки сразу пачкаются (М. Горький), – и редко в форме неактуального прошедшего: Нанятая мною фанза во дворе лавочника плохо запиралась, не имела окна, и днем пришлось бы держать дверь открытой (В. Обручев). Об этом говорит и тот факт, что в рассматриваемой ПК не употребляются обстоятельства, указывающие на конкретную локализацию ситуации во времени и/или в пространстве.

В литературе утвердилось мнение, что смысловая структура пассивных форм, употребляющихся в подобных ПК, состоит из значения соотносительного неререфлексивного глагола и модального смысла 'можно', в силу чего ПК "обычно синонимичны конструкциям с инфинитивом соотносительного глагола и модальным словом" (Генюшене 1983:46, см. также Veurenc 1980: 233, Веренк 1985:297). Данное утверждение не кажется полностью справедливым. Оно верно для ограниченной части примеров без слова-квалификатора типа приведенного выше предложения Велосипед складывается, в котором констатируется, что обозначаемым потребительским свойством данного Объекта обладает не весь класс подобных предметов. Иначе говоря утверждается, что наряду со складными велосипедами, к которым относится и данный конкретный велосипед, бывают и нескладные.

Но такую интерпретацию вряд ли можно дать примерам типа Книга читается, Ботинки носятся, поскольку любая книга предназначается для того, чтобы ее читали, а любые ботинки предназначаются для того, чтобы их носили. У этих предложений другой смысл. Книга читается = 'Книга легко читается' ≠ 'Книгу можно читать'. Ботинки носятся = 'Ботинки хорошо носятся' ≠ 'Ботинки можно носить. Иными словами у данных

предложений тот же смысл, что и у предложений: Книга легко читается, Ботинки хорошо носятся. Если же считать, что у подобных предложений модальный смысл, то тогда предложение Книга легко читается, видимо, должно было бы значить 'Книгу можно легко читать', а предложение Ботинки хорошо носятся должно было бы значить 'Ботинки можно хорошо носить', с чем вряд ли можно согласиться.

Таким образом, мы полагаем, что в принципе добавочным смыслом, который выражается в ПК, является указание на то, что положение дел отклоняется от условной нормы. Эту интерпретацию допускают и примеры типа Велосипед складывается, если нормой считать нескладывающиеся велосипеды.

Крайне редко в рассматриваемой ПК при отсутствии слова-квалификатора выражается дополнительный смысл необходимости или предписания (Генюшене 1983:109). В этом случае обязательным элементом ПК является обстоятельство, указывающее, каким образом должно совершаться действие: Почетный знак лауреата носится на правой стороне груди.

Спорадически в данной ПК могут употребляться формы пассива прошед. вр. глаголов СВ. В этом случае в ПК выражается смысл независимости результата действия от воли Субъекта и его неожиданности для самого Субъекта (Князев, Недялков 1985:32): - Ах, Михаил, Михаил... - сжала ладонями седые виски Лидина мать, - не так бы надо сказать. Но раз уж сказалось, так слушайте дальше (В.Астафьев).

Заметим, что лично-числовая парадигма пассивных форм в этой ПК реально представлена только формами 3 л., поскольку референтом Объекта не бывает лицо.

Пассивная конструкция с обязательным агентивным дополнением в дат. пад.

В этой ПК употребляются формы глагольного пассива считанных глаголов НСВ и СВ ментальных и психических процессов, чувственного восприятия, модальных: по/думать, за/помнить, вспоминать/вспомнить, верить, мечтать, представлять, видеть, слышать, за/хотеть: Идя по мосту и по набережной и видя вдали за Невой кипящий и пенящийся белогрудый и белобокий галдящий люд, он думал, что кинуть бы эту силу на стройку - можно бы гору свернуть... Но так думалось Коле со стороны, пока он был в брюках и пиджаке (Г.Горышин), ... мне приходилось слышать не раз, что примаком Сократилин стал не потому,

что так сам захотел, а потому, что так захотелось хозяйке (В. Курочкин).

Первому неодушевленному участнику ситуации, называемой этими глаголами, т.е. Субъекту, приписывается конкретная семантическая роль Экспериенцера, а второму событийному или предметному участнику ситуации, т.е. Объекту, приписывается конкретная семантическая роль Реципиента, поскольку он исходно задан и не меняется в ситуации.

Специфическую семантическую особенность ПК, отличающую ее от соотносительной активной конструкции (АК), можно усмотреть в том, что в ПК действие часто характеризуется как происходящее помимо воли Субъекта: Володичева... Какое право вы имеете думать о смерти? Ленин (улыбка). Не имею..., но само... думается (М. Шатров).

Синтаксическая особенность перечисленных глаголов состоит в том, что в АК у них вариативная модель управления. Иными словами, в роли дополнения может выступать имя в вин. пад., имя в вин. пад. с предлогом, дополнительное придаточное предложение, инфинитив. Если позицию дополнения занимает имя в вин. пад., то соотносительная ПК является персональной: Мне все проводник наш тогдашний вспоминается (В. Чубакова). Во всех остальных случаях соотносительная ПК является имперсональной: И уж мерещилось, верилось ему, что он приехал сюда только затем, чтобы понять, как далеко он продвинулся вслед за ними (В. Распутин), Солнце дорого ленинградскому люду. Всем хочется загореть (Г. Горьшин).

Эллипсис обязательного агентивного дополнения допускается, когда оно очевидно из контекста: Но оказавшись на пляже, разувшись, Коля почувствовал пятками теплоту и щекотную жесткость песка. Ему захотелось побегать босому и поваляться как в детстве. Захотелось зажмурить глаза и подставить себя беспокойному солнцу на небе (Г. Горьшин). Особенно естественен эллипсис, когда Субъект однореферентен с говорящим: Я слушал поднимающееся из глубины, как из опрокинутого, направленного в небо колокола, гуденье. Тревога и беспокойство слышались в нем (В. Распутин).

Мы не считаем агентивное дополнение факультативным и потому, что случаи эллипсиса относительно малочисленны, и потому, что случаев с неопределенной референцией соответствующего Субъекта нам не встретилось, а именно эти случаи наиболее характерны для стандартной двучленной ПК.

Заметим, что у глаголов видеть и слышать есть формы при-

частного пассива: От прилавка ему хорошо виделось клубное крыльцо..., а сам Прончатов с клубного крыльца виден не был (В.Липатов). Укажем также, что пассивная форма глагола видеть может иметь специфическое значение 'видеть мысленно' и тем самым в этом случае быть близкой по смыслу пассивной форме глагола представлять: Ген же виделся (= 'представлялся' - В.Х.) Лысенко и его последователям надуманной, не поддающейся эмпирическому опыту дефиницией (В.Амлинский).

В имперсональной ПК с обязательным агентивным дополнением дат. пад. употребляются также формы глагольного пассива немногих непереходных глаголов НСВ, обозначающих временные состояния и гомогенные процессы: дышать, жить, работать, спать - У нищих, у солдатиков Не спрашивали странники, Как им легко ли, трудно ли Живется на Руси (Н.Некрасов). Вместе с тем, особенно в поэзии, употребляются и другие глаголы указанных семантических классов (Норман 1972:70). Могут употребляться в этой ПК и непереходные глаголы типа читать, писать, есть, петь, которые восходят к первично переходным глаголам: Сначала подросткам хорошо пелось вослед - с голоса Окуджавы, с голосов тех, кто постарше, кто бушевал в переполненных аудиториях (Литгазета 29.07.87), Особенно хорошо пелось летом (В.Амлинский). Как справедливо отмечено в литературе, реально в этой ПК встречаются глаголы конкретно-бытовой лексики, а не отвлеченные и книжные (Исаченко 1960 П: 378).

Имперсональность ПК в данном случае определяется тем, что Субъект - единственный участник ситуации, обозначаемой непереходным глаголом, с позиции подлежащего в АК переходит на позицию дополнения в ПК, а позиция подлежащего в ПК остается незанятой.

Семантическая специфика ПК заключается в том, что в ней описываемое "положение дел" предстает как независимое от Субъекта и отклоняющееся от условной нормы. Иначе говоря, речь идет о "положении дел", которое по не зависящим от Субъекта обстоятельствам происходит либо хорошо, либо плохо, но не соответствует условной норме. Формальным показателем ненормальности служит оценочное слово-квалификатор типа хорошо/плохо, которое обычно употребляется в ПК: Богатому сладко естся, да плохо спится. В роли квалификатора плохой оценки может выступать приглагольная отрицательная частица. В предложении с такой частицей утверждается не то, что некоторое "положение дел" вовсе не имело места, а то, что были

значительные препятствия для его осуществления: Мне не работается = 'Мне (очень) плохо работается'. Отсутствие слова-квалификатора в предложении служит знаком хорошей оценки: Сегодня мне дышится = 'Сегодня мне хорошо дышится', Зимой, я думаю, мне будет работаться = 'Зимой, я думаю, мне будет хорошо работаться'.

Обстоятельства, вызывающие отклонение "положения дел" от условной нормы, обычно эксплицируются в тексте: Здоровая пища, работа на свежем воздухе - им крепко спалось (Г.Горьшин), Мальчика Фёдку кусали блохи, и ему не спалось (Б.Житков). Наиболее часто отклонение от нормы связано с определенным временем или местом действия: Мне не нравится, не мечтается, не читается по ночам (Е.Евтушенко), Тут отлично работается (Г.Горьшин).

Дативное дополнение может эллиптироваться, когда Субъект очевиден из контекста. Особенно естественен эллипсис, когда Субъект однореферентен с говорящими: Живительный прохладный воздух подбадривал, но не знобил. Дышалось легко (В.Арсеньев), Не спится, няня, здесь так душно (А.Пушкин).

Из изложенного следует, что нам представляется неоправданным, по крайней мере для русского языка, разграничение конструкций Мне не спится и Здесь легко дышится, предложенное в работе (Князев, Недялков 1985). Мы не можем согласиться и с тем, что "тип Мне не спится предназначен для выражения спонтанной, неконтролируемой предрасположенности (отсутствия предрасположенности) в выполнении действия" (Князев, Недялков 1985:33). Думается, что дело здесь не столько в наличии/отсутствии предрасположенности Субъекта к действию, сколько в наличии не зависящих от Субъекта обстоятельств, которые способствуют "хорошему" или "плохому" осуществлению действия. Обстоятельства эти, как уже отмечалось, могут быть известны и названы в контексте, как и в приведенном выше предложении Не спится, няня, здесь так душно. Вместе с тем данные обстоятельства могут оставаться неизвестными, хотя они тем не менее существуют: Мне последнее время не спится - сам не знаю, почему. Смысл 'я хочу спать' в конструкции Мне не спится не выражен. Это прагматический смысл, относящийся к пресуппозиции: мы обычно ложимся спать, когда нам этого хочется. В итоге мы полагаем, что конструкции типа Мне не спится и Здесь легко дышится представляют собой варианты одной имперсональной ПК.

Пассивная конструкция с обязательным агентивным дополнением в твор. или предлож. падеже

В этой ПК регулярно употребляются формы глагольного пассива и менее регулярно формы причастного пассива относительно немногих переходных глаголов НСВ и СВ, которые преимущественно обозначают статическое или динамическое, обычно контактное соположение двух предметов: держать (что, что), задерживать (что, что), отражать (что, что), наполнять/наполнить (что, что), переполнять/переполнить (что, что), затягивать/затянуть (что, что), окутывать/окутать (что, что).

Никаких специфических приращений смысла в ПК по сравнению с соотносительной АК нет: Высокое небо на западе затянули дождевые облака (М.Авдеев), Пахано было плугом, на поперечных межах еще не затянулись зеленую следы коней и круги от плуга (В.Распутин), Борта машины были затянуты красными полотнищами с первомайскими призывами (Ю.Свиридов).

На первый взгляд семантические роли обоих предметов, участвующих в ситуации, называемой данными глаголами, равноправны. Вместе с тем более важная, более активная роль Субъекта принадлежит только одному предмету, являющемуся первым участником ситуации. Предмету, являющемуся вторым участником ситуации, принадлежит роль Объекта. Наиболее очевидно сказанное, если глагол обозначает динамическую ситуацию. Примером может служить глагол окутать: С рождества стояли крепкие морозы. Землю окутал густой холодный туман (Г.Марков), Уже солнце зашло, даль окуталась синим туманом (М.Горький), В данном случае роль Субъекта, занимающего позицию подлежащего в АК и дополнения в ПК, приписывается активной, подвижной субстанции, которая фактически создает обозначаемую ситуацию, а роль Объекта приписывается менее существенной неподвижной субстанции. Не столь очевидна данная интерпретация, если глагол обозначает статическую ситуацию. Примером может служить глагол держать: Хлев держали четыре дубовых столба → (Хлев) держался на четырех дубовых столбах (Н.Гоголь).

В литературе глагольные пары типа держать - держаться называют лексическими конверсивами. Вместе с тем использование данного термина правомерно лишь тогда, когда каждый глагол в паре представляет собой самостоятельную лексему. В данном случае для такого вывода нет достаточных оснований, поскольку формам держать и держаться не только присуща одна

и та же ролевая структура, но и существует стандартный грамматический механизм перехода от первой формы ко второй (прибавление постфикса =ся), который маркирует изменение в диатезе. Поэтому в данном случае можно говорить не о лексической, а о грамматической, т.е. залоговой конверсии.

Если же считать, что в процессе деривации происходит изменение ролей референтов (Генюшене 1983:51), что, с нашей точки зрения, в данном случае вряд ли обосновано, то термин конверсия пользоваться вообще нельзя, поскольку у лексических, как и у грамматических конверсивов должен быть один и тот же набор ролей. При частично разном наборе ролей речь может идти только о квазиконверсивах (Апресян 1974:275).

Учитывая сказанное, мы полагаем, что формы типа держать и держаться являются активной и пассивной формами одной лексемы, причем пассивная форма по стандартным правилам строится из активной и употребляется в ПК с обязательным неканоническим агентивным дополнением, которое обычно не эллиптируется.

"Пассивная" конструкция с обязательным агентивным дополнением в твор. падеже

В этой ПК употребляются формы глагольного и (реже) причастного пассива немногих неопределенных переходных глаголов НСВ и СВ, которые обозначают эмоциональное отношение: интересовать, удовлетворять/удовлетворить, соблазнять/соблазнить, увлекать/увлечь, восхищать/восхитить, чаровать, разочаровать, возмущать/возмутить.

Субъектом ситуации, обозначаемой глаголом, является предмет (событие, лицо), вызывающее эмоцию. Объектом ситуации, а конкретнее Экспериенцером, является лицо, которому присуще эмоциональное отношение: Пушкина живо интересовала современная история (В.Белинский), Я уверена, что Вы интересуетесь русской литературой (И.Тургенев).

Можно считать, что Субъекту принадлежит более важная роль в описываемом "положении дел", поскольку он дает импульс для возникновения эмоции. В то же время, когда эмоция уже возникла, у Экспериенцера появляется возможность в какой-то мере держать эмоцию под контролем и активно способствовать сохранению, развитию или прекращению эмоции. Контролируемость ситуации Экспериенцером подтверждается тем, что акциональная ПК свободно осложняется оборотом с активным

деепричастием НСВ или СВ: Приезжая/приехав в деревню, я увлекался/увлекся охотой.

Сказанное позволяет считать, что формы типа интересоваться, увлекаться могут интерпретироваться и как пассивные словоформы глаголов типа интересовать, увлекать, и как самостоятельные глаголы, выступающие как лексические конверсивы по отношению к производящим глаголам. Вторая трактовка дополнительно аргументируется еще и тем, что есть употребительные императивы типа интересуйся, тогда как принято считать, что пассивы не имеют соотносительных императивов.

Когда Субъект очевиден из контекста, агентивное дополнение может эллиптироваться: Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто против больших денег устоять может? - думаю... А он не соблазнился (М. Горький).

"Пассивная" конструкция с факультативным агентивным дополнением в род. падеже с предлогом у

В этой ПК употребляются формы глагольного пассива немногих переходных глаголов НСВ и СВ, которые обозначают действия, профессионально выполняемые одним лицом с другим лицом, причем эти действия приносят пользу тому лицу, с которым они совершаются: за/регистрировать, лечить, про/консультировать, с/фотографировать, по/стричь, го/брить - Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было (А. Пушкин), Первое, что я помню и люблю по воспоминаниям, это - необыкновенная доверчивость, с какою она вошла в мой дом, лечилась у докторов (А. Чехов).

Пассивные формы перечисленных глаголов в литературе называют каузативно-пассивными, каузативно-рефлексивными, аутокуративными глаголами (Князев, Недялков 1985:25). Довольно широко распространено мнение, что у аутокуративов по сравнению с производящими глаголами усложняется ролевая структура (Генюшене 1983:51). Если, например, глагол причесывать обозначает ситуацию с первым участником Агенсом и вторым - Пациентом: Екатерину Ивановну в ее комнате причесывал парикмахер (А. Чехов), то глагол причесываться обозначает уже ситуацию с первым участником Пациентом и Каузатором: ситуации и вторым участником Агенсом и Объектом каузации: На Невском француз-парикмахер со мной на короткой ноге, и, когда я у него причесывался, рассказывает мне анекдоты (Ф. Достоевский). Представляется однако, что тот набор ролей, когда

рый приписывается глаголу причесываться, можно приписать и глаголу причесывать. Ведь очень трудно согласиться с мыслью, что парикмахер обычно причесывает клиента не по его инициативе, а по своей собственной.

Реальная представленность в текстах агентивного дополнения весьма колеблется при разных глаголах. Так это дополнение очень широко представлено в ПК с глагольной формой (про)консультироваться: Мне и раньше приходилось консультироваться у работников этого бюро по трудным вопросам (Н.Российский), Тогда тайком от педагога Альберт стал консультироваться у ребят (В.Кудрявцев). Объяснить это можно тем, что действие, называемое глаголом в данном случае, достаточно отвлеченное и полезно оно не само по себе а тем, кто дает консультацию. Иначе, например, обстоит с действиями, обозначаемыми формами с/фотографироваться, по/стричься и т.п., где более важным часто является сам факт действия, а не то, кто его выполнил.

Профессионально выполняемые действия преимущественно совершаются в специальных учреждениях: фотографируют в фотографии, причесывают, стригут, бреют в парикмахерской, лечат в больнице, на курорте и т.п. Соответственно в ПК часто бывает обстоятельство, называющее место действия: В Эссен-туках, друзья, лечуся... Два раза в день по парку мчуся. На водопой (Д.Бедный).

Если у глагольной формы, как например, у форм за/регистрироваться, с/фотографироваться только пассивное значение, то наличие/отсутствие агентивного дополнения или обстоятельства места не существенно для семантической интерпретации конструкции: И сам он тоже не любит фотографироваться (Б.Горбатов).

Иначе обстоит дело, если глагольная форма имеет не только пассивное, но и рефлексивное значение. Речь идет о таких формах как причесываться, бриться. Рефлексивное значение у этих форм основное, оно не требует каких-либо специальных показателей в контексте: Пред зеркалом Параша, чинно сидя, кухарка брилась (А.Пушкин). Напротив, пассивное значение требует специального контекста: Коля зашел в парикмахерскую, побрился, посмотрел на себя в зеркало: худой, загорелый и почему-то все время улыбается (К.Паустовский).

Специфическая особенность рассматриваемой конструкции заключается в том, что она свободно присоединяет оборот с активным деепричастием как СВ, так и ПСВ: Вернувшись из по-

хода, я побрился в парикмахерской, Возвращаясь из похода, я всегда бреюсь в парикмахерской. Это объясняется тем, что референт второго участника ситуации выполняет роль не только Пациенса, но и Каузатора.

Данная конструкция может также осложняться целевым оборотом типа "чтобы + инфинитив". Важно при этом подчеркнуть, что Субъект действия, обозначаемого инфинитивом, кореферентен не Агенсу, обозначаемому агентивным дополнением, а Пациенсу-Каузатору действия: Чтобы разрешить все сомнения, больной проконсультировался у психиатра. Кроме того, отметим, что формы типа лечиться, про/консультироваться имеют соотносительные императивы, которые нормативно употребительны: Когда будешь в Москве, проконсультируйся у психиатра.

Свободное присоединение деепричастного оборота, осложнение целевым оборотом, Субъект которого кореферентен с Пациенсом-Каузатором, занимающим позицию подлежащего, наличие императива – все это свойства, которые характерны для АК, а не для ПК. Учитывая сказанное, можно считать, что рассматриваемая конструкция занимает дальнюю периферию функционально-семантического поля пассивности, приближаясь по ряду параметров к АК. Соответственно формы типа за/регистрироваться, лечиться можно считать либо пассивными формами соотносительных глаголов типа за/регистрировать, лечить, либо считать их самостоятельными глаголами, находящимися в отношении конверсии с производящими глаголами. В толковых словарях обычно принимается вторая трактовка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974..
2. Веренк Ж. Диатеза и конструкция с глаголами на =ся. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
3. Генюшене Э. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. П. Братислава, 1960.
5. Князев Ю.П., Недялков В.П. Рефлексивные конструкции с славянских языках. – В кн.: Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985.

6. Норман Б.Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972.
7. Adams P. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Praha, 1973.
8. Veyrenc J. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

ВЫРАЖЕНИЕ ОДНОГО ЧАСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

П.Эслон

В настоящей статье изучаются средства выражения одного из частных значений модальности возможности, еще не описанного в научной литературе, — значения тендентивной возможности.

Тенденция связана с объективно обусловленной возможностью (способностью) действия постоянно осуществляться. Она понимается нами или как закономерность в развитии чего-либо, связанная с предопределенностью и неизбежностью действия; или как направленность, устремленность действия к чему-либо, а также как склонность субъекта к осуществлению цели, "достижение которой представляется проблематичным" /1, с. 95/; или как "принятость" определенного действия-состояния.

В статье предпринимается попытка систематизировать имеющийся в нашем распоряжении языковой материал на основе семантической и функционально-грамматической характеристики лица (см. таблица I). В таблице I показано, что по признаку выраженности/невыраженности семантического субъекта предложения со значением тендентивной возможности делятся на две большие группы: А. с выраженным семантическим субъектом и Б. с невыраженным семантическим субъектом. Предложения первой группы подразделяются на А.1. предложения с конкретным потенциально активным субъектом; А.2. Предложения с конкретным пассивным субъектом и А.3. Предложения с обобщенным потенциально активным субъектом. Предложения второй группы подразделяются на Б.1. предложения с обобщенным потенциально активным субъектом; Б.2. предложения с неопределенным пассивным субъектом и Б.3. предложения с неопределенно-обобщенным пассивным субъектом.

Ниже раскроем особенности каждого из приведенных типов предложений в выражении модального значения тендентивной возможности.

А. Предложения с выраженным семантическим субъектом.

А.1. Предложения с конкретным потенциально активным

Таблица I

Соотношение между грамматическим лицом и семантическим субъектом в выражении значения тендентивной возможности

Характеристика семантического субъекта	Грамматическая характеристика лица			Тип употребляемой синтаксической конструкции
	лицо	число	падеж	
Выраженный	Конкретный, потенциально активный	1,2,3	Ед. и мн.	Именит. Личные конструкции
	Конкретный, пассивный	1,2,3	Ед. и мн.	Винит. Дательн. Конструкции с безличной формой глагола-сказуемого; конструкции с краткой формой страдательного причастия; инфинитивные конструкции с дательным субъекта
	Обобщенный, потенциально активный	3	Ед. и мн.	Именит. Личные конструкции
Невыраженный	Обобщенный, потенциально активный	2-е лицо вместо 1-го	Ед.	- Обобщенно-личные конструкции
	Неопределенный, пассивный	3	Мн.	- Неопределенно-личные конструкции
	Неопределенно-обобщенный, пассивный	3	Ед. и мн.	- Конструкции с пассивно-страдательной формой глагола-сказуемого, с безличной формой краткого страдательного причастия; инфинитивные конструкции с дательным дополнения.

субъектом. Этот тип предложений употребляется в значении тендентивной возможности в том случае, если субъектом является лицо конкретное, выраженное именительным падежом, а в роли сказуемого используются глаголы со значением а) устремленности и направленности; б) предопределенности и неизбежности.

Со значением устремленности и направленности употребляются в основном непереходные и не соотносительные по виду глаголы несовершенного вида (НСВ): стремиться (стараться); устремляться-устремиться; влечься; тянуться; рваться; тяготеть (притягиваться) и др. Из глагольно-именных словосочетаний в этом значении употребляются следующие: испытывать (испытывается), питать, чувствовать тяготение (тягу, пристрастие, жажду, аппетит, влечение) к чему; наблюдается тенденция что делать, уклон во что, что делать; вырисовывается линия что делать; есть, имеется курс (установка) на что, направление (направленность, настроенность, ориентация) на что, что делать; устремленность (тяга, стремление) к чему, что делать и др. Употребление приведенных слов и словосочетаний свойственно языку газетной информации, а также научно-популярным и научным текстам. Например: Я стараюсь жить с ними в дружбе ("Комс. правда"); Его режиссерская активность почти всегда устремляется вовнутрь, в самые недра духовной жизни героев (А.Борисов) и т.д.

Для приведенных предложений свойственно следующее:

а) в данных примерах модальное значение тендентивной возможности является одним из компонентов лексического значения глагола;

б) временная форма глагола указывает на постоянность, обычность действия без его соотнесенности с моментом речи (настоящее постоянное). НСВ употребляется в узуальном значении. Такая темпорально-аспектуальная характеристика действия свойственна для общих суждений;

в) в функции субъекта употребляется лицо конкретное (именительный падеж существительного или личного местоимения), потенциально активное;

г) форма глагола выступает в изъявительном наклонении. Соответствующие модификации с частицей "бы" вводят дополнительный модальный оттенок допущения, предполагаемости. В этом проявляется связь между значениями тендентивной и неопределенной возможности;

д) структура предиката отличается сложностью - часто наблюдаются многочленные конструкции.

Со значением неизбежности, неопределенности употребляются глаголы НСВ "определять", "предопределять" и "предвещать": Его спокойствие и уменье определяют собой успех атаки и время пребывания на боевом курсе (Л.Соболев); Его выступление во многом предопределяет, предвещает дальнейшую

судьбу архитектурных памятников, разбросанных по республике ("Наука и жизнь") и т.д. В приведенных примерах действие не соотносится только с моментом речи, а относится к настоящему постоянному. Форма НСВ употребляется в постоянно-непрерывном значении. Семантический субъект потенциально активен. Модальное значение тендентивной возможности является одним из компонентов лексического значения указанных выше глаголов.

А.2. Предложения с конкретным пассивным субъектом.

Этот тип предложений употребляется в значении тендентивной возможности в том случае, если субъект выражен винительным или дательным падежами.

Использование винительного падежа связано с функционированием в роли сказуемого не соотносительных по виду глаголов НСВ "манить", "тянуть", "влечь" в значении неизбежности действия. Постоянно повторяясь, оно переходит в определенное состояние субъекта. Например: Льва Павловича все больше стало тянуть на практическую работу (Б.Полевой); По утрам его манило за город (М.Горький); - Я не хочу скрывать, меня влечет к вам, вы мне милы всем: своей неловкостью, своей чистотой, своей нежностью (А.Куприн) и т.д.

Для подобных предложений характерно следующее:

а) в приведенных примерах модальное значение тендентивной возможности является одним из компонентов лексического значения глаголов "манить", "тянуть" и "влечь";

б) использование в роли сказуемого преимущественно безличной формы прошедшего времени НСВ в неограниченно-кратном значении. Прошое действие представляется как повторяющееся и обычное. В результате создаются условия для отвлечения от конкретного момента прошлого и понимания его в качестве "всетемпорального". Реже глагол-сказуемое употребляется в форме постоянного настоящего. Форма НСВ используется в постоянно-непрерывном значении;

в) аспектуально-темпоральный признак постоянности и общности действия поддерживается наличием в предложении лексических показателей постоянности типа "всегда", "все больше", "вообще";

г) приведенные конструкции допускают в прошедшем времени трансформации с безличной формой вспомогательного глагола "стать". В таком случае глаголы "манить", "тянуть" и "влечь" употребляются в форме зависимого инфинитива (стало тянуть).

Использование дательного падежа конкретного пассивного субъекта наблюдается при наличии в составном именном сказуе-

мом слов со значением судьбы, рока, предопределенности. (К предложениям с дательным пассивного субъекта относятся также соответствующие инфинитивные, однако ввиду их специфичности мы остановимся на них особо.) Например: Почему знать, кому из них уже предназначено судьбой поплатиться на этом труде жизнью (А.Куприн); Но суждено нам разлучиться, И через дальние края Твой дымный ирис будет сниться, Как юность ранняя моя (А.Блок); Но по степям, войной сожженным, Идти завещано друзьям (К.Симонов) и т.д.

Для приведенных конструкций характерно следующее:

а) модальное значение тендентивной возможности является одним из компонентов лексического значения слов типа "предназначено", "суждено", "завещано". Эти слова употребляются при зависимом инфинитиве по аналогии с предикативом "можно" и определяются поэтому в качестве модальных предикативов;

б) использование в роли зависимого инфинитива разных видов глагола дифференцирует оттенок передаваемого модального значения. Так, наличие инфинитива совершенного вида (СВ) акцентирует значение предопределенности действия, близкой к неизбежности, а наличие инфинитива НСВ – значение всеобщей предопределенности;

в) обычно в таких конструкциях момент речи не совпадает с моментом осуществления действия: момент речи – настоящее время, момент осуществления действия – будущее;

г) действие понимается как "всетемпоральное". Локализация действия во времени возможна при введении в предложение связки "есть". Однако в таком случае субъект может и не выражаться дательным падежом: а) прошедшее время – Странное дело: случилось, что новая его судьба была как бы предопределена именно здесь, в Финляндии (Л.Соболев); б) будущее время – Нет, если будет суждено, Тебя мне удержать, Тебя не буду все равно Я девочкою звать (К.Симонов).

А.3. Предложения с обобщенным потенциально активным субъектом. Этот тип предложений употребляется в значении тендентивной возможности в том случае, если семантическим субъектом является лицо обобщенное, выраженное именительным падежом – как правило, выбирается форма единственного или множественного числа отвлеченного существительного или субстантивированного прилагательного. В функции глагола-сказуемого используется форма 3-го лица единственного или множественного числа НСВ. Этой формой обозначается действие повторяющееся, обычное, акцентируемое иногда наличием лексических

показателей постоянности (типа "всегда", "каждый вечер", "не раз"). Глагол НСВ употребляется в узуальном значении, а действие соотносится с абстрактным настоящим. При наличии таких морфологических условий выражение тендентивной возможности не обусловлено лексическим значением глагола. Высказываниям с формой 3-го лица глагола-сказуемого при обобщенном субъекте характерна известная афористичность. Например: Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеной: сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого (А.Кони); В горы уходят сильные, но пики доступны отважным ("Комс. правда") и т.д. Аналогично употребляется инфинитив НСВ со значением повторяющегося "всетемпорального" действия: Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться (см. пример в труде А.Мазона /1/). Указанный факт говорит о связи между значениями тендентивной и активной возможности, осуществляемой посредством значения склонности.

Б. Предложения с невыраженным семантическим субъектом

Б.1. Предложения с обобщенным потенциально активным субъектом. Значение тендентивной возможности имеет также обобщенное употребление глагольной формы 2-го лица единственного числа, когда ею заменяется 1-ое лицо единственного числа. А.А. Шахматов отмечает, что "такая замена обычна в предложениях, выражающих повторяемое действие" и "в предложениях, означающих возможность или необходимость наступления действия"; в таком случае "говорящий повествует о настолько обычных и повторяемых явлениях, что не исключает возможности того, что их переживали и другие" /2, с. 73/. Например: Есть много слов, которые произносишь по привычке, не думая о том, что скрыто за ним (М.Горький); - Целовать такую - удовольствие, с ума сойдешь от зависти к себе!... А ведь целует кто-то ... (Г.Глазов) и т.д.

В приведенных примерах употребление формы НСВ характеризует действие как обобщенное и узуальное. На взгляд Г.И. Пановой /3/, здесь действие понимается, с одной стороны, как типичное, узуальное для субъекта-говорящего, а с другой стороны, как типичное для всякого, кто был бы или мог бы быть на его месте.

При употреблении формы СВ передается значение потенциальной повторяемости действия.

Соотнесенность указанных конструкций с модальным значе-

нием тендентивной возможности проверяется допускаемостью трансформаций с предикативом "можно" в сочетании с зависимым инфинитивом. Ср.: произносишь по привычке → можно произносить по привычке (т.е. есть, имеется такая тенденция и есть такая реальная возможность); с ума сойдешь от зависти → с ума можно сойти от зависти (т.е. есть, имеется такая тенденция и есть, имеется такая реальная возможность) и т.д. Подобные трансформации указывают на связь между значениями тендентивной и реальной возможности — она определяется активностью 1-го лица, именуемого в предложении метафорически с помощью 2-го лица единственного числа.

Б.2. Предложения с неопределенным пассивным субъектом. Модальность этого типа предложений обусловлена лексическим значением глагола-сказуемого, употребляемого в неопределенно-личной конструкции. Указанная конструкция используется в значении тендентивной возможности редко. Семантическим субъектом является лицо неопределенное, в предложении не выраженное. Например: Весна ... . Нестерпимо тянет в поле слушать жаворонка (М. Горький), т.е. меня, тебя, любого из нас; Здесь к вам стараются быть внимательными, т.е. любой из присутствующих и т.д.

Б.3. Предложения с неопределенно-обобщенным пассивным субъектом. В модальном значении тендентивной возможности целесообразно выделить этот тип предложений отдельно. В них семантический субъект является лицом неопределенно-обобщенным — "неизвестно кто и все". Ведь обобщенность является лишь частным случаем неопределенности.

В таком значении лицо употребляется в основном в страдательных формах глаголов НСВ, обозначающих способность действия постоянно повторяться. Время осуществления действия соотносится с расширенным настоящим. Таких примеров много в языке газетной информации, официально-деловых бумаг, научно-популярных и научных текстов. Их употребление связано с коммуникативной целенаправленностью говорящего информировать читателя (собеседника) о наличии в действительности определенной обязательно детерминированной тенденции, близкой к действительности. В этом проявляется связь между значениями реальной и тендентивной возможности. Например: Действительно, изобретений в современном мире делается много, во всех странах ежегодно выдается около 700 тысяч патентов ("Наука и жизнь"); Мировой океан с каждым годом все больше загрязняется отходами хозяйственной деятельности человека ("Наука и жизнь") и т.д.

Для приведенных примеров характерно использование темпоральных показателей постоянной повторяемости (типа "с каждым годом", "ежегодно") или показателей степени, меры проявления постоянно возможного действия ("все больше").

В ряде случаев в конструкциях с неопределенно-обобщенным лицом значение тендентивной возможности осложняется оттенком "принятости". Наличие этого оттенка проверяется допускаемостью трансформаций с безличной формой краткого страдательного причастия "принято" в сочетании с инфинитивом НСВ. В таком случае названная форма функционирует в качестве модального предикатива. Например: Многие суда ремонтируются (обычно принято ремонтировать) в плавучих доках ("Наука и жизнь"); Эти вопросы все чаще ставятся (принято ставить) в печати многих стран мира, и, наверное, еще чаще в разговорах между людьми ("Комс. правда") и т.д. Значение повторяемости и обобщенности подчеркивается выбором формы множественного числа глагола НСВ.

Обращает на себя внимание, что значение "принятости" связывает между собой конструкции со страдательной формой глагола-сказуемого и некоторые неопределенно-личные конструкции. В обоих случаях семантический субъект в предложении не выражен; допускаются модальные трансформации; в функции глагола-сказуемого выбирается форма НСВ. На этой основе можно считать данные конструкции модальными синонимами. Ср.: В таких случаях обвиняют (принято, можно, могут обвинить) семью, родителей ... ("Правда") и В таких случаях обвиняется (принято, можно, могут обвинять семью) семья и т.д. Возможность подобных трансформаций указывает на функциональную близость конструкций с неопределенно-обобщенным субъектом с пассивно-качественными конструкциями типа "Нитки рвутся" и абсолютно-потенциальными типа "Крапива жжется", которые также допускают аналогичные модальные трансформации. Функциональная близость названных конструкций базируется на использовании НСВ то в неограниченно-кратном, то в потенциально-качественном, то в узуальном значении.

Неопределенно-обобщенный пассивный субъект употребляется также в предложениях со страдательной формой глагола НСВ или же с безличной формой краткого страдательного причастия СВ с лексическим значением направленности и устремленности. При этом для говорящего важно сосредоточить внимание воспринимающего информацию на самом процессе; такие действия постоянно возможны - НСВ употребляется в постоянно-непрерывном

значении. В предложениях имеются лексические показатели постоянной повторяемости действия типа "чаще всего", "во всем", "нынче". Например: Нынче отмечается уклон в сторону ухудшения материального состояния рабочих и мелкого крестьянства ("Правда"); Намечены пути дальнейшего подъема эффективности труда ... ("Известия") и т.д. В качестве синонимов приведены конструкции употребляются предложения с инфинитивом на "-ся" в сочетании с личной формой глагола "мочь": отмечается уклон → может отмечаться уклон. Если в функции сказуемого используется краткая форма страдательного причастия СВ, то действие понимается как ограниченное в своем проявлении определенным пределом, после достижения которого оно считается осуществленным. Поэтому в качестве синонимичной конструкции употребляется часто аналитическая форма пассивного инфинитива СВ при личной форме глагола "мочь": взят курс → может быть взят курс, т.е. могут взять курс; намечены пути → могут быть намечены пути, т.е. могут наметить пути.

Модальное значение тендентивной возможности может передаваться также инфинитивными конструкциями. Семантический субъект в них всегда пассивен, только в одном случае он выражен (наличие дательного конкретного или обобщенного пассивного субъекта), а в другом — не выражен (неопределенно-обобщенный пассивный субъект). Чаще всего указанные конструкции изучаются под модальными значениями необходимости и долженствования. В настоящей статье показывается, что инфинитивные предложения с дательным субъекта или дополнения могут быть соотнесены при наличии частного значения неизбежности также с модальным значением возможности/невозможности. При этом значение неизбежности является объединяющим звеном между указанными выше модальностями.

В конструкции с дательным субъекта типа "Нам всем пропадать" субъект является пассивным участником действия. Он неизбежно подвергается воздействию со стороны кого-, чего-либо — иногда из-за "принятости", обычности действия, иногда из-за обязательности, нормативности действия. Модальным синонимом данной инфинитивной конструкции являются личные предложения с обязательными лексическими показателями неизбежности действия (типа "неизбежно", "неминуемо", "обязательно"). Ср.: Нам всем пропадать: Мы все обязательно (неизбежно, непременно, неминуемо) пропадем и т.д.

В Академической грамматике 1954 года отмечается, что ин-

финитивные предложения с дательным субъекта допускают модификации с частицей "бы", выражая значение склонности, предрасположенности, а на взгляд Л. Вильске, также значение определенной тенденции, присущей поведению субъекта /4, с. 171/. Иногда при этом передается отрицательное отношение говорящего к описываемой способности субъекта. В таком случае в предложении имеются модальные частицы "только" и "все": Ему бы только спорить!

В модальном значении тендентивной возможности близкими к инфинитивным предложениям с дательным субъекта являются конструкции с именным предикатом и обобщенным субъектом, которые выражают значение всеобщей закономерности проявления действия. Например: Ленивому всегда праздник; Дуракам везде счастье; Трутням праздник и по будням и т.д. В таких конструкциях сочетаются образно лексическое значение опорного компонента предиката и значение всеобщей закономерности сообщаемого. В результате возникает логическое противопоставление, отмеченное С.Н. Цейтлин /5/: праздник не может быть всегда, счастье не бывает везде. Этот факт указывает на тесную связь между значениями возможности и невозможности.

В конструкции с дательным дополнения типа "Быть беде" обозначается объективно детерминированная тенденция, которая обязательно осуществится в ближайшем будущем. Внимание говорящего обращено на значение неизбежности реализации действия в будущем. Например: Голова у меня что-то разболелась ... Должно, — к непогоде ... Быть оттепели! (А. Чехов); Что войне быть, в этом Степан теперь не сомневался (В. Шукшин); Эх, уступлю уж конька, Тому и быть, сынок (А. Твардовский); Традициям новым быть! ("Известия"); Хорошеть нашему городу ("Известия") и т.д.

В качестве неполного синонима инфинитивной конструкции с дательным дополнения используется личная конструкция с формой будущего СВ со значением начала (наступления) действия. Ср.: Быть дождю: Пойдет дождь; Быть беде: Будет беда и т.д. Личными конструкциями передается значение реальной возможности, близкой к действительности.

Таким образом, использование инфинитивных конструкций с дательным субъекта и с дательным дополнения в модальном значении тендентивной возможности указывает на близость этой модальности со значением реальной возможности.

Результаты анализа приведенных выше двух групп инфинитивных предложений позволяют сделать следующие замечания:

а) инфинитивные конструкции с дательным субъекта и с дательным дополнения нет основания определять в качестве безличных, как иногда допускается (напр., в труде б) – всякое действие предполагает всегда деятеля (см. Г.А. Золотова /7, с. 105/): в случае дательного субъекта – лица конкретного или обобщенного, а в случае дательного дополнения – лица неопределенно-обобщенного;

б) в инфинитивной конструкции с дательным субъекта возможно употребление инфинитива обоих видов: Нам всем пропадать-пропасть. При использовании инфинитива СВ действие мыслится неизбежным в силу его обязательности. В конструкции с инфинитивом НСВ момент обязательности не акцентируется. Это обусловлено лексико-грамматическим значением предельности глаголов СВ. Сочетаясь с видовым значением неделимой целостности действия, форма СВ в функции независимого инфинитива приобретает дополнительный оттенок значения непременности, обязательности осуществления действия. В качестве синонимичных рассматриваются соответствующие конструкции.

В инфинитивной конструкции с дательным дополнения выбор вида независимого инфинитива ограничен формой НСВ ("быть", "хорошеть" и др.). В связи с этим в указанных конструкциях оттенок обязательности действия не акцентируется. Это обуславливает собой способность конструкции выражать волянтативное значение;

в) независимый инфинитив способен обозначать действие абстрактное, не соотнесенное с каким-либо отрезком времени, не относящееся к лицу, числу и наклонению. Это создает благоприятные условия для выражения ими модального значения неизбежности, связывающего между собой, с одной стороны, сферы реальной и тендентивной возможности, невозможности и действительности; а с другой стороны, сферы возможности/невозможности и долженствования, обязательности;

г) вопрос модальности инфинитивных конструкций с дательным субъекта или дополнения решается исследователями по-разному. Иногда на их основе связываются или же разграничиваются между собой (С.И. Небыкова, В.М. Никитевич) значения возможности/невозможности и необходимости /В; 9/; иногда (А.М. Пешковский, Н.Д. Шведова) – возможности и желательности /Ю; II/; иногда (К.А. Тимощев) – возможности и долженствования /12/. В.М. Никитевич /9/ полагает, что в инфинитивных предложениях с дательным субъекта выражение значения неизбежности связано с лексическим значением глагола в функции неза-

висимого инфинитива, в то время как в инфинитивных конструкциях с дательным дополнением значение неизбежности передается, на взгляд Г.А. Золотовой /7/ и К.А. Тимофеева /12/, конструктивно-синтаксически и интонацией. Значение неизбежности подчеркивается, если дательный дополнения употребляется после инфинитива.

Чтобы убедиться в том, что является основным фактором, обуславливающим значение неизбежности, обратимся к имеющемуся опыту анализа инфинитивных предложений в модальном аспекте. Так, С.И. Небыкова /8/ связывает их употребление с выражением значений неизбежности и необходимости. Исследователь полагает, что дифференциация этих модальных значений обусловлена коммуникативной целенаправленностью высказывания и временными отношениями в предложении. Например, если говорящий не желает спрашивать (побуждать), то в инфинитивной конструкции частица "бы" невозможна, а сами инфинитивные предложения распределяются между значениями возможности и необходимости. При этом определяющим фактором являются не столько закономерности выбора вида инфинитива в зависимости от передаваемого модального значения, установленные А.А.Бойко /13/, и даже не способность инфинитива сочетаться с утвердительностью или отрицательностью, сколько временные отношения. В целом выражение модального значения возможности связывается с формой настоящего неактуального, а выражение модального значения необходимости — с будущим временем /8/. В таком случае между значениями неизбежности и необходимости ставится знак равенства. Однако с этим нельзя согласиться, потому что отождествление неизбежности и необходимости некорректно с точки зрения категориальных связей между возможностью (неизбежностью) и необходимостью.

Мы полагаем, что более убедительны попытки соотносить значение неизбежности со значением долженствования. Ведь общим значением инфинитивных предложений, по наблюдениям В.В. Виноградова /14/, является обозначать будущие действия или действия, которые должны быть осуществлены в будущем. Проведенные К.А. Тимофеевым /12/ исследования инфинитивных конструкций с дательным дополнением показывают, что в ряде случаев наравне со значением неизбежности, предопределенности ее передавалось и значение обязательства, приказа, высшей степени которых является долженствование. Это позволяет нам представить связь между возможностью и долженствованием в виде следующей шкалы взаимопереходов: постоянная возможность

—→ неизбежность —→ обязательство —→ долженствование.

Вопрос заключается лишь в том, какая комбинация конструктивно-синтаксических и лексико-грамматических средств дифференцирует приведенный ряд значений. Как уже было указано, при этом недостаточно опираться на семантические различия. Однако установленные морфологические критерии (вид независимого инфинитива, сочетаемость с утвердительностью/отрицательностью, временная локализованность/нелокализованность действия, соотношенность/несоотношенность действия с конкретным лицом) не всегда достаточны и абсолютны, чтобы разграничивать значения возможности и долженствования. Видимо, не последнюю роль при раскрытии модальной многозначности инфинитивных конструкций будет играть а) неопределенно-обобщенная функция семантического субъекта в предложении с дательным дополнением и б) пассивность дательного субъекта, его способность подвергаться воздействию со стороны кого-, чего-либо. Представляется, что такая характеристика субъекта сочетается с признаком отвлеченности, свойственным именно значению возможности/невозможности. Исходя из этого, в статье предлагается в качестве основного критерия разграничения значений возможности/невозможности и долженствования инфинитивных предложений применять характеристику семантического субъекта действия.

Итак, анализ средств выражения значения тендентивной возможности оказывается важным в связи с отграничением возможности/невозможности от других типов модальности, потому что наиболее последовательно и четко передает специфический признак возможности/невозможности — отвлеченность. Это проявляется совокупно а) в потенциальной активности и пассивности семантического субъекта; б) в обобщенном характере действия, развивающегося на основе постоянно-непрерывной или неограниченно-кратной повторяемости действия; в) в абстрактности временной соотношенности действия — настоящего постоянно-го до настоящего неактуального и "всетемпоральности".

В употреблении семантического субъекта наблюдались следующие особенности.

1. При наличии в предложении потенциально активного конкретного или обобщенного субъекта значение тендентивной возможности передается лексически — в функции сказуемого наблюдались глаголы со значением устремленности, направленности, предопределенности и неизбежности. В роли выраженного потен-

циально активного субъекта употребляются отвлеченные существительные и местоимения со значением обобщенного лица; часто используются субстантивированные прилагательные. Приведенные факты говорят об абстрактности, отвлеченности категориального содержания указанных единиц языка.

2. При невыраженности семантического субъекта наблюдается связь между семантической характеристикой субъекта и грамматической отнесенностью формы глагола-сказуемого (см. таблица I). Так, коррелятивными являются а) значение неопределенности пассивного субъекта и 3-е лицо множественного числа глагола-сказуемого; б) неопределенно-обобщенное значение пассивного субъекта и 3-е лицо единственного и множественного числа; в) обобщенное значение потенциально активного субъекта и 2-е лицо единственного числа.

Члены приведенных корреляций отражают различные степени отвлеченности: либо на основе неизвестности - 3-е лицо и множественное число противопоставляются по признаку конкретности/абстрактности 1-му и 2-му лицам и единственному числу; либо на основе обобщенности - 3-е лицо противопоставляется 1-му и 2-му лицам; либо на основе образности - 2-е лицо абстрагируется от конкретного лица и обозначает целый класс подобных лиц или же употребляется метафорически вместо 1-го лица. Таким образом, выражение модальной отвлеченности исходит из значения самой грамматической формы, а семантика субъекта отражает систему противопоставленности грамматических форм по лицу и числу.

3. В значении тендентивной возможности наблюдается коррелятивная связь также между степенью конкретности/абстрактности субъекта и выбором типа синтаксической конструкции (см. таблица I). Так, выраженный потенциально активный конкретный или обобщенный субъект употребляется в личном двусоставном предложении и выражается именительным падежом. Если же субъект использован в форме винительного или дательного падежа, то можно говорить о его неполной конкретности, об определенной степени его абстрактности и обобщенности. При таком субъекте в предикате может употребляться безличная форма глагола или краткая форма страдательного причастия. Наибольшую степень обобщенности имеет дательный пассивного субъекта инфинитивных предложений.

Невыраженный обобщенный потенциально активный субъект наблюдается регулярно в обобщенно-личных конструкциях; неопределенно-обобщенный пассивный субъект - в конструкциях с

пассивно-страдательной формой глагола-сказуемого в функции предиката, в конструкциях с безличной формой краткого страдательного причастия, в инфинитивных конструкциях с дательным дополнением; неопределенный пассивный субъект - в неопределенно-личных конструкциях.

В соответствии с увеличением степени абстрактности и неопределенности пассивного субъекта увеличивается и способность конструкций передавать модальное значение неизбежности, обязательности осуществления действия, наивысшей в инфинитивных предложениях с дательным дополнением.

Литература

1. Мазон А. Употребление видов русского глагола: (Отрывки) // Вопросы глагольного вида. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - С. 93-104.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - Л.: Учпедгиз, 1951. - 620 с.
3. Панова Г.И. О содержательных типах повторяемости действия в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. - Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1980. - С. 41-52.
4. Sprachkommunikation und Sprachsystem: Linguistische Grundlagen für die Fremdsprachmethodik/Hrg. von L.Wilde. - Leipzig: Enzyklopädie, 1983. - 255 S.
5. Цейтлин С.Н. О выражении конкретности-абстрактности в русском языке // Функциональный анализ грамматических категорий. - Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1973. - С. 32-46.
6. Современный русский язык, ч. II / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 638 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 368 с.
8. Небыкова С.И. Связь модальности инфинитивных предложений с развитием видо-временной системы русского языка // Вопросы синтаксиса русского языка. - Ростов-на-Дону: Рост. н/Д гос. пед. ин-т, 1971. - С. 66-72.
9. Никитевич В.М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1953. - 16 с.

10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
11. Шведова Н.Д. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. - М.: Наука, 1967. - С. 3-77.
12. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М.: Учпедгиз, 1950. - С. 257-301.
13. Бойко А.А. О модальных функциях вида в современном русском языке: (На материале инфинитивных сочетаний). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1953. - 18 с.
14. Грамматика русского языка. - Т. II, ч. 2.: Синтаксис. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 444 с.

ОБ АРТИКЛЕВЫХ ФУНКЦИЯХ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Казавчинская

Исследователи, изучавшие материал старославянских текстов, при анализе употребления кратких и полных форм прилагательных пришли к выводу о наличии в старославянском языке категории определенности/неопределенности, выражаемой формами прилагательных (Толстой, 1957; Бородич, 1963).

Эта категория в современных славянских языках сохранилась не везде: наиболее четко она выражена в сербско-хорватском и словенском языках, в которых показатель определенности *-i* (*-l*), как и в старославянском языке, присоединяется к краткой форме прилагательного. Ср. в сербско-хорватском языке: нов *ǎ* - нов*i*; нов*a* - нов*a**i*; нов*o* - нов*o**i*.

Для этих языков характерно то, что они, сохранив значение определенности у членов (полных) и неопределенности у нечленных (кратких) форм прилагательных, сохранили и разделение синтаксических функций этих форм: если в роли атрибута прилагательные могут выступить как в полной, так и в краткой форме, то в роли предиката прилагательные употребляются в краткой форме, и только те прилагательные, которые не могут образовывать краткой формы, употребляются в обоих случаях в полной форме.

Обычно считается, что в русском языке категория определенности/неопределенности исчезла, не успев возникнуть, из-за того, что не было четкого противопоставления определенного члена неопределенному: отсутствие показателя *-i* (*i*) в прилагательном могло обозначать не только неопределенность, но и нейтрализацию по определенности/неопределенности. Именно двоякая функция краткого прилагательного (неопределенность и нейтральность) ослабила систему выражения определенности и неопределенности в древнерусском языке (II; 218).

Однако не все исследователи столь категоричны в своих выводах относительно судьбы категории определенности/неопределенности, выражаемой формами прилагательных, — так, А.П. Юдакин считает, что "дифференциация прилагательных на полные

и краткие как в германских, так и в балто-славянских языках — такое же следствие глобального процесса определенности/неопределенности в языке, как и категориальная оппозиция артиклей в романских языках" (Ю; 93).

Аналогичные суждения были высказаны Д.Н. Шмелевым: "Функция полного прилагательного как непредикативного определения при существительном как будто накладывает на него и при его предикативном употреблении отпечаток "определенности", который отсутствует в сочетании с краткой формой (всегда предикативной), когда она относится к такому существительному, "определенность" которого не задана контекстом" (9; 122).

Учитывая наблюдения над сербско-хорватским языком, можно полагать, что древняя славянская категория определенности/неопределенности претерпела (претерпевает?) изменения: краткие формы прилагательных в сербско-хорватском языке все реже встречаются в разговорной речи и у современных писателей, хотя противопоставленность двух форм прилагательных по-прежнему ощущается носителями языка (см. Сборник за филологию и лингвистику, 1957; Стевановић, 1964).

При этом изменения касаются не только сферы употребления кратких и полных форм прилагательных, но и типов их лексической закреплённости. Так, часть прилагательных выражают в краткой форме такие лексические значения, которые не могут быть выражены полной формой. Ср., например: *плох* в значении "слабый, бессильный, в тяжелом состоянии" (он был очень плох, и по всему было видно, что теперь уже умрет скоро); *цел* в значении "сохранившийся, не пропавший, не исчезнувший" (... чемодан, с остальными вещами... остался цел); *грешен* в значении "виноват" (Я грешен. Стихам я больше был бы рад). Ср. также прилагательные, выражающие в краткой форме "дефектность" признака: *мал*, *широк*, *велик*, *узок*, *короток*, *длинен* (Пальто широко в плечах) и др.

В связи с вышеизложенным встает вопрос: не отражается ли в современном русском языке старое категориальное различие между определенностью и неопределенностью, связанное с полными и краткими формами прилагательных. Нам представляется, что на этот вопрос можно ответить положительно.

Для доказательства этого положения перечислим те ситуации, в которых обычно в старославянском языке и "артиклевых" языках выявляются значения определенности/неопределенности.

предмета (используются наблюдения В.В. Вородич над материалами старославянского языка (I; I73),

1. Употребление показателя определенности (= полная форма прилагательного в старославянском языке и определенный артикль в английском языке):

а) указание на предмет, о котором говорится (в артиклевых языках этот тип ситуации предполагает наличие предмета в поле зрения собеседников):

ср.: Приими молитву и поклонение раба твоего сего и мене грешнааго творящааго повеление твое, глядящааго прьстомь очи его.

What are you beating the boy for?

б) вышеупомянутость, т.е. при повторном упоминании предмет определяется членной формой прилагательного или определенным артиклем:

ср.: Оубог же неки пришьдь въ монастырь... Оумилосръдивъ же ся правдь же иже инога нич'соже имы дасть кляся оубогау оумоу.

A young man was in love with a girl. One day the girl said to him ...

в) родовая характеристика предмета:

ср.: И тогда въсплачуть ся вся колена земьская.

The cow is a sacred animal in India.

г) понятие, единственное в своем роде:

ср.: Любо ли поклони ся сльньцоу свьятштоуоумоу ся по вьсеи вьселенеи.

There is no life on the sun.

д) подразумеваемая известность:

ср.: Инога съсуда чьстьный отче не имамъ разве съребрьнааго блюда иже е посъдала госпожда великая съ коуцию.

We've forgotten the children.

е) часть, известная по целому (названия частей тела, предметы, находящиеся в описываемом или известном помещении):

ср.: нь мсръдяная десницу простерь приими ѿ не заблудьшааго Еже.

I asked for the book in the central library yesterday but the librarian said they hadn't received it yet.

2. Употребление показателя неопределенности (= краткая форма прилагательного в старославянском языке и неопределенный артикль в "артиклевых" языках):

а) понятие о предмете представляется в значении общей идеи:

ср.: И иду въ поусто место кораблемь.

A bad workman blames his tools.

Rome wasn't built in a day.

б) предмет неизвестен, неопределен:

ср.: ... приде человек некто незнаемь.

I didn't know a word of it.

в) введение нового (способ номинации):

ср.: члвкъ же единь бе богатъ.

There was once a king, and he had a queen.

г) неопределенное множество (причисление предмета к подклассу):

ср.: И приступиша къ нему народи мнози имущи съ собою хромы, немы, и слепы и бесны и ины многы.

It was a dark night.

Указанные функции предполагают в основном атрибутивное употребление прилагательных, но, поскольку в современном русском языке краткие формы атрибутивно не употребляются (за исключением всем известных сочетаний типа "сыр-бор"), то можно предположить, что названные ситуации соотнесены в нем с предикативной функцией прилагательных.

Бесспорным является общеизвестное положение о том, что предикат может представлять новое, неизвестное, поэтому вполне закономерно употребление краткой формы там, где предикат находится в позиции ремы: т.е. исходное, или первоначальное значение краткого прилагательного в предикате — номинативное, когда новое качество приписывалось известному предмету. Поэтому в старославянском языке очень долго краткая форма прилагательного была единственно возможной в предикате.

В современном русском языке, на наш взгляд, краткая форма сохранила функцию неопределенности в тех случаях, когда она в позиции ремы относится к неактуализированному, неконкретному предмету как единице класса. Ср. Тиха украинская ночь. Истина всегда конкретна. Человек смертен.

Когда же речь идет о конкретном предмете, то в позиции ремы может употребляться полная форма, что соответствует определенному артиклю. Ср. Город всегда был другой, но очень красивый (Р. Погодин).

В качестве неконкретизированного предмета, влияющего на выбор краткой формы, могут выступать не только существитель-

ные, но и местоимения с широким по объему значением. Таковы местоимения то, это, что, вот что, все, одно, другое; а также прилагательные и порядковые числительные с прономинальной семантикой: остальное, последнее, первое, второе.

Как известно, перечисленные слова употребляются в современном русском языке только с краткой формой прилагательного. Ср. Это интересно. Все понятно. Что хорошо, то хорошо. Остальное известно.

В данных случаях краткая форма не соотносит субъект с определенным предметом, и субъект представлен наиболее общим деиксисом. Эта функция соответствует общеназывной функции неопределенного артикля в "артиклевых" языках.

Другую функцию выполняют краткие формы прилагательных в роли предиката при наличии определяющих слов у субъекта (такой, какой, всякий, каждый, подобный, аналогичный), типа: Такой вопрос закономерен. Подобные явления очень сложны.

В данном случае перед нами классифицирующая функция краткой формы прилагательного, которую выполняет в "артиклевых" языках неопределенный артикль: все предметы причисляются к классу подобных. Интересно отметить, что если местоимения такой, какой относятся к прилагательному, то прилагательное выступает в полной форме, поскольку такой и какой в данном случае являются усилительными показателями определенности качества, выраженного прилагательным. Ср. Она такая красивая! Какая ты злая! и возможное (ситуативно обусловленное) употребление: Такая она - красива. Такая девушка - зла, - где такая - показатель подобия и предикат причисляет конкретный объект к классу подобных объектов.

Кроме того, "универсальный статус подлежащего" (6; 106) требует краткой формы, что соответствует классифицирующей функции неопределенного артикля: ср. Вселенная бесконечна. Материя первична. "Референтный же статус подлежащего" требует полной формы прилагательного, что соответствует функции выделения понятия, единственного в своем роде, определенного артикля: Солнце яркое. Небо синее. Возможные окказиональные употребления краткой формы в последних высказываниях можно объяснить установкой говорящего на оценку (известно, что в современном болгарском языке, если предмет как-то оценивается, то эта оценка, выраженная именами существительными, бывает без определенного члена). Такая же закономерность прослеживалась и в старославянском языке (I; 179).

Способ номинации (введения нового) путем употребления

показателя неопределенности лучше всего проявляется в контексте. Так, уже было замечено, что "предмет выступает всегда в краткой форме, если он находится в препозиции к субъекту, имеющему как несогласованное, так и согласованное определение, причем, согласованное определение может быть выражено как одиночным прилагательным, так и несколькими прилагательными" (3; 25).

Ср. Интересны стихи, написанные молодым поэтом. Невысока гора Митридат, всего около 90 метров (абсолютное начало текста).

Альтернативная ситуация для показателя определенности (вышеупмянутости), естественно, требует полной формы: ср. "Совсем другой характер был у Вальки Кукушкина. В отличие от спокойно-доброжелательного Бори Григорьева, которого многие звали Борюшкой, Валя Кукушкин был именно Валька. Порывистый, отважный, суетливый, вспыльчивый, великодушный. Некрасивый, но на редкость обаятельный. Его вечно лихорадило, вечно куда-то заносило..." (А. Крон).

"-Кто командир полка? - Совсем новый, майор Попов. - Ну, как? - Ничего, пожалуй, даже хороший. Лучше Бабченко. - Тоже храбрый? - Тоже храбрый. Да к тому же и спокойный, и не угрюмый, веселый, подстать генералу". (К. Симонов). Ср. также: Ваня мальчик застенчивый. Родители мои - люди простые и добрые, где выделенные существительные выполняют роль указателя на предшествующий предмет.

В связи с этими функциями кратких и полных прилагательных хотелось бы отметить, что поскольку определенность/неопределенность - это лексико-синтаксическая категория, то лексическое значение зачастую сильнее синтаксической функции: так, прилагательные, имеющие оценочный смысл (разделение прилагательных на оценочные и дискриптивные см. у Е.М. Вольф (2; 29-31)), могут употребляться и в ситуации вышеупмянутости в краткой, а не в полной форме:

ср. "В одной из комнаток одной из палатийских канцелярий трудился над рукописью мужчина лет тридцати-пяти-сорока. Постоянный советник полководца Велизария и неизменный его спутник Прокопий, человек образованный и умный, что важно, и хитрый, что еще важнее для существующих в тени Власти, был сух и крепок телом. Углы его рта подчеркивала складка, свойственная тем, кто годами умел вежливо или, лучше, искалечно, улыбаться речам вышестоящих. Он был слегка сутуловат, не помогали гимнастика и усилия массажистов. Прокопий

слишком много времени проводил за работой. Женат он не был и не знал забот о семье." (В.Иванов).

Можно предположить, что, поскольку краткие формы прилагательных в русском языке выполняли функцию не только неопределенного члена, но и нейтрализации по определенности/неопределенности, когда они имели оценочную функцию, то основная "номинативная" функция кратких форм прилагательных в современном русском языке ослаблена и проявляется только в рематической позиции. Оценочная семантика прилагательных предполагает их употребление в краткой форме в позиции предиката, что соответствует нейтрализации по определенности/неопределенности.

Аналогично обстоит дело с ситуацией вышеупомянутости (показателем "чистой определенности"): лексическое значение предиката позволяет варьировать форму прилагательного.

Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод: в современном русском языке в ряде случаев сохранились функции кратких и полных прилагательных как показателей значения неопределенности/определенности. Однако эти функции "подавляются" другой, "очень влиятельной" функцией - оценочной, о которой пойдет речь в нашей следующей работе.

Литература

1. Бородич В.В. О категории определенности/неопределенности в старославянском языке. // Славянская филология, вып. У / Под ред. С.Б. Бернштейна, Н.М. Шанского и Е.З. Цыбенко. - МГУ, 1963. - С. 162-202.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 232 с.
3. Всеволодова М.В., Спиридонова Л.Ф. Употребление полных и кратких прилагательных. - МГУ: 1968. - 64 с.
4. Ермакова О.П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке. // Синтаксис и норма. - М.: Наука, 1974. - С. 220-234.
5. Сборник за филологию и лингвистику. - Београд: 1957.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). - М.: Наука, 1985. - 271 с.

7. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. - Београд: Научно дело, 1964. - С. 232-256.
8. Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. - М.: 1957. - С. 43-122.
9. Шмелев Д.М. Синтаксическая членимость высказываний в современном русском языке. - М.: Наука, 1976. - С.150.
- Ю. Кдакин А.П. Определенные и неопределенные прилагательные (типологический очерк) // Вопросы языкознания, № 6, 1979. - С. 86-96.
- II. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. - М.: Учпедгиз, 1953. - С. 209-219.

ЗНАЧЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ - НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК
ПРИЗНАК ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

Е. И. Костанди

В целом прагматика является наименее изученной областью существования языкового знака. Особенно это касается изучения целого текста, "макротекста, объекта первостепенной важности, однако не только малоизученного, но и такого, к которому недостаточно определенлся и научный подход" /1/. В настоящее время вопросы прагматики все чаще привлекают внимание исследователей, по словам Т.М. Николаевой, "поворот уже очевиден. Это - данные анализа тех смысловых различий, которые стоят за выбором той или иной, равно допускаемой языком и стилем формы" /2/.

Исходным и наиболее распространенным является определение прагматики, данное Ч.У. Моррисом, рассматривавшим прагматику как отношение между языковыми знаками и теми, кто их использует /3/. Данное определение представляется довольно широким, включающим различные аспекты проблемы, выделяемые другими авторами (ср. Р.Монтегю, Г.Клаус, Л.А. Киселева, Р.Сталнакер, Ч.Филлмор, Н.Д. Арутюнова и др), /4/, однако, как отмечает Д.С. Степанов, существует некоторый центр, связывающий воедино все эти аспекты: "Связующим звеном явился центр субъективности языка - категория субъекта. Категория субъекта - центральная категория современной прагматики" /5/. Такой подход конкретизирует основное определение прагматики - отношение между языковыми знаками и их носителями, т.к. проявиться это отношение может лишь с появлением авторского "я", с появлением категории субъективности.

В последнее время ряд исследователей справедливо утверждает, что эта категория присуща любому стилю, любому жанру, но проявление ее может коренным образом отличаться в разных стилях, жанрах, текстах в зависимости от коммуникативной ситуации. Разным может быть и подход к этой категории. Так, Н.Корженский пишет: "Под понятием прагматического компонента

следует понимать отношения, возникающие в системе значений вследствие того, что человек сам относится к формулам семантического компонента (семантической базы) как говорящий и адресат" /6/. Такой подход включает в прагматический компонент прежде всего средства для обозначения лица говорящего, лица адресата, предмета (я, ты, он), временные и пространственные операторы, участвующие в оформлении конкретного коммуникативного акта.

Однако подход этот может быть значительно расширен. Так, например, выражение говорящим своего "я" не ограничивается только названием себя посредством личного местоимения, но включает и передачу своего отношения к сообщаемому, своего социального статуса, своей цели и т.п. Таким образом, центром прагматики, действительно, оказывается категория субъекта, но субъекта, понимаемого широко. Такой подход к решению вопросов прагматики представляется наиболее целесообразным, т.к. позволяет рассматривать язык в действии, с учетом коммуникативной интенции, что отвечает основным положениям современной, коммуникативно ориентированной лингвистики. Он расширяет понятие субъекта, понимая под субъектом не только "физическое" лицо, но и лицо "духовное" со своими целями, оценками, настроениями и т.п.

Необходимо подчеркнуть еще одно, требующее обязательного учета при рассмотрении вопросов прагматики, положение. Под прагматическими отношениями следует понимать не только отношения между языковыми знаками и их носителями, просвляющиеся в категории субъективности, но отношения, которые направлены на обеспечение удачной коммуникации. В этой связи Ч.У. Моррис пишет: "Понимать язык - значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать собственные состояния так, как это делают другие, - короче говоря, понимать язык или правильно его использовать - значит следовать правилам его употребления (синтаксическим, семантическим и прагматическим), принятым в данной социальной общности людей" /7/.

Особое внимание нормам именно коммуникативного порядка уделяет и ряд других авторов. Так, Г.Г. Почепцов отмечает: "Высказывания подчиняются не только структурно-языковым нор-

мам. Центральными становятся нормы коммуникативного порядка" /8/. Несколько иной аспект проблемы отвечает А.А. Леонтьев, говоря, что "функции высказывания и целого текста связаны не просто с речевой деятельностью того или иного конкретного говорящего в той или иной конкретной ситуации, а с внутренней организацией процесса общения, понимаемого как одна из сторон социального взаимодействия людей" /9/. При этом подчеркивается, что в основе этого взаимодействия лежит достижение определенной цели: "Всякая деятельность мотивирована и целенаправлена. Применительно к речевой деятельности это означает, что есть какая-то неречевая задача, для выполнения которой и осуществляется речевая деятельность и которая решается языковыми средствами. Высказывание или текст (...) есть процесс решения такой задачи и лишь вторично - продукт или результат такого решения" /10/.

Таким образом, на первый план выдвигаются два основополагающих момента. Во-первых, всякая деятельность осуществляется в связи с решением определенной задачи, достижением определенной цели, во-вторых, речевая деятельность - вид человеческой деятельности, имеющий свои отличительные признаки - это всегда взаимодействие адресата и адресанта, это деятельность, которая изначально диалогична. По словам Э.Бенвениста, "как только он /говорящий - Е.К./ оказывается говорящим и прибегает к языку, он немедленно противопоставляет себе другое лицо, какой бы ни была степень присутствия, приписываемая им этому лицу. Всякий акт высказывания является, эксплицитно или имплицитно, обращением к кому-либо, он постулирует наличие собеседника" /11/.

Эти два аспекта тесно взаимосвязаны, предполагают друг друга и, как представляется, являются основополагающими при рассмотрении вопросов прагматики, т.к. именно они в первую очередь определяют способы, средства выражения категории субъективности, прагматической направленности. Таким образом необходимым становится рассмотрение текста с точки зрения решения его посредством определенной задачи; начальная диалогичность текста уточняет процесс решения: это всегда взаимодействие, решение задачи, достижение определенной цели происходит в диалоге.

Газета как средство массовой информации и пропаганды выполняет две основные функции: передача информации и воздействие на ее получателя. Вторую функцию можно определить как прагматическую, как передачу авторского "я", авторского от-

ношения к языку как к средству достижения определенной внеязыковой цели. Условия функционирования газетного языка — массовость участников коммуникации, разнородность аудитории, регулярность, повторяемость, традиция — предопределяют основные закономерности реализации в его рамках прагматической направленности.

Ориентация на язык аудитории в случае массовой коммуникации может быть только самой общей и она служит основой газетного языка. Второй этап создания языка газеты — становление своих особых норм и правил, своей системы. Последний этап — усвоение этой системы аудиторией, появление общего языка, обеспечивающего правильное восприятие информации и эффективное воздействие, т.е. удачную коммуникацию. В этом смысле газета стремится в определенной мере приблизить акт массовой коммуникации к индивидуальной, обеспечить однозначность восприятия, что в языке пропаганды приобретает особую значимость.

Прагматическая функция газетного языка реализуется прежде всего в двух аспектах. Во-первых, перед автором стоит задача обеспечить по возможности наиболее эффективное экономное восприятие текста, что достигается прежде всего определенным композиционно-синтаксическим членением текста. Во-вторых, газета — орган определенного социального института, знание отношения которого к определенным событиям является для адресата чрезвычайно важным. Это отношение проявляется в категории оценочности, как отмечает Г.Я. Солганик, "социальная оценочность языковых средств выступает как главная особенность газетно-публицистического стиля, выделяющая его среди других функциональных стилей и проявляющаяся на всех уровнях его языка, особенно в лексике" /12/.

Специфические особенности газетного языка проявляются в наиболее систематизированном виде в жанре хроникальной информации, который в определенном смысле можно рассматривать как ядро газетного языка, как отражение его функциональной сущности. Первый аспект прагматической направленности хроники — строение текста с точки зрения отбора и способа передачи информации, служащее основой воздействия — довольно полно проанализирован в работах П.В. Хазова /13/. Второй же аспект изучен в значительно меньшей степени, исследователями отмечался лишь факт наличия в газетном языке целого разряда слов, в других коммуникативных условиях нейтральных, в газете же выполняющих функцию передачи строго закреплённой за

ними оценки (положительной или отрицательной). Однако, как показали наблюдения над материалом, в газетном языке существует целая система средств выражения прагматической направленности, которые не только оценивают описываемые события, но и определённым образом моделируют их.

Существуют некоторые общие семантические признаки, релевантные для дифференциации языковых средств в газете с точки зрения положительной и отрицательной маркированности. Одним из основных таких признаков является определенность – неопределенность субъекта и его характеристик. Данный признак выступает как инвариантный по отношению к признакам индивидуализированность – неиндивидуализированность, конкретность – обобщенность и т.п. Для негативно отмеченной информации в целом характерен признак некоторой неопределенности, неконкретности номинации лица и его признаков, действий, что имеет большое значение для общего представления, моделирования отрицательно оцениваемого субъекта и его характеристик. Этот общий признак находит свое выражение, в частности, в расслоении негативнооценочной лексики. Среди слов и словосочетаний, нейтральных в других функциональных стилях, в газетном же языке выполняющих функцию оценки, можно выделить ряд групп, способствующих формированию общего признака неопределенности, неконкретности, присущего негативно отмеченной информации. В этом аспекте значимы следующие факторы:

1. Прежде всего выделяется группа неопределенных местоимений, регулярно употребляемых в негативно маркированных контекстах: некто, кое-кто, кое-где, некий, некоторые и т.п. Все они при назывании ими субъекта действия или его признаков являются маркированными отрицательно, ср.: "Один из них, некий Фьоре, обвиняемый в совершении вооруженных ограблений и налетов на помещения демократических организаций в Италии, числится гидом обосновавшейся в доме малоизвестной туристской фирмы "Харитедж турз". /Пр. 04.09.83./; "Видимо, кое-кто решил показать, что в Западной Германии за хозяйственные преступления в кутузку сажают не только мелкую рыбешку, но и крупных китов." /Неделя. 21-27.05.79./; "Некоторые органы печати на Западе в последнее время усиливают пропагандистскую кампанию против Югославии, распространяют тенденциозную информацию о положении в стране, говорится в сообщении агентства ТАНОГ". /Изв. 17.05.84./.

2. Способ номинации лица, отрицательно оцениваемого, без использования оценочной лексики также часто сопровождается

некоторым признаком неопределенности, что проявляется, в частности, в неполном наименовании государственного или политического деятеля, особенно при первом наименовании в тексте: "Администрация Р. Рейгана ставит себе в заслугу, что ей удалось сблизить слова и дела, вследствие чего Соединенные Штаты сейчас больше похожи сами на себя и соответственно более трезво воспринимаются другими." /Изв. 09.09.84./; Было объявлено, что по личному приглашению М. Тэтчер в Англию приезжает глава правительства Дико-Африканской республики Бота. /Пр. 09.05.84./ "Мондейл бросает "вызов". " /Красн.зв. 29.08.84./.

В то же время при положительной маркированности, как правило, а при первом появлении имени в тексте всегда, дается полное официальное наименование, ср.: "Администрация Рейгана проводит в отношении революционной Никарагуа политику государственного терроризма, заявил член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, координатор Руководящего совета правительства национального возрождения республики Даниэль Ортега." /Пр. 09.05.84./.

При отрицательной направленности непосредственно из данного текста часто не вытекает, о ком идет речь, необходим более широкий контекст, дотекстовые знания, при положительной направленности таких употреблений не встречается.

3. Аналогично этому со знаком "минус" употребляются и названия столицы или каких-либо государственных учреждений (Пентагон, Белый дом и т.п.) в значении "правительство", "администрация": "Роль главного адвоката Вашингтона взял на себя Бонн." /Пр. 04.09.84./.

Такие употребления выступают как метонимические: место нахождения (столица) идентифицирует лицо (правительство). Первоначальная семантика слова отступает, на первый план выходит вторичное значение, обусловленное субъективными, оценочными характеристиками, в чем и проявляется некоторый оттенок неопределенности.

4. Отдельную группу составляют модальные слова и частицы со значением неуверенности, сомнения, неопределенности: видимо, кажется, де, дескать, якобы, будто бы. Участвуя в передаче реального статуса содержания сообщения, они придают всему тексту общий оттенок ирреальности, неопределенности.

Косвенно можно связать с признаком неопределенности следующие группы слов и словосочетаний:

5. Негативнооценочная лексика с некоторым признаком не-

определенности, который она получает в результате стертости семантики, это — "группа относительных прилагательных конкретной семантики, подвергавшихся в газетно-публицистическом стиле процессу окачествления и приобретающих широкое общенноценочное значение, стертую семантику" /14/. Е.Н. Сергеева /15/ определяет такие прилагательные как интензивы: дремучий, зоологический, матерый, патологический и др.

6. К негативнооценочной лексике относится и такой разряд слов, в который входят, как отмечает Г.Я. Солганик, "названия доисторических (ископаемых), мифологических животных и чудовищ /.../. Основная мотивировка подобной специализации заключается в анахроничности, атавистичности или нереальности обозначаемых этими словами реалий /.../". /16/. Это слова типа: мастодонт, динозавр, иктиозавр. Они также утратили полностью или частично свое первоначальное значение и превратились в указание на негативную оценку.

7. Ряд слов можно объединить в одну группу только условно. Семантика такого рода слов не является стертой, но в самой семантике, в самом характере действий, признаков заключен элемент неконкретности, неорганизованности и т. п. Это такие слова, как: избегать, уклоняться, попытки, смятение, лихорадка, эквилибристика, непоследовательность. В то же время для позитивнооценочных слов такие признаки значений не характерны, ср.: требовать, подчеркивать, решимость, воля, непоколебимость, последовательность, верность.

Таким образом, на уровне лексики задается не только основная оценка, но и различия в представлении, моделировании положительного и отрицательного. Позитивно оцениваемый субъект и его действия конкретны, определены, признаком негативно оцениваемого субъекта в его инвариантном значении является меньшая конкретность, определенность, последовательность. Необходимо подчеркнуть, что это именно инвариантное значение, присущее не каждому отдельному тексту, а газетному языку в целом, наиболее системно проявляющееся в жанре хроникальной информации.

Эта особенность газетного языка прослеживается и на других языковых уровнях. Существует ряд дополнительных средств выражения прагматической направленности, которые можно назвать грамматическими. Грамматические средства можно определить как узуальные, в отличие от облигаторных лексических, а их действие — не как строгое правило, а как тенденцию, однако достаточно устойчивую. Отметим лишь основные из этих средств.

Как уже отмечалось выше, неполностью названный субъект оценивается как негативный. Аналогично негативно оценивается и субъект неназванный, что находит свое отражение в регулярном употреблении в отрицательно маркированных контекстах односоставных, в особенности неопределенно-личных, и реже - неполных предложений с выраженным предикатом и невыраженным субъектом: "В Пекине решили, что Вьетнам, решительно отстаивающий свою независимость, суверенную политику, подает "дурной пример" другим государствам /.../" (Красн.зв. 30.09.79.); "Скандал скрыть не удалось. О нем доложили премьер-министру." /Пр. 25.09.79./.

Особенно значимо употребление таких предложений в заголовке, что при отрицательной (-) маркированности встречается довольно часто, при положительной (+) крайне редко (так, из 1000 текстов (-) в 148, из 1000 текстов (+) в 4): "Не срабатывали", "Наращивают военную мощь", "Пожинают плоды авантюризма", "Готовят новую агрессию", "Чинят преграды", "Не унижаются", "Обстреляли войска ООН".

Такого рода заголовки могут использоваться как единственное средство выражения оценки в тексте:

"Продают оружие.

Как сообщил Международный институт по исследованию проблем мира в Стокгольме, Франция продала в 1983 году оружия другим странам на 32 млрд. франков." (Красн. зв. 30.06.84.).

Еще один тип предложений, используемый в газетном языке как средство выражения прагматической направленности - вопросительные предложения. Факт постановки вопросов отмечает информацию, то, по отношению к чему ставится вопрос, как явление негативное. Так, в 1000 проанализированных с этой точки зрения текстов всех газетных жанров (за исключением интервью, бесед и т.п., где вопрос обязателен в силу специфики жанра) встретилось 354 вопросительных предложения, 296 из которых относились к негативной информации, при этом основную часть текстов (824) составили тексты позитивной направленности, т.к. они в целом преобладают в газете, т.е. на 824 текста (+) пришлось 58 вопросительных предложений, на 176 текстов (-) - 296. В хроникальной же информации наличие вопроса в положительно маркированном контексте - случай крайне редкий, при отрицательной направленности здесь вопросительные предложения встречаются довольно часто (в 1000 (-) текстов 284).

Регулярно встречаются вопросительные предложения и в за-

головках негативно отмеченных текстов, что особенно важно, так как заголовок – именно тот компонент в структуре газетного текста, который позволяет определить функциональную сущность того или иного средства: "Просто ли судебный фарс?", "В чьих это интересах?", "Разве это спортивный праздник?", "Почему на двадцать больше?".

Газетный текст в силу своей функциональной сущности направлен на передачу информации, а не на ее получение, что и обуславливает специфику использования вопросительных предложений, которые не являются здесь собственно вопросительными, а выполняют иные функции – в первую очередь оценочную.

Косвенно характер употребления вопросительных предложений можно также связать с признаком определенности – неопределенности: что является менее определенным, ясным, в большей степени предполагает постановку вопроса.

Определенным образом можно соотнести с этим же признаком и такие особенности, как некоторое преобладание несовершенного вида и сослагательного наклонения в негативно маркированных текстах, ряд особенностей актуального членения, особенности строения текста, однако действие этих средств является менее явно выраженным, при анализе они требуют учета большего числа факторов и специального рассмотрения. В силу этого в данной статье ограничимся изложенным выше. Рассмотренные средства выражения прагматической направленности дают возможность определить такую направленность как основу моделирования описываемых событий. В газетном языке прагматическая направленность эксплицируется прежде всего через оценочность, для выражения которой используются особые, специфически газетные языковые средства, служащие одновременно и для дополнительной характеристики событий. Одной из основных характеристик при этом является определенность – неопределенность.

Литература

1. Москальская О.И. Текст – два понимания и два подхода. // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1984. – С. – 159.

2. Николаева Т.М. "Слово о полку Игореве". Лингвотекстологический диалог: русские - половцы. // Уч. зап. Тартуского го. ун-та. Выр. 64I. Труды по знаковым системам ХУП. - Тарту, 1984. - С. 69.
3. Моррис Ч.У. Основная теория знаков. // Семиотика. / Общ. ред. Д.С. Степанова. - М.: Радуга, 1983.
4. См. общий обзор в: Почепцов Г.Г. (мл.) Коммуникативно-прагматические аспекты семантики. // Филологические науки. - 1984. - № 4.
5. Степанов Д.С. В мире семиотики. // Семиотика. / Общ.ред. Д.С. Степанова. - М.: Радуга 1983. - С. 29.
6. Корженский Я. Прагматический компонент и вопросы теории текста. // Синтаксис текста. / Отв. ред. Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1979. - С. 70.
7. Моррис Ч.У. Указ. соч., с. 68
8. Почепцов Г.Г. Указ. соч., с. 30.
9. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. // Синтаксис текста. / Отв. ред. Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1979. - С. 34.
10. Там же, с. 26.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - С. 313.
12. Солганик Г.Я. Лексика газеты. - М.: Высшая школа, 1981. - С. 8.
13. Хазов П.В. Газетная хроника: тема и построение текста. // Русская речь. - 1984. - № 5; Лексико-смысловые единства в строении текста (на материале газетной хроники): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. - М., 1984.
14. Солганик Г.Я. Указ. соч., с. 55.
15. Сергеева Е.Н. Образование усилительных элементов на основе качественных прилагательных и наречий. // Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. - М.: Наука, 1970.
16. Солганик Г.Я. Указ. соч., с. 53.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ И ФИНСКОМ СИНТАКСИСЕ

Х.Томмола

0. ВВЕДЕНИЕ

Раньше в лингвистике преобладало мнение, по которому существуют, с одной стороны, генетически между собой родственные языки, которые в некоторых отношениях напоминают друг друга, с другой же стороны, неродственные языки рассматривались как *a priori* не имеющие ничего общего. В настоящее время мы знаем, что и между генетически неродственными языками может иметь место совпадение как в лексическом плане, так и в плане грамматических структур. Принципиально сходство между языками может найти объяснение тремя путями. Во-первых (1), данные языки восходят к одному и тому же праязыку, т.е. они являются генетически родственными. Во-вторых (2), сходные явления могут быть чисто случайными. В-третьих (3), сходство между языками может иметь свои корни в длительном сосуществовании и в контактах одного народа с другим: взаимные связи людей – носителей разных языков нередко отражаются и в данных языках, или в одном из них (Veenker 1967:1).

Рассматривая общее в финском и русском языках, мы можем сразу исключить первые два альтернативных объяснения. Финский и русский относятся к разным группам языков: финский восходит к финно-угорскому, а дальше к уральскому праязыку, тогда как русский относится к индоевропейским языкам. Случайными совпадающие явления в финском и русском также вряд ли можно считать из-за многочисленности данных случаев, тем более что географическая близость и историческая общность представляются достаточно очевидным источником заимствования и взаимного влияния финского и русского языков.

Изучив ок. 30 более или менее центральных грамматических явлений в финском и русском и сравнив их с германскими языками, в частности, с шведским, можем отметить, что приблизительно половину данных явлений составляют случаи, в которых

финский и русский пользуются одинаковой или похожей стратегией, отличаясь от шведского. Среди остальных исследованных критериев было несколько случаев совпадения финского с шведским в отличие от русского, а также и некоторые случаи, в которых индоевропейские языки – русский и шведский – принципиально отличаются от финского. К первым явлениям относятся, например, одинаковая система грамматических времен и препозиция генитивного атрибута в финском и шведском языках, тогда как к последним можно отнести такие типично индоевропейские черты, как грамматический род существительных, предложные конструкции и агентивный пассив. Кроме того, разумеется, есть и случаи, в которых все исследованные три языка отличаются друг от друга или же все "ведут себя" одинаково. Примером последней ситуации может служить препозитивное положение приименного прилагательного. Ниже мы рассмотрим основные случаи сходства финского и русского языков.

I. ПОРЯДОК СЛОВ

Так как именное склонение (падежные флексии) достаточно развито не только в финском, но – несколько в меньшей мере – и в русском языке, порядок слов (порядок значимых элементов, или порядок конститuentов предложения) в данных языках относительно свободно выполняет другие, неграмматические, функции. В частности, нет необходимости обозначать грамматическое подлежащее, в первую очередь, порядком слов. Поэтому взаимное расположение главных конститuentов предложения определяется, в основном, принципиально одинаковыми соображениями в финском и русском языках. А частично эти принципы коренным образом отличаются от принципов, свойственных германским и романским языкам.

I. I. Утвердительные повествовательные предложения

В утвердительных повествовательных предложениях в обоих языках наблюдается два основных типа порядка слов, а именно SVX (подлежащее-предикатный глагол – дополнение, предикатив или обстоятельство) и AVX (обстоятельство – предикатный глагол – подлежащее или предикативное дополнение). Первый тип, который является типичным также, например, для германских языков, обнаруживается в интранзитивных (1), транзитивных (2) и предикативных (3) предложениях с нормальной интонацией (т.е. без контрастного либо другого экспрессивного

выделения одного из членов предложения):

(1) Я иду домой.

Minä menen kotiin.

(2) Он читает книгу.

Hän lukee kirjaa.

(3) Москва - столица СССР.

Moskova on SNTL:n pääkaupunki.

Второй тип порядка слов (AVX) интереснее, так как он встречается как в так называемых экзистенциальных предложениях (4), так и в посессивной конструкции (5):

(4) В Финляндии растут березы

Suomessa kasvaa koivuja.

(5) У меня есть деньги.

Minulla on rahaa.

Для германских языков типичны в первом случае (4) какого-либо рода "конструкция презентации" или "формальный" субъект (ср. швед. *Det växer björkar i Finland* тогда как во втором случае (5) употребляется специальный посессивный глагол (глагол обладания) (шведск. *Jag har pengar*).

"Инверсный" порядок слов (AVX) употребляется в финском и русском языках также в так называемых предложениях состояния (6-7):

(6) Там было холодно.

Siellä oli kylmä.

(7) Мне хочется есть.

Minun on nälkä.

В германских языках и здесь употребляется или формальный субъект (шведск. *Det var kallt där*), или посессивный глагол (нем. *Ich habe Hunger*), если не прибегают к предикативной конструкции (нем. *Ich bin hungrig*). В финском и русском языках предложение состояния может не содержать подлежащего, а состоять из одного лишь глагола (Темнеет. - *Nämärtää.* Дует. - *Tuulee.*).

1.2. Отрицательные и вопросительные предложения

Если предикатный глагол включается в сферу отрицания, показатель отрицания находится в русском и финском языках до глагола (не знаю - *en tiedä*), в шведском и немецком, например, после глагола (шведск. *Jag vet inte*, нем. *Ich weiss nicht*).

Русское общее вопросительное предложение (без вопросительного слова) отличается как от шведского, так и от фин-

ского тем, что порядок слов может быть тождественным с порядком слов повествовательного предложения, поскольку вопросительная фразовая интонация указывает на вопросительную функцию предложения. Зато в косвенном вопросе обнаруживается опять типологическое сходство между финским и русским языками: в обоих языках ставится вопросительная частица после первого слова придаточного предложения, т.е. после выделяемого вопросом слова (Не знаю, п р и д е т л и он - En tiedä, tuleeko hän). В германских языках союз, указывающий на вопросительность, начинает придаточное предложение (шведск. Jag vet inte, om han kommer, нем. Ich weiss nicht, ob er kommt АНГЛ. I don't know, whether he is coming, ср. также франц. Je ne sais pas s'il viendra).

Можно далее отметить, что в финском и русском языках косвенный вопрос в принципе не отличается от прямого, тогда как прямой вопрос в германских языках непосредственно связан именно с инверсией, которая, в свою очередь, в придаточном предложении исключается.

В этой связи можно также констатировать, что как в финском, так и в русском языке исконным способом ответа на общий вопрос ("да/нет-вопрос") является повторение фокусированного слова:

- (8) а) Ты был на рыбалке? - Был.
Olitko kalassa? - Olin.
 б) Ты был на рыбалке? - (На) рыбалке.
Kalassako olit? - Kalassa.

2. БЕССУБЪЕКТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

а) Грамматическое подлежащее может быть пропущено, если финитная форма глагола однозначно указывает субъект, иначе говоря, в финском языке всегда при первом и втором лице. То же самое в принципе возможно и в русском языке, только с ограничением на формы настоящего (будущего) времени, так как прошедшее время является по происхождению формой причастия, лишенного личного спряжения.

б) Уже отмечены бессубъектные предложения со значением состояния в качестве примеров отсутствия формального подлежащего германского типа (Темнеет. - Nämärtää.)

в) Третий случай здесь - так называемый финский пассив. Это форма глагола с временным спряжением, которая ингерентно включает неспецифичный субъект и точно соответствует фор-

ме третьего лица множественного числа русского глагола в неопределенно-личном употреблении (Что там делают? - Mitä siellä tehtään?) В немецком и шведском языках функциональным эквивалентом является поверхностный субъект man. Его можно было бы называть "одушевленным (или человеческим) формальным субъектом".

3. ФУНКЦИИ ФИНСКОГО ПАРТИТИВА И РУССКОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Приведем ряд примеров тех многочисленных случаев, в которых финский партитивный падеж и русский родительный выполняют одинаковую функцию.

3.1. Партитив и родительный в качестве падежа субъекта

В финских экзистенциальных предложениях партитив воспринимается как нормальный (немаркированный) падеж субъекта, если его денотат делимый, т.е. если слово в позиции субъекта является несчитаемым (существительным вещественным или абстрактным), или если оно во множественном числе. В русском языке нормальный падеж в утвердительном предложении именительный, тогда как в отрицательном экзистенциальном предложении употребляется родительный падеж (Нет денег. - Ei ole rahaa.). В отрицательных предложениях как в русском языке родительный, так и в финском языке партитивный падеж употребляются вне зависимости от считаемости/несчитаемости или единственности/множественности субъекта (9-10):

(9) Здесь нет телефона?

Eikö täällä ole puhelinta ?

(10) Ответа не пришло.

Vastausta ei tullut.

В утвердительных предложениях родительный падеж в позиции субъекта в русском языке довольно редкий. Часто приводится пример типа (II):

(II) Собралось народу!

Onpa kerääntynyt väkeä.

В русских утвердительных предложениях употребление родительного падежа связано с эмфатическим выделением количества. В финском языке партитив субъекта не требует такой экспрессивности.

3.2. Партитив и родительный в качестве падежа объекта

Для финского партитива и русского родительного падежа в позиции прямого дополнения можно выделить целый ряд общих семантических оттенков:

а) В русском языке так называемый родительный партитивный встречается с глаголами совершенного вида, функционируя как финский партитив (Она купила молока . - Nän osti maitoa.).

б) В отрицательных предложениях русский родительный падеж употребляется весьма часто как с глаголами совершенного, так и несовершенного вида, но он не является обязательным, как финский партитив в соответствующей функции.

в) Многие русские глаголы, финские соответствия которых допускают объект только в партитиве, но не в accusative (ряд так называемых иррезультативных глаголов), управляют родительным падежом (бояться собаки - pelätä koiraa).

г) В разговорной речи "временный результат" действия нередко маркируется в русском языке родительным, а в финском партитивным падежом (Дай-ка карандаша! - Annapa kynän!).

д) До определенной степени выбор accusative или партитивного объекта в финском языке у глаголов, сочетающихся с обоими падежами, обусловлен теми же семантическими признаками, которые в русском языке определяют употребление видов. Иногда русский несовершенный вид при этом выступает с объектом в родительном падеже (искать места - etsiä paikkaa, но отыскать или найти место - etsiä или löytää paikka).

3.3. Прочие случаи соответствия родительного падежа партитиву

Можно привести еще некоторые отдельные случаи соответствующего функционирования русского родительного и финского партитивного падежа:

а) После числительных существительное в финском языке стоит в партитиве единственного числа, в русском же языке в родительном падеже единственного или множественного числа (три кошки - kolme kissaa. восемь поездов - kahdeksan junaa).

б) В конструкции сравнения "стандарт" сравнения можно в

финском языке выразить партитивом, в русском языке родительным падежом (Он на два года старше меня - Hän on minua kaksi vuotta vanhempi). В обоих языках возможна и аналитическая конструкция (старше, чем я - vanhempi kuin minä).

Приведенный выше перечень случаев совпадения можно было бы, пожалуй, еще продолжить, но здесь достаточно и этих примеров.

4. ДРУГИЕ СЛУЧАИ

Наконец, приведем некоторые примеры единичных отдельных наблюдений:

а) Русский падеж творительный во многих конструкциях функционально соответствует либо финскому эссивному (I2), либо транслативному (I3) падежу:

(I2) Он работал здесь токарем.

Hän oli täällä töissä sorvarina.

(I3) Он сделался каким-то совсем другим.

Hän muuttui ihan toisenlaiseksi.

По сути дела, эти примеры скорее свидетельствуют о различии языков, чем о сходстве, поскольку в (I2) в финском языке выступает эссив, а в (I3) транслатив, тогда как в русском языке эти функции не дифференцируются. Однако следует отметить, что в обоих языках вообще употребляется в качестве восполняющего сказуемое члена, указывающего на субъект, имя, которое стоит не в падеже субъекта. Когда такой восполняющий член выступает в транзитивном предложении и указывает на объект (I4-I5), ситуация в основном такая же, но в русском языке творительный падеж здесь можно заменить винительным, т.е. падежом объекта.

(I4) Он уложил дрова сухими.

Hän pinosi puut kuivina.

(I5) Он вырастил сына патриотом.

Hän kasvatti pojan patriootiksi.

б) Конструкция с элативным падежом, называемая в финской грамматике "результативной конструкцией", имеет в русском языке точное соответствие (I6). Русский предлог из соответствует семантически финскому внутреннеместному падежу удаления (элативу).

(I6) Из него выйдет превосходный инженер.

Hänestä tulee erinomainen insinööri.

в) Русское и финское взаимные местоимения фактически идентичны: друг друга - toinen toistaan/toisensa, друг другу - toinen toiselleen и т.д. Единственное различие заключается в том, что ко второму компоненту финского местоимения присоединяется притяжательный суффикс. Любопытно, что в финском и русском языках взаимное местоимение образуется путем повторения одного и того же местоимения/числительного (финск. toinen 'другой, второй'), тогда как, в частности, в германских языках употребляется два разных местоимения (англ. each other, шведск. varandra, нем. einander). Дополнительной общей чертой является склонение второго компонента местоимения.

г) Для выражения определенности и неопределенности русский и финский языки прибегают, видимо, к сходным средствам. В разговорной речи русские один и этот, финские üks(i) и se, соответственно, очевидно функционируют как артикли в германских и ряде других языков. Порядок слов, несомненно, играет немаловажную роль при выражении определенности/неопределенности в обоих языках, ср. предложения (I7) и (I8) со шведскими переводами. В финском и русском языках, вынесение субъекта из конечной позиции в неконечную делают его определенным.

(I7) На берегу реки остановился автомобиль.

Joen rannalle pysähtyi auto.

(Шведск.) Det stannade en bil vid flodstranden.

(I8) На берегу реки автомобиль остановился.

Joen rannalla auto pysähtyi.

(Шведск.) Vid flodstranden stannade bilen.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Останавливаясь на вышеизложенных вопросах синтаксической структуры финского и русского языков, я хотел показать, что в этих языках можно найти следы, которые свидетельствуют о весьма интенсивном взаимном воздействии, о длительных связях между русскими и финно-угорскими племенами. Многие ученые обращались к вопросу о финно-угорском субстрате в русском языке. 60 лет тому назад немец Эрнст Леви выдвинул данную гипотезу, а немного позже Юлиус Покорный уже считал ее доказанным фактом (Lewy 1913, 1928, 1931; Pokorný 1927, 1937). Покорный рассматривал сходные явления в остальных славянских языках не как аргументы, опровергающие теорию о финно-угор-

ском субстрате в русском, а как свидетельство о финно-угорском влиянии уже в праславянском языке (Pokorny 1936:72). В этого рода исследованиях скрываются опасности порочного круга, поскольку, в частности, об уральском праязыке в нашем распоряжении имеются практически лишь некоторые предположения, не конкретные факты (Veenker 1967:7; ср. также Moór 1963:164).

Изучая общие стратегии в русском и финском языках, мы необязательно должны определить свои позиции к проблеме их возникновения. Тем не менее, вопрос о происхождении сходных фактов сам собой напрашивается, а результаты сопоставительного изучения дают материалы для разного рода исследований, в том числе и для сравнительно-исторических.

Литература.

- Lewy Ernst (1913), "Zur Frage der Sprachmischung". In: Lewy 1961: 1 - 9.
- Lewy Ernst (1928), "Possessivisch und Passivisch. Bemerkungen zum Verbalansdruck in der sprachlichen Typenlehre". In: Lewy 1961: 27-41.
- Lewy Ernst (1931), "Die Heimatfrage". In: Lewy 1961:200-213.
- Lewy Ernst (1961), Kleine Schriften. Berlin.
- Moór Elemér (1963), A nyelvtudomány mint az őss- és néptörténet forrástudománya. Budapest.
- Pokorny Julius (1927), "Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen". In: Zeitschrift für celtische Philologie und Volksforschung 16 (1927), 95-114, 231-266, 363-394; 17(1928), 373-388; 18(1930), 233-248. Tübingen
- Veenker Wolfgang (1967), Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache. Uralic and Altaic Series, Volume 82. Indiana University Publications. Bloomington.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПАССИВА В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

А. Пихлак

Категория залога – это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к подлежащему. Глагольные формы действительного залога употребляются, когда они характеризуют подлежащее как субъект действия, т.е. как предмет, производящий действие (глагольный признак представлен как исходящий от его носителя – Почтальон разносит письма). Глагольные формы страдательного залога употребляются, когда они характеризуют подлежащее как объект действия, т.е. как предмет, подвергающийся действию, испытывающий действие другого предмета (глагольный признак представлен как направленный на его носитель – Письма разносятся почтальоном). Тем самым одно и то же соотношение между субъектом, действием и объектом представлено в активной и пассивной конструкциях по-разному: со стороны субъекта, осуществляющего действие, или со стороны объекта, подвергающегося действию или испытывающего действие. В действительном обороте в центре внимания обычно находится субъект, в страдательном обороте на первый план выдвигается действие и его объект, а субъект может не называться. Таким образом, страдательные обороты как бы дают возможность обозначения действия в отвлечении от субъекта. Хотя по контексту часто бывает несложно установить, кто же является производителем действия, одно упоминание субъекта придает действию оттенок самопроизвольности (Пока все оканчивалось одним обдумыванием).

Показателями пассива в русском языке являются: (1) постфикс -ся у всех форм несовершенного вида, кроме причастия на -мый; (2) суффикс -м- у причастия на -мый; (3) суффиксы -нн- (-н-) и -т- у причастия совершенного вида в полной и краткой форме. У глаголов несовершенного вида выражение страдательного залога формой краткого страдательного причастия прошедшего времени (писан, читан, зван) встречается редко (Он был упреждаем/ненавидим). Аналитические формы пассива состоят из вспомогательного глагола быть, выражающего значение инфинитивности, деепричастности, наклонения, лица и времени и фор-

мы краткого причастия, выражающего значение залога и вида и передающего лексическое значение.

Показателями пассива в эстонском языке являются: (1) суффикс -t- у причастия на -tud и пассивного инфинитива (выражающего "безлично-пассивное действие" (Пяльль 1955, 48); (2) возвратные суффиксы -i-, -u- (единичные случаи, например Andmed ei seletu aelle teooriaga 'Данные не объясняются этой теорией', ср. англ. The data cannot be accounted for by the theory. Аналитические формы пассива (также, как на русском) состоят из вспомогательного глагола olema 'быть', выражающего значение инфинитивности, деепричастности, наклонения, лица и времени и формы причастия на -t-, выражающего значение залога и передающего лексическое значение.

Залоговая парадигма в русском языке включает следующие соотносительные формы (Буланин 1986, 3-4) (для сравнения приводятся переводы на эстонский язык):

I. Личные формы (актив - пассив)

- 1) доставляет 'toimetab kohale'
- доставляется 'toimetatakse kohale'
- 2) доставлял 'toimetas kohale'
- доставлялся 'toimetati kohale'
- 3) будет доставлять 'toimetab kohale'
- будет доставляться 'toimetatakse kohale'
- 4) доставлял бы 'toimetaks kohale'
- доставлялся бы 'toimetataks kohale'
- 5) доставил 'toimetas kohale'
- был доставлен 'oli kohale toimetatud'
- 6) доставил 'toimetas kohale'
- доставлен 'on kohale toimetatud'
- 7) доставит 'toimetab kohale'
- будет доставлен 'saab kohale toimetatud', 'toimetatakse kohale'
- 8) доставил бы 'toimetaks kohale'
- был бы доставлен 'oleks kohale toimetatud'

II. Неличные формы (актив - пассив)

(а) Инфинитивы

- (1) доставлять 'kohale toimetama'
- доставляться 'toimetatama kohale'
- (2) доставить 'kohale toimetama'
- быть доставленным 'olla kohale toimetatud'
- (3) доставить 'kohale toimetama'
- быть доставлен (в конструкциях типа может(должен) быть,

доставлен) ' olla kohale toimetatud'

(б) причастия

- 1) доставляющий ' kohale toimetav'
- доставляемый ' kohale toimetatav'
- 2) доставляющий ' kohale toimetav'
- доставляющийся ' kohale toimetatav'
- 3) доставлявший ' kohale toimetanud'
- доставлявшийся ' kohale toimetatud'
- 4) доставивший ' kohale toimetanud'
- доставленный ' kohale toimetatud'

(в) деепричастия

- 1) доставив ' kohale toimetanud'
- будучи доставлен ' olles kohale toimetatud'

Залоговая парадигма эстонского языка включает следующие соотносительные залоговые формы:

I. Личные формы (актив - пассив)

- 1) loen 'читаю' (наст. изъяв.)
- on loetud 'прочитан'
- 2) lugemin 'читал' (прош. изъяв.)
- oli loetud 'был прочитан'
- 3) olen lugenud 'прочел' (перф. изъяв.)
- on olnud loetud 'был прочитан'
- 4) olin lugenud 'прочел' (плюскв. изъяв.)
- oli olnud loetud 'был прочитан'
- 5) loeks 'читал бы' (наст. усл.)
- oleks loetud 'был бы прочитан'
- 6) oleks lugenud 'читал бы' (перф. усл.)
- oleks olnud loetud 'был бы прочитан'
- 7) lugevat (диал. lugeda/lugema 'якобы читает' (наст. косв.)
- olevat (диал. olla/olema) loetud 'якобы прочитан'
- 8) olevat (диал. olla/olema) lugenud 'якобы читал' (перф. косв.)
- olevat olnud loetud 'якобы прочитан'
- 9) lugegu 'пусть читает' (наст. повел.)
- olgu loetud 'чтобы был прочитан'
- 10) olgu lugenud 'пусть будет читавшим' (перф. повел.)
- olgu olnud loetud 'пусть будет прочитано' (теор. воз-можно)

II. Неопределенно-личные формы*

- 1) (teda) tulistatakse '(его) стреляют' (наст. изъяв.)
- ollakse tulistatud (vaenlase poolt) 'являются стреля-
ным' (врагом)
- 2) (teda) tulistati '(его) стреляли' (прош. изъяв.)
- oldi tulistatud 'были стреляным' (врагом)
- 3) (teda) on tulistatud '(его) стреляли' (перф. изъяв.)
- on oldud tulistatud 'являются тем, по ком стреляли'
(возможно теоретически, встречается редко)
- 4) (teda) oli tulistatud '(его) стреляли' (плюскв. изъяв.)
- oli oldud tulistatud 'являлись тем, по ком стреляли'
(возможно теоретически, встречается редко)
- 5) (kui teda) tulistataks 'если бы (его) стреляли' (наст.
усл.)
- oldaks tulistatud 'являлись бы тем, по ком стреляли'
- 6) (kui teda) oleks tulistatud 'если бы его стреляли' (перф.
усл.)
- oleks oldud tulistatud 'являлись бы тем, по ком стре-
ляли' (возможно теоретически, встречается редко)
- 7) (teda) tulistatavat (диал. tulistat ema '(его) якобы
стреляют' (наст. косв.)
- oldavat (диал. oldama) tulistatud 'являются тем, по
ком якобы стреляли'
- 8) (teda) olevat (диал. olla/olema) tulistatud '(его) яко-
бы стреляли' (перф. косв.)
- olevat oldud tulistatud 'являются тем, по ком якобы
стреляли' (теоретически возможно, встречается редко)

III. Неличные формы

(а) инфинитивы

- 1) lugeda/lugema 'читать'
- loetama 'читаться'
- 2) lugeda/lugema 'читать'
- olema/olla loetud 'быть прочитанным'

(б) причастия

- 1) lugenud букв. 'читавши'
- loetud 'прочитано'

---

* Пассивные формы образуются лишь от форм переходных глаголов, действие которых направлено на одушевленный предмет, преимущественно на лицо; пассивные формы имеют общее значение 'состояние лица, подвергавшегося действию'. Поэтому глаголы типа читать неопределенно-личных пассивных форм не образуют.

(в) деепричастия

1) olles armastanud 'полюбив' (перф.)

- ollee armastatud 'будучи любимым' (кем-то когда-то)

С глаголами воздействия возможна пассивная конструкция *saama* 'получить' + инфинитив переходного глагола на *-da*: *Ma sain direktori poolt/käest karistada* 'Я был наказан директором' (букв. 'Я получил наказать со стороны директора'). В литературе отмечается близость этой конструкции с пассивной конструкцией (Erelt 1984, 33), хотя она не называется пассивом. Инфинитив на *-da* выступает эквивалентом пассивного причастия *-tud*, а *saama* эквивалентом *olema* (ср. *Ma olen direktori poolt karistatud* 'Я наказан директором'). Например: *Ta sai vennalt petta* 'Он был обманут братом', *Grupp sai vaenlaselt lüüa* 'Группа была поражена врагом', *Vend sai vennalt põpeldada* 'Брат был поколочен братом', *Laps sai emalt tõrel- da* 'Ребенок был отруган матерью', Формальный личный пассив от *saama+da* не образуется, ср. *Ma olen sundinud tunnistaja vaikima* 'Я заставил свидетеля молчать' (актив) - *Tunnista- taja on olnud sunnitud vaikima* 'Свидетель заставлен молчать' (пассив); *Ma olen saanud tõrel- da* 'Я отруган' - * *Ma olen olnud saanud tõrel- da*.

Залоговая парадигма *saama+da* следующая:

I. Личные формы

1) saab tõrel- da 'получит нагоняй' (наст. изъяв.)

2) sai tõrel- da 'получил нагоняй' (прош. изъяв.)

3) on saanud tõrel- da 'получил нагоняй' (перф. изъяв.)

4) oli saanud tõrel- da 'получил нагоняй' (плюскв. изъяв.)

5) saaks tõrel- da 'получил бы нагоняй' (наст. усл.)

6) oleks saanud tõrel- da 'получил бы нагоняй' (перф. усл.)

7) saavat (диал. *saada/saama*) tõrel- da 'якобы получит нагоняй' (наст. косв.)

8) olevat (диал. *olla/olema*) saanud tõrel- da 'якобы получил нагоняй' (перф. косв.)

9) saadagu tõrel- da 'пусть получит нагоняй' (наст. повел.)

II. Неличные формы

1) *saada/saama* tõrel- da 'получить нагоняй' (инф.)

2) *saanud* tõrel- da 'букв. получивши нагоняй' (акт. причастие)

3) *tõrel- da saanuna* 'букв. получивши нагоняй' (акт. прич. эс- сив)

4) *saades* tõrel- da 'получая нагоняй' (деепр.)

5) *olles saanud* tõrel- da 'получив нагоняй' (перф. деепр.)

Неопределенно-личные формы *saama+ -da* совпадают с формами неопределенно-личного пассива (ср. *on oldud karistatud - on saadud karistada* 'являются тем, кого наказали'). Парадигма этих форм следующая:

- 1) *saadakse tõelda* 'получают нагоняй' (наст. изъяв.)
- 2) *saadi tõelda* 'получили нагоняй' (прош. изъяв.)
- 3) *on saadud tõelda* 'получили нагоняй' (перф. изъяв.)
- 4) *oli saadud tõelda* 'получили нагоняй' (плюскв. изъяв.)
- 5) *saadaks tõelda* 'получил бы нагоняй' (наст. усл.)
- 6) *oleks saadud tõelda* 'получил бы нагоняй' (перф. усл.)
- 7) *saadavat* (диал. *saadama/saada*) *tõelda* 'якобы получают нагоняй' (наст. косв.)
- 8) *olevat* (диал. *olla/olema*) *saadud tõelda* 'якобы получили нагоняй' (перф. косв.)

saama+ -da соотносится с финским "заменителем" пассива *tulla/joutua+ -ksi*: *tuli/joutu* *karkotetuksi, jonkun karkottemaksi* 'оказался изгоняемым (кем-то), joutu *tuulten lennättämiksi* 'оказался бы гонимым ветром', *joutuivat* *työnnähtäjien pettämiksi ja riistetämiksi* 'оказались обманутыми и ограбленными работодателями' *Joutu* *henkilöauton tönnähtämiksi ja sai* *sutmansa* 'оказался толкнутым легковой машиной и погиб' (Itkonen-Kaila 1974, 212)

Незначительность морфологических средств выражения залоговых различий обуславливает то, что противопоставление залогов является производным от противопоставления залоговых оборотов, т.е. от контекста. Это касается как форм на *-ся*, так и причастных форм.

I. Омонимичность форм на *-ся*. Возможность превращения возвратного значения в пассивное основывается на одной общей особенности этих двух значений. В том и другом случае субъект испытывает определенное действие. При возвратном значении он испытывает на себе собственное действие, при пассивном значении он испытывает на себе действие другого субъекта. В конструкции с возвратным глаголом несовершенного вида при отсутствии субъекта действия (агентного адвербиала) значение страдательности ослаблено, значение состояния преобладает над значением действия. Это значит, что глаголы с постфиксом *-ся* могут быть истолкованы двойко - и как глаголы страдательного, и как глаголы действительного залога (Звуки песни далеко разносятся в тишине - действ. залог возвратного глагола разноситься; Письма разносятся почтальоном - возвратная форма страдательного залога глагола разносить). Для

пассивных конструкций со страдательными глаголами несовершенного вида на -ся характерно, что они часто соотносятся с активными конструкциями с неопределенно-личным значением: По радио передаются/передают известия: Партия пленников отправляется с вокзала - Партию пленников отправляют с вокзала. Личные пассивные конструкции являются достоянием письменно-научной речи, тогда как неопределенно-личные активные конструкции обычны в устной речи: дом ремонтируют/ремонтируется 'Maia remonditakse' конференцию открывают/конференция открывается 'konverents avatakse' площадку оборудуют/площадка оборудуется 'väljak varustatakse seadmetega' новости передают/передаются ' uudiseid antakse edasi' журналы продают/продаются (во всех киосках) 'ajakirju müüakse (kõigis kioskites)' Некоторые газеты печатают/печатаются ночью 'Mõnd ajalente trükitakse öösel' На кафедре сегодня обсуждают/обсуждаются темы дипломных работ 'Kateedris arutatakse täna diplomitööde teemasid' По телевидению сегодня показывают/показывается новый фильм. 'TV-s näidatakse täna uut filmi. В связи с этим весьма показательно, что в эстонском языке пассивным формам на -ся русского языка соответствуют неопределенно-личные формы активного залога (ср. Сперва армии вербовались из свободных граждан 'Eialgu võeti sõjaväkke vabu kodanikke', а активным формам на -ся непереходные возвратные глаголы или глаголы возвратной семантики (ср. Ценности уничтожаются 'Väärtused hävivad'. Например, пассивной конструкции Бактерии уничтожаются кипячением (=Кипячение уничтожает бактерии) соответствует эстонская неопределенно-личная конструкция 'Baktereid hävitatakse keetmisega', в то время как активной конструкции с возвратным глаголом Бактерии уничтожаются кипячением (= Если кипятить воду, то бактерии уничтожаются) соответствует эстонская активная конструкция с возвратным глаголом 'Bakterid hävivad keetmisega'. Можно предполагать, что именно широкое использование в эстонском языке неопределенно-личной формы препятствовало образованию в нем морфологического пассива на основе возвратности. Близость пассива с неопределенно-личностью обусловлена тем, что прагматической мотивацией использования неопределенно-личной формы (как и пассива) считается рассеивание ответственности за действие: "While insistence could be one motivation, ... another motive ... would be to disperse the responsibility for the action (of the uses of the pronoun man in Swedish and in German)" (Leinonen 1982, 206) (ср. также использова-

ние one в английском языке: "One feels quite ashamed of offering it. But what can one do?" "One" could obviously do nothing, for the good reason that "one" was impersonal and didn't exist" (A. Huxley. Point counter point).

Выделяются некоторые формальные критерии снятия омонимии форм на -ся. Например, страдательные обороты легко допускают в своем составе агентивное дополнение, обозначающее производителя действия (Груз поднимается подъемным краном). Возвратный глагол, как и вообще любой глагол в форме действительного залога, не терпит сочетания с агентивным дополнением (его, например, невозможно ввести во фразу: Старушка с трудом поднимается по лестнице). С другой стороны, возвратный глагол и вообще глаголы в форме действительного залога могут сочетаться с деепричастной конструкцией, например: Старушка с трудом поднимается по лестнице, ведя за руку Петю; Кошка царапается, громко мяукая. Возвратные формы страдательного залога такой сочетаемости не допускают, так как деепричастие всегда относится к подлежащему, обозначающему действующий предмет, т.е. к подлежащему активного оборота. Из этого вытекает, что взятые изолированно, вне синтаксического контекста, возвратный глагол и пассивная форма на -ся не различаются (например, форма развязывается: Новые шнурки каждую минуту сами развязываются - действительный залог возвратного глагола; Сперва развязываются шнурки, затем снимаются ботинки - страдательный залог, возвратная форма двузалогового глагола). Таким образом, из-за отсутствия морфологических средств различения залогов у форм на -ся синтаксический аспект приобретает первостепенное значение.

2. Аналогичная омонимия характерна для причастных форм - они могут быть интерпретированы как статальный (анг. static) и процессуальный (англ. kinetic) пассив. Ср. Дом построен в прошлом году 'Maja ehitati/on ehitatud möödunud aastal' vs. Дом построен из кирпича - Дом кирпичный 'Maja on ehitatud telliskivist = See on telliskivist maja'; Его английское произношение поставлено известным преподавателем 'Tema inglise keele hääldus on seatud tuntud õpetaja poolt' vs. Язык в университете плохо поставлен 'Keeleõppimine on ülikoolis halvalt järel'. Не различаясь морфологически, эти два значения причастных конструкций различаются по семантике и по синтаксическому контексту - статальный пассив (адъективация): (1) не соотносится с действительным оборотом, (2) не может иметь агентивного дополнения, так как в ней состояние

представлено как признак предмета, в отвлечении от действия (дверь закрыта). (3) иногда происходит семантический сдвиг — причастие теряет свою глагольность и приближается к прилагательным (Театр был битком набит; Я был убежден). Объясняется это тем, что в конструкциях пассива (Учитель любим учениками; портрет пишется/написан художником; Объем статьи определяется/определен автором) значение субъекта (деятеля) выражено формой творительного падежа, т.е. формой, осложненной значением орудийности. Ослабленность в этой форме значения субъекта приводит к тому, что в форме именительного падежа в конструкциях пассива возможно диффузное значение объекта действия/субъекта состояния, вызываемого этим действием. В словоформах учитель, объем, портрет совмещаются объектное и субъектное значение (Русская грамматика, стр. 613).

В еще большей степени данная трудность присуща эстонскому языку. Из-за того, что дополнение неопределенно-личной формы может быть как в номинативе, так и в партитиве (в зависимости от аспектуальной характеристики действия), трудно отличить номинативное дополнение от номинативного подлежащего в аналитической форме единственного числа: Tunnistaja on sunnitud vaikima 'Свидетеля заставили молчать' (перфект неопределенно-личной формы, tunnistaja — дополнение в номинативе) vs. 'Свидетель заставлен молчать' (настоящее время пассива, tunnistaja — подлежащее в номинативе). Если в позиции имени находится местоимение, то омонимия возможна только в третьем лице: Ta on kohale toimetatud 'Он доставлен' или 'Его доставили' (ср. Ma olen kohale toimetatud 'Я доставлен' — однозначно пассив). Считается, что неопределенно-личные аналитические формы имеют следующие формальные признаки, которые позволяют снять омонимию: (1) при отрицании номинативное дополнение превращается в партитивное Või on ära müüdüd 'Масло продали' — Või ei ole ära müüdüd 'Масло не продали'), (2) перфектное (плюсквамперфектное) сказуемое имеет параллельные простые формы: Pension on/oli koju saadetud. — Pension saadeti koju 'Пенсию отправили домой'), (3) Сказуемое занимает в предложении место до имени в номинативе (Tõmmati üles võrkiik. — Oli üles tõmmatud võrkiik 'Повесили гамак'; Suure püki ära jäteti vihmavari 'Около большого пня оставили зонтик').

Кроме данных двух интерпозиций аналитических форм (настоящее и прошедшее пассива и перфект или плюсквамперфект неопределенно-личной формы) возможна третья — рассмотреть

причастие как прилагательное (в адъективной функции): Tunnista ja on sunnitud vaikima 'Свидетель вынужден молчать'. Причина заключается в двойственном характере глагола olema 'быть' - его употребление как в роли вспомогательного глагола, образующего финитные сложные времена, так и в роли связки, и вытекающая отсюда невозможность отграничения чисто глагольной функции причастия (неопределенно-личные формы и пассив) от его адъективной функции. Также обстоит дело в финском языке, например, конструкция Tyttö on kammattu омонимична: 'Девочка (подлежащее, номинатив) причесана/ Девочку (прямое дополнение, аккузатив) причесали'. Омонимичность снимается, когда существительное заменяется местоимением, ср. эст. Teid veeti (Antsu poolt) ninapidi 'Вас обмануто (Антсом)' (Володин 1983, 231). Английские грамматисты говорят в этой связи следующее: Sometimes the participle is a predicative of being, sometimes one of becoming, and therefore we sometimes have a passive of being, sometimes a passive of becoming, - or, to use Curme's expressions: sometimes a static, sometimes a kinetic passive (He is buried at Croydon - static passive; When is he to be buried? - Oh, don't you know? He has been buried already: he was buried yesterday - kinetic passive). "In other words we may say that in such a sentence as "His bills are paid" sometimes the element of present represented by are sometimes the element of perfect implied in the participle is predominant" (Jespersen 1932, 98). "The common actional form is employed also as a statal passive, i.e. to express a state" The door was shut at six (state), but I don't know when it was shut (act) This is explained by the simple fact that in our copula be are merged two quite different verbs - is and be. Be has effective force (get, become). Effective be indicates an act, but unfortunately be does not always have this meaning. It more commonly indicates a state, retaining the old meaning of is" (Curme 1935, 218). Kinetic passive - это по сути дела неопределенно-личная форма или собственно пассив, static passive - адъективация: The door was shut at six, but I don't know when it was shut 'Uks oli suletud (= oli kinni - адъективация) kell kuus, aga ma ei tea, millal ta suleti/ oli suletud (пассив или неопределенно-личная форма) 'Дверь была закрыта в шесть часов, но я не знаю, когда ее закрыли/ она была закрыта'. Трактовка пассивной конструкции адъективаци-онной является, когда при численном отличии в предложении от-

менты испорчены сыростью' - Dokumentid on niiskusest rikumata 'Документы не испорчены сыростью'.

Поскольку пассив близок к адъективации, финские ортологи не рекомендуют выражать недвусмысленные случаи адъективации при помощи пассива: вместо Hän oli hyvin puettu 'Он был хорошо одет' рекомендуется Hän oli hyvin pukeutunut вместо Hän oli asiasta vakuutettu рекомендуется Hän oli varma asiasta 'Он был уверен относительно этого дела', вместо Hän oli rakotettu ruutämään lainaa лучше сказать Hänen oli rakko ruutää lainaa 'Ему пришлось ходатайствовать о займе', вместо Lentävätkö muuttolinnut määrättyjä teitä рекомендуется Lentävätkö muuttolinnut tiettyjä (eräitä) teitä 'Летят ли перелетные птицы по определенным путям' (Sadeniemi 1972, 84). "In Finnish, necessive constructions and verbs are all "monopersonal" - the construction "olen pakotettu" with subject congruence is borrowed from Germanic languages... (it is) nowadays regarded as incorrect in Finnish" (Leinonen 1985 54). Последнее высказывание справедливо также по отношению к эстонскому языку.

Литература

1. А.В. Бондарко. К теории поля в грамматике - залог и залоговость. - ВЯ, 1972, № 3.
2. А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
3. Л.Л. Буланин. Категория залога в современном русском языке. - Л., 1986.
4. А.П. Володин. Результаты и перфект пассива в финском языке. Раздел в сб. Типология результативных конструкций. - Л., 1983.
5. Э.Н. Пяльль. О двух основных формах инфинитива в эстонском языке. - Доклады и сообщения Института языкознания АН. СССР, № 7, 1955.
6. Х.Раянди. Синтаксис эстонского имперсонала и пассива. АКД, Таллин, 1969.
7. Русская грамматика, т. I, М., 1980.
8. G.O.Curme. A grammar of the English language in three volumes. Vol.2. Parts of speech and accidence. Boston-London, 1935
9. M. Ereit. da-infinitiivi süntaktilised funktsioonid tänapäeva eesti keeles. Tallinn, 1984

10. M. Ereht. Eesti lihtlause probleeme. Tallinn, 1979
11. M. Itkonen-Kaila. Paseivilauseiden suomentamisesta. Vi-
rittäjä 1974, nr. 2
12. O. Jespersen. A modern English grammar on historical
principles. Part 4, Syntax. Third volume: Time and
Tense. London, 1932
13. M. Leinonen. Roles and responsibilities: passivity in
Russian and in Finnish. Scandoslavia. Tomus 28, Co-
penhagen, 1982
14. M. Leinonen. Impersonal sentences in Finnish and Russi-
an. Slavica Helvingiana 3. Helsinki, 1985
15. S. Sadeniemi. Kirjoita oikein. Tapiola, 1972

МОТИВАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЛОВА
(ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ
НОМИНАЦИИ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Э.А. Вайгла

Ономазиологическая проблематика в последние десятилетия стала едва ли не одной из центральных в современной советской лингвистике (монографии /3, 14, 16, 17/, диссертационные работы /7, 13/). Соответственно возрос интерес к вопросам лексической мотивации (работы О.И. Блиновой /4/, В.Г. Вариной /5/, Н.И. Мигириной /10/ и др. авторов). Существует даже опыт мотивационного словаря (2). В сопоставительном же плане вопросы номинации остаются почти неисследованными.

Сопоставление средств номинации, а именно их мотивационных особенностей представляется целесообразным организовать по отдельным лексико-семантическим или тематическим группам. Такого рода исследования способны пролить свет на определенный аспект существующих в рассматриваемых языках механизмов номинации в целом и выявить, как эти механизмы действуют в той или иной сфере наименований.

Что касается способов номинации русской предметной лексики, то в 1982 г. была опубликована обширная работа А.Ф. Ткачевца "Технические возможности русского языка в области предметной номинации", ставящая своей целью каталогизацию феномена "технических средств предметной (несобытийной) номинации, которыми располагает современный русский язык" (6, 16). Основные типы мотивации русского предметного слова указывает И.Г. Миллеравский (11, 55-56).

Наши исследования также будут сделана попытка на одном фрагменте лексической системы — на материале названий артефактов — поставить вопрос о возможности сопоставления мотивационных особенностей в двух языках, а тем самым — выявления их национальной специфики. Следовательно, нас интересуют прежде всего особенности мотивации, выбор признака для обозначения определенных явлений предметного ряда в русском и эстонском языках. В известной степени это вопрос о том, каким образом репрезентируется данный "язычок" экстралингвистической дей-

ствительности в сопоставляемых языках: "внутренняя форма — способ представления в языке внеязыкового содержания" (12, 161). Собственно словообразовательная сторона вопроса ("арсенал" используемых суффиксов и т.п.) нами не рассматривается; это составляет предмет сопоставительного словообразования.

Тематика рассмотренных слов — наименования приборов, машин, приспособлений, орудий труда, предметов бытового обихода, а также деталей, частей различных предметов и ооружений. Не включены в анализ названия предметов мебели и одежды, музыкальных инструментов, транспортных средств, построек и сооружений, а также наименования исторических и этнографических реалий. Не рассматриваются названия с первым компонентом типа авто-, электро-, и др., в которых первый компонент лишь определенным образом модифицирует номинативную единицу относительно ее основной мотивировки.

Наш материал ограничен словарем С.И. Ожегова: об исчерпывающем охвате предметной лексики, естественно, речи быть не может*. В то же время думается, что определенные закономерности с достаточной достоверностью должны выявиться и на материале этого круга самой употребительной лексики. В подсистеме специальной лексики, разумеется, соотношения иные.

Всего выписано свыше 1000 слов. В качестве эстонского языкового материала взят тот же лексический круг — соответствия русским лексемам, что предопределило приблизительное — количественное и качественное — единство рассматриваемого материала; полного тождества, естественно, быть не может: в обоих языках существуют синонимичные обозначения; ряду неоднозначных русских лексем в их разных предметных значениях соответствует обычно более одного эстонского слова.

Начнем с небольшой статистики. В русском языке из рассмотренных 1075 слов — мотивированных и немотивированных (или со стертой мотивацией) — почти равное количество, с небольшим перевесом в пользу немотивированных (исконных и заимствованных). Среди мотивированных (включая сложные слова) преобладают слова глагольной мотивации (60%), существительным мотивировано 40%. Сложных слов примерно одна седьмая часть от общего количества мотивированных лексем.

* Пример: приводимые в "Русской грамматике" АН СССР 1960 г. слова дэфаль, оукладчик, свеклопугруэчик отсутствуют не только в словаре С.И. Ожегова, но и в последнем издании 15-томного "Словаря русского языка" АН СССР.

В эстонском языке мотивированных слов (также включая сложения) оказалось несколько больше – около 600 слов, в том числе ориентированных на глагол ~ 43%, мотивированных именем – ~ 57%. Сложных слов среди них – 460, т.е. более 75% от всех мотивированных слов.

Переносные наименования, немногочисленные в обоих языках, включены в общее число мотивированных единиц. Однако необходимо оговорить, что к переносным мы относим лишь такие значения, которые вторичны по отношению к основному, так или иначе зависимы от него. Ведь если трактовать переносное значение как разновидность мотивации, то оно и должно мотивироваться или основным значением, или любым другим (например, при т.н. цепочечной системе). В.Г. Варина уточняет: переносное значение мотивируется отдельными компонентами (т.е. семами) прямого значения, отпочковавшимися от него и перенесенными в другую денотативную область /5, 243/. Однако предметные значения русской многозначной лексики нередко иерархии не представляют, являясь равноправными, что подчас граничит с омонимией (или фактически ею является?). Ограничимся одним примером. Движок – 1) небольшая движущаяся часть в механизмах; 2) небольшой двигатель; 3) широкая деревянная лопата для уборки снега. Объединяющая эти значения сема имеет весьма общий характер – движение. Какое (или какие) из этих значений – переносное? Невозможно выделить и основное значение. Нельзя не согласиться с Н.Д. Арутюновой: "Даже перенос названия по функции, влекущий за собой известное видоизменение этой последней в результате смены объекта действия, может повести к омонимическому расщеплению слова, ср. зажигалка (для сигарет) и зажигалка (зажигательная бомба: 1, 206). Впрочем, в словарях это случай полисемии.

Остановимся далее на типах мотивированных слов в русском и эстонском языках. Сложные слова, представляющие особый тип мотивации, будут рассмотрены отдельно.

1. Глагольная мотивация. От общего количества мотивированных слов-некомполит случаи глагольной мотивации в русском языке составляют ~ 60%, в эстонском – более 80%.

1. Глагольная мотивация предметного имени – это прежде всего ориентация на функцию предмета. Тематически сюда относятся ряд групп наименований.

а) Наименования машин, механизмов, аппаратов, других более сложных приспособлений: веялка, запальник, копнитель, насос, поилка, прялка, сажалка; pidur 'тормоз'.

В этой группе предметных имен нередко аналогичные отглагольные образования в обоих языках: волокуша - lohisti; libisti; глушитель - summuti; пробилка - purusti, peenesti; капельница - tilguti; ловушка - püünis; морозильник - külmuti; опреснитель - magesti; светильник - valgusti; сеялка - külvik; сцепление - sidur.

б) Орудия для выполнения определенного действия: клепало, отвертка, отмычка, помазок, пробойник, сечка, указка, süstal 'шприц'.

Примеры аналогичных отглагольных производных: открывалка - avaja; сверло - puur; скребок - kaabits; терка - riiv; трещотка - käristi; цедилка - kurn.

в) Прочие наименования предметов, а также деталей, частей предметов, приспособлений, сооружений по их назначению: вешалка, грузило, заколка, затычка, лестница, набойка, наковальня, насет, обои, полоскательница, приклад, пальцы, седло, сосна, сходни; katik 'затвор' (у фотоаппарата), märkmik 'блокнот', päästik 'курок', ratsmed 'узда', voolik 'шланг', ümbrik 'конверт'.

Примеры слов аналогичной мотивации: запряжка, упряжь - rakmed; крыша - katus; подойник - lipsik; поднос - kandik; прицел - sihik; провод - juhe.

2. Глагольный признак может указывать и на результат действия, т.е. "как сделан предмет": вывеска, плеть, плетенка, подшивка, поковка; наклейка - kleebis; отливка - valatis; подвеска - ripats.

В немногочисленных случаях глагольный признак указывает на некоторую дополнительную, с точки зрения основной функции второстепенную, но характерную черту предмета: вертушка, грызло, раскладушка, хлопушка, ходики; ср. также келлилка.

Единичны наименования вместилщи: плевательница, уладка, а также образные мотивации, основанные на субъективных признаках (5): кусачки, маховик.

Степень прозрачности, "информативности" мотивации, а отсюда и предсказуемости семантики в словах, обозначенных по функции, в целом относительно высока, особенно в наименованиях машин, механизмов (жнейка, дробилка), а также в ряде названий орудий (скребок, сверло и др.).

В то же время имеются и совершенно непредсказуемые с точки зрения значения глагольные мотивации: подраз (пара мельничных жерновов, а также кустарный 'железный стан'), пробой (металлическая дужка для навешивания замка), пробран, опорная

балка в сооружениях); со своего рода "лжемотивацией" имеем дело в случаях рубанок и рубильник.

II. Именная мотивация

Необходимо отметить, что в этой группе речь пойдет в основном о русских словах: для эстонской предметной лексики некомпозиты, мотивированные существительным, отнюдь не характерны.

1) Среди предметных имен, мотивированных существительным, также есть номинации по функции.

а) Прежде всего это названия сосудов и других вместительных: зольник, игольник, кофейник, пепельница, салатник/-ница/, сахарница, солонка, скворечник/-ница, -ня/, табакерка, чернильница.

б) Представлены и другие виды наименований предмета по его функции: вафельница, градусник, лежак, капельница, мороженица, накомарник, огниво, потник.

2) Признак номинации - внешний вид предмета: блесна, острога, рогатка, ушат.

3) Номинации по сходству (в том числе переносные наименования, среди которых есть и лексикализованные демиинутивы): баранка, бубенцы, глазок, змеевик, зубец, кожух, колпак, кошелек, кошка, ласты, мельница (для ручного измельчения), ножовка, ручка, собачка, хобот, чашка (весов), челнок, а также слова типа подмостки, подпилки, подсумки и некоторые другие виды наименований.

В эстонском: hammas ('зуб') 'зубец'; jalased 'полозья' (от jal 'нога'); kass ('кошка') (то же, что в русском); kirp ('блоха') 'мушка' (ружья); kits ('коза') 'конь' (гимнастический снаряд); vars ('стебель') 'рукоятка, черенок, ручка'. Отметим, что нередко переносные наименования входят в состав эстонских композитов: kirvesilm (букв. 'глаз топора') - 'обух'; küünlajalg (букв. 'нога свечи') - 'подсвечник'; püseekk (букв. 'ружейный петух') - 'курок' и др. И в этом в условиях, когда семантика слова понятна из ситуации, данные компоненты сложного слова могут использоваться и самостоятельно, вне композитов; опущение определительного компонента сложного слова - свойство, которое присуще многим типам эстонских сложных слов.

4) Номинации по расположению или (II) обычному местонахождению: намордник, наушник (для слушания), ошейник, подстаканник, полсаяк, пересадельник; suulinehuulik (от suu

'рот', huul 'губа') 'мундштук' (духового инструмента), südamik (от 'сердце') 'стержень'.

Некоторые русско-эстонские параллели: наконечник - otsik; оголовье - päitsed.

5) Мотивационный признак - материал: каменка, пуховик, сеник (матрас); примыкает сюда эстонское tõrvik (от tõrv 'смола') 'факел'.

6) Названия части, детали предмета, мотивированные основным наименованием: кнутовище, половица, топориче.

7) Наименования по некоторым другим признакам: керосинка, ножник, пудовик, рукоятка, спиртовка.

Есть и наименования непрозрачной мотивации и непредсказуемой семантики: мастерок, ручник.

Слова, мотивированные прилагательными и наречиями, единичны в обоих языках: пустышка; alasi (all - 'внизу', alumine - 'нижний') 'наковальня' eelik (eel - 'впереди') 'передок kõvasi (kõva - 'крепкий, твердый') 'точило'; ср. также образования от частицы: авоська.

Сложные слова, как было показано выше, среди русских наименований в нашем материале немногочисленны, их лишь около 70. В большинстве своем это слова глагольной мотивации - в объеме 80%. Почти все русские сложные наименования, мотивированные глаголом, строятся по модели: объект + действие: бетономешалка, водомет, воздуходувка, землесос, канавокопатель, путеукладчик, шагомер. Для слов этого типа характерна четкость, прозрачность репрезентации предмета по его функции (хотя абсолютная прозрачность - явление редкое; обычно остается простор для семантических приращений, хотя бы типа - человек или машина: стогометатель; ср. полотер). Существительные по модели объект + действие в русском языке, как правило, обозначают более сложные приспособления, машины; названия орудий действия редки (зубочистка, ледоруб). Ср. также: коновязь, рукомошник. В некоторых случаях глагольный компонент имеет переносный характер: звукосниматель. Встретилось шутовское образование по "функции": носогрейка.

Другие типы представлены единичными образованиями: самовар, самокат, самописка. Особняком стоит слово скоросшиватель - с первым наречным компонентом.

Немногочисленны именные сложения с первым компонентом - прилагательным или числительным: кривошип, острогубцы, плоскогубцы, частокол; двустволка, тренога/ножик/ - обычно по внешнему виду (но: разновес). Не характерны для нашего

материала композиты из двух субстантивных основ; их всего несколько: шарикоподшипники, эхолот, хлопкокомбайн.

Эстонские сложные слова заслуживают особого рассмотрения. Как было указано выше, они в нашем материале среди мотивированных эстонских слов преобладают: их насчитывается более 75% (в русском материале лишь около одной седьмой). Существительным мотивировано ~ 69%. Разнообразны мотивационные модели композит. Конкретной тематикой (приспособления, орудия, детали) они не ограничены.

Типы глагольных композит представлены двумя видами: объект + действие и действие + предмет. Первый тип, как мы видели выше, характерен и для русских сложных наименований.

Тип: объект + действие: aknavalgur окно + закрывать* 'шпингалет'; kooralahuti сливки + отделять 'сепаратор'; krukivikeeraja шуруп + вертеть 'отвертка'; põhukoguja солома + собирать 'копнитель'; vahvlikipseti вафля + печь 'вафельница'.

Поскольку этот тип композит представлен и в русском языке (машины и др. более сложные приспособления), то именно в этой группе наименований обнаруживаются русско-эстонские параллели с отсутствующей межъязыковой идиоматичностью, повторяющие структуру друг друга и допускающие относительно свободный переход от единицы одного языка к соответствующей единице другого: betoonisegur - бетономешалка; kaugsihtmõdik - дальномер; kuulipilduja - пулемет; leivalõikur - хлебoreзка; lumelaadur - снегопогрузчик; tolmuimeja пылесос; tulekustuti - огнетушитель; vihusiduja - сноповязалка; õhupuhur - воздуходувка.

Тип: действие + предмет.

Naudearagaat** высиживать + аппарат 'инкубатор'jalutus-

* В буквальном переводе 'закрыватель окна'; здесь и ниже мотивация эстонского слова показывается посредством исходной формы соответствующего слова.

** Необходимо отметить, что весьма часто глагольный элемент в эстонских композитах этого типа представляет собой усеченный отглагольный компонент или глагольный корень, выступающий в форме субстантива (19, 65 и след.). Так, triikraud ← triikimisraud букв. 'железо для глаженья' (по модели глаженье + железо, т.е. 'утюг'). При этом иногда возникает особого типа полисемия корней: pesu - пош ← pesemiseпош букв. 'посуда для стирки' (по модели стирка + посуда), где pesu - усеченный отглагольный компонент, а также - существительное в значении 'белье'.

kepp гулять + палка 'трость'; jootmianõid пить + посуда - пиалка'; kanderaam носить + рама 'носкилки'; kastekapp поливать + кувшин 'лейка'; kraarraud сбивать + железо 'скребок'; kipsetuavarras печь + спица 'вертел', langevari падать + ширма 'парашют'; soojenduskoht греть + мешок 'грелка'; triikraud гладить + железо 'утюг'; tikkimaraam вышивать + рама 'пильцы'; tuulamismasin везть + машина 'веялка'; tõkkariid преграждать + дерево, палка 'шлагбаум'.

Модель в эстонском языке весьма продуктивна. Первый компонент обычно - признак по назначению: предмет "действует", выполняя определенную функцию (соответствия русским инкубатор, скребок, грелка) или используется при выполнении действия (соответствия русским трость, носилки, пиалка). Другие типы немногочисленны: pöördväravad вращаться + ворота 'турникет'; tõkeratas толкать + колесо 'самокат'; täitesulepea напирать + ручка (где впрочем, второй компонент также сложение: перо + голова) 'авторучка'. Мотивация в подобных случаях - по характерному свойству предмета.

Особенно разнотипны эстонские композиты с двумя отменными компонентами,

1) Объект + предмет для каузации его:

Joolaud лимба, черта + доска 'линейка'; helihark звук + вилка 'камертон'; doorkatas ~ рама + колесо 'маховик'; tulegaud огонь + железо 'огниво'; võimasin масло + машина 'маслобойка'.

2) Объект + предмет для его обработки, для действий по отношению к нему: jääkirves лед + топор 'ледоруб'; kaardikepp карта + палка 'указка'; karegaud капуста + железо 'сечка'; kraadiklaas градус + стекло 'градусник'; lihamaasina мясо + машина 'мясорубка'; lumelabidas снег + лопата 'движок'; raketipüstol ракета + пистолет 'ракетница'; teehõvel дорога + рубанок 'грейдер'; traaditangid проволока + щипцы 'кусачки'.

3) Вещество, предмет +местилище:

Liivakast песок + ящик 'песочница'; padrunitasku патрон + карман 'патронташ'; puudritoo pudra + ~ коробка 'пудреница'; rahakott деньги + мешок 'кошелек'; teekann чай + кувшин 'чайник'; õhukott воздух + резина 'камера'.

4) Место + предмет:

Kaelarihm шея + ремень 'ошейник'; põrandalamp пол + лампа 'торшер'; põrandariie пол + ткань 'половик'; seinalamp стена + лампа 'бра'; seljakott спина + мешок 'рюкзак'; smu-

korv рот + корзина 'намордник'; suugaud рот + ~ железки 'удила'; sõrmkübar палец + шляпа 'наперсток'.

5) Предмет + его часть:

Aknalaud окно + доска 'подоконник'; kirvesilm топор + глаз 'обух'; lukukeel замок + язык 'язычок' (замка); sedelgarihm седелка + ремень 'чересседельник'; õngenõõr удочка + веревка, бечевка 'леска'.

6) Предмет + второй предмет, функционирующий в качестве принадлежности первого:

Kabelaud шашки + доска 'шашечница'; küünlajalg свеча + нога 'подсвечник'.

7) Средство + предмет:

Piirituslamp спирт + лампа 'спиртовка'; jalgratas нога + колесо 'велосипед'; käsisaag рука + пила 'ножовка'.

8) Мотиваций по внешнему виду:

Hammasratas зуб + колесо 'шестерня'; sulgpall перо + мяч 'волан' (для игры в бадминтон).

9) Материал + предмет:

Kummikott резина + мешок 'грелка'; puivasar дерево + молоток 'колотушка'; võrkkiik - сеть + качели 'гамак'.

10) Различного рода другие характеристики предмета:

Jalgvärav нога (хотя, по-видимому, образование скорее от jalgsi 'пешком') + ворота 'калитка'; hädaapidur бедствие + тормоз 'стоп-кран'; pigipõõr вар + бечевка 'дратва'; ribakardin полоска + занавеска 'жалюзи'; õõlamp ночь + лампа 'ночник'. См. также: mesiруи 'мед + дерево 'улей'.

Встречаются слова с немотивированным первым компонентом: ktiuirink 'верстак' matgaruu 'безмен' и некот. др.

Есть и собственно идиоматические сложения: tatnina (прост.) сапли + нос 'коптилка'; suurtükk (букв. 'большой кусок', где tükk - в значении 'вещь').

Имеются и сложения с адъективной (обычно усеченной) или адвербиальной первой частью, а также с первым компонентом - числительным: lapiktangid плоский + щипцы 'плоскогубцы'; spiraaltoru спиральный + труба 'змеевик'; vaheltharija между + обрабатывать 'пропашник'; kaheraudne два+железка ('железка' - в значении 'ствол') 'двустволка'.

Итак, самое существенное различие между русским и эстонским языком в рассматриваемой сфере номинации, конечно, - соотношение между сложными словами и другими способами обозначения. Склонность эстонского языка к словосложению, продуктивность этого способа, его почти неисчерпаемые словооб-

разовательные возможности — все это хорошо известно всем, кто знаком с эстонским языком (как и богатые аффиксальные возможности русского языка — знающим русский язык). Определенным образом эти словообразовательные способы дополняют друг друга и в предметной лексике: наблюдается известный параллелизм русских и эстонских наименований, мотивированных именем: при различном их оформлении (сложное слово в эстонском, производное — в русском языке) основные мотивационные типы сходны (функция, вид, местонахождение, материал).

В то же время эти способы оформления смысла имеют свою специфику, и не только формальную. Показательно в этой связи высказывание В. Таули о том, что в эстонском языке "сложное слово является естественным выражением смысла, который воспринимается как состоящий из двух компонентов и не может быть выражен производным" (20, 115; перевод наш — Э.В.). Разумеется, расчлененное восприятие действительности находит отражение и в русском языке, формально же оно в нем значительно чаще выражается сверхсловно, в виде словосочетания (ср. письменный ящик, кухонное полотенце и эст. kirjakast букв. 'ящик для писем', köögitatik)*.

Интересным представляется другое: в очень многих случаях, как показал и наш материал, эстонский язык, в отличие от русского, воспринимает смысл "как состоящий из двух компонентов". Естественно, возможности номинации не существуют независимо от грамматического строя языка. Необходимы формальные условия, делающие возможным передачу различных типов семантически расчлененного смысла в пределах слова. По-видимому, одним из таких условий является отсутствие в эстонском языке категории рода, как справедливо отмечает Х.Д. Лезметс (9, 16): отпадает необходимость в выражении грамматическими средствами согласования определения и определяемого, что, как правило, требует раздельнооформленного выражения.

Естественно, сложное слово позволяет именовать предмет более информативно. Если, например, русские суффиксы и служебные средства оформления наименований определенной общей семантики (-тель, -ник и др.), то сложное слово называет предмет, как правило, более дифференцированно, более конкретно. С другой стороны, использование такого рода модели и само

* По данным Х.Д. Лезметс, около 72% от всех эстонских сложных слов переводятся на русский язык словосочетанием (наблюдения на материале композит типа N_{ген.} N_{ном.} и N_{ном.} N_{ном.}; 9,9).

стимулирует большую конкретность: ср. игольник и эст. peelapadi (иголка + подушка) и peelakagr (иголка + ~ коробка). Можно представить себе ситуацию, когда игольником служит, к примеру, баночка; для эстонского языка это повлечет за собой использование образования peelapark (иголка + банка). Если русское слово называет предмет чаще по функции в общем виде (грелка), то эстонский язык "уточняет": грелка это и soojenduskott (греть + мешок), и soojenduspudel (греть + бутылка), и soojendupadi (греть + подушка). Примеров такого рода можно бы привести немало*.

Непредсказуемость семантики слова, т.е. его фразеологичность (иначе - идиоматичность) - общеизвестное его свойство, которое иногда признается одним из основных, ведущих признаков слова и вводится в его определение (15, 53). Свойство это присуще слову в разной степени. "Синтезировать значение слова в целом из значения составляющих его морфем в большинстве случаев не представляется возможным" (11, 58). Действительно: гольник, игольник, но этодник; пепельница, сахарница, но: вафельница; ракетница. При "отгадывании" смысла сложного слова говорящий обычно никаких особых ребусов не решает, как пишет Е.С. Кубрякова (8, 249). Правда, степень предсказуемости и здесь различна (ср. õngelõõt удочка + бечевка - 'леска' и kumikott [букв. 'резиновый мешок'] в специфическом значении этого слова: 'грелка').

Могут быть сделаны следующие основные выводы.

В целом как в русской, так и в эстонской предметной лексике в первую очередь проявляет себя функциональный принцип номинации (что и логично применительно к артефактам), хотя осуществляется он не совсем тождественными средствами. Глагольные номинации более характерны для русской лексики, где они большей частью оформляются в виде одноосновных обозначений. В эстонском языке опирается на функциональную основу и ряд именных сложений.

* Отметим, что в результате ведущейся на протяжении многих десятилетий сознательной словотворческой деятельности эстонская лексика обогатилась множеством дериватов, более того, вошел в употребление ряд искусственно созданных корней, причем проявляется тенденция к краткости создаваемых единиц. Нередко они заменяют собой сложные слова. Приведем один пример: ruutvastasin 'вычислительная машина' - aru (а также aru) - искусственно созданное слово для обозначения ЭВМ. О возрастающей продуктивности суффиксальных производных в сфере предметной лексики эстонского языка см. также в статье Р.Казик (18, 404).

Если в русском языке преобладает один основной тип композит (объект + действие), то эстонский язык в этой сфере номинации использует целый ряд весьма продуктивных моделей сложных слов.

Наименования именной мотивации, в большинстве своем разнооформленные в русском и эстонском языках, тем не менее во многом функционируют параллельно.

Эквивалентность (мотивационно-структурная) русских и эстонских наименований присуща прежде всего сложениям по модели объект + действие, тематически – названиям более сложных приспособлений, машин (как среди композит, так и среди производных слов).

Так как фразеологичность в сложных словах проявляется слабее, то эстонские предметные имена характеризуются в целом более высокой степенью предсказуемости.

В сфере предметной лексики в обоих языках доминирует объективная мотивация (что, очевидно, объясняется характером тематической группы, ее "строгостью", требованиями точности). Случаи субъективной мотивации в целом немногочисленны.

Итак, можно сказать, что в рассмотренном тематическом круге русских и эстонских номинативных единиц, несмотря на ряд сходных моментов, достаточно выпукло проявляется и национальная специфика, вытекающая как из характера средств и способов мотивации, так и из особенностей грамматической структуры этих языков.

Дальнейшее изучение явления мотивации на материале других тематических и лексико-семантических групп будет способствовать выявлению более общих закономерностей номинации в сопоставляемых языках.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. – В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, глава III.
2. Аръянова В.Г. и др. Мотивационный диалектный словарь (говора Среднего Приобья). В 2-х томах. – Томск, изд. Томского ун-та, 1982–1983.
3. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
4. Блинова О.И. Явление мотивированности слов. – Томск, изд. Томского ун-та, 1984.

5. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.
6. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации. - В кн.: Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.
7. Коржева Л.Б. Мотивационная типология производного слова (на материале суффиксальных новообразований английского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1985.
8. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. - В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977, глава IV.
9. Лезметс Х.Д. Сложные слова как способ номинации эстонского языка и их лексикографическое оформление в эстонско-русских словарях. - В сб.: Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики (на материале эстонского и русского языков). Таллин, 1982.
10. Мигирина Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. - Кишинев.: Штиинца, 1977.
11. Милославский И.Г. Семантическая структура русских производных существительных со значением предмета (К постановке вопроса). - В жур.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1975, № 6.
12. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высшая школа, 1982.
13. Попович Н.В. Специфика номинации в сфере предметной лексики (на материале наименований одежды в современном французском языке). Автореф. канд. дисс. М., 1981.
14. Способы номинации в современном русском языке. - М.: Наука, 1982.
15. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М.: Просвещение, 1977.
16. Языковая номинация. Виды наименований. - М.: Наука, 1977.
17. Языковая номинация. Общие вопросы. - М.: Наука, 1977.
18. Kasik, Reet. Deverbaalsufiksiste derivatsioonimallid tänapäeva eesti keeles. "Keel ja Kirjandus", 1972, N 7.
19. Saari, H. Verb ja tema moodustuspesad eesti oskuskeeles. TRÜ Toimetised, vihik 574. Töid eesti filoloogia alalt VIII. Tartu, 1981.
20. Tauli, Volter. Keelekorralduse alused. Stockholm: Eesti Raamat, 1968.

СИСТЕМАТИКА ОППОЗИЦИЙ Н.С. ТРУБЕЦКОГО И СЛАВЯНСКИЕ
НАПРЯЖЕННЫЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ

Ю.С. Кудрявцев

"Нет ничего практичнее хорошей теории". Эта отчасти парадоксальная мысль всякий раз подтверждается, когда мы спустя десятилетия обращаемся к знаменитой книге Н.С. Трубецкого "Основы фонологии" с целью подтвердить или опровергнуть с помощью ее научного аппарата те или иные конкретные фонетические разработки.

В данной статье речь пойдет о напряженных редуцированных гласных, существовавших в позднем праславянском и ранних славянских письменных языках. Важным моментом историко-лингвистического исследования этих звуков является определение их фонетических признаков. Вопрос об артикуляции реконструируемых звуков особенно сложен. Как правило, легче установить функциональную сторону исследуемых явлений, т.е. определить их как фонемы. Благодаря своей относительной устойчивости релевантные признаки лучше сохраняются в диахронии, поэтому реконструкция выявляет их в первую очередь. Эти же признаки обычно отражаются на письме, поскольку из всех свойств звука для письма важны именно релевантные для различения слов. Осознание данных фактов рождает иногда крайний скепсис в отношении возможности реконструкции аллофонов /Крупаткин 1969/. Тем не менее мы попытаемся установить, как артикулировались напряженные редуцированные гласные. При установлении звуковых черт напряженных редуцированных нам поможет тот факт, что образование интересующих нас звуков есть ассимилятивный процесс, вызванный соседством йота, обладающего достаточно устойчивой от языка к языку артикуляцией, и приведший к нейтрализации оппозиций (ь - ĭ, ъ - у). Систематика нейтрализаций, разработанная Н.С. Трубецким, позволяет делать определенные выводы о вероятном звуковом характере представителей "архифонемы", каковыми в данном случае являются напряженные редуцированные гласные.

По классификации Н.С. Трубецкого наша нейтрализация от-

носится к (а) контекстно обусловленным, причем представляет собой (б) одновременно прогрессивную и регрессивную нейтрализацию. Первое свойство (а) определяется положением нейтрализации: она "возникает в зависимости от окружающих фонем определенного рода" /Трубецкой 1960, с. 257/, в данном случае одной фонемы - (j). Второе (б) вызвано тем, что снятие противопоставления происходит как перед йотом, так и после него. Контекстная обусловленность указывает на то, что звуковой процесс, образовавший напряженные редуцированные, принадлежит к разряду комбинаторных, т.е. фонетическая природа (j) не безразлична к направлению процесса. Все нейтрализации, обусловленные контекстом, распадаются, по Трубецкому, на ассимилятивные и диссимилятивные. На этом делении стоит остановиться особо. Дело в том, что оно не совпадает с традиционным делением комбинаторных звуковых процессов на ассимиляцию и диссимиляцию в зависимости от уподобления или расподобления участвующих звуков. Основной единицей фонологии у Трубецкого выступает не фонема, а смысловозначительная оппозиция. Соответственно классификация нейтрализаций ведется не по признакам фонем, а по признакам оппозиций. Вхождение контекстной фонемы в ту оппозицию, нейтрализация которой осуществляется (или в "родственную" ей), определяет диссимилятивный характер нейтрализации (диссимиляция не фонем, а оппозиций). Если же фонема, обуславливающая контекстную нейтрализацию, сама не принадлежит к данной оппозиции, то такую нейтрализацию Трубецкой называет ассимилятивной. Такая нейтрализация выявляет более отдаленное родство звуков, чем то, которое вскрывается при диссимилятивной нейтрализации.

Интересующее нас снятие противопоставлений (ь - ĭ), (ъ - у), безусловно, относится к типу ассимилятивных нейтрализаций. Оппозиции, в которые может входить (j), являются оппозициями согласных фонем. Они не имеют непосредственного родства с противопоставлениями гласных фонем (кроме оппозиции по палатальности - непалатальности, родственной оппозиции переднего - заднего ряда у гласных. Но в данном случае нейтрализация гласных по этому признаку не происходит - ибо она уже произошла в праславянском языке после палатальных согласных, в том числе и *(j), в предшествующую эпоху; причем *y > ĭ).

Ассимилятивная нейтрализация может иметь место только в соседстве с такими согласными, "которые в каком-либо отношении обнаруживают большее родство с гласными, чем все прочие

согласные" /Трубецкой 1960, с. 261/. Притом это родство, как уже отмечено выше, не должно носить оппозитивного характера. Именно так обстоит дело в нашем случае, на что ясно указывает изолированность йота как единственного фактора нейтрализации (ср. переход гласных заднего ряда в передний после всех палатальных согласных). Одновременно бесспорно, что (j) в качестве глайда достаточно близок по артикуляции к гласным звукам, и особенно к гласным верхнего подъема (точнее говоря, к узким). Эта близость настолько велика, что мы можем говорить в данном случае об ассимиляции и в традиционном, фонетическом смысле термина.

Действительно, (j) как согласная фонема образуется сужением прохода в ротовой полости, в области средней части языка, до минимума, вслед за которым возможна уже только смычка. Некоторое расширение прохода позволяет образовать узкий гласный звук типа (i), (y). Йот находится на границе гласных и согласных фонем, являясь ближайшим соседом гласных. В русском языке это позволяет артикулировать j в некоторых позициях как неслоговой (i), что особенно ярко демонстрирует его родство с гласными. С другой стороны, варьирование [j/c] позволяет рассматривать j как (в известном отношении) результат максимального сокращения гласного (i). Эта черта йота, сверхкраткость, также могла быть фактором в интересующей нас нейтрализации.

Таким образом, звук (j) мог оказать ассимилирующее воздействие на фонемы (ь, ъ, i, y) по двум направлениям. Во-первых, он мог сократить долгие (i, y), приспособив их к собственной характеристике "сверхкраткости". Во-вторых, он способен был сузить краткие гласные (ъ, ь), приблизив место их артикуляции к тому, в котором он образуется сам. В обоих случаях результат получается один: краткие гласные максимально (для гласных) узкие, т.е. верхнего подъема (краткие /i/, /y/).

Какой же из этих ассимиляционных процессов происходил в действительности? Есть основание полагать, что оба.

Анализ примеров, приведенных Трубецким в главе о нейтрализациях, позволяет заключить, что для контекстной диссимилятивной нейтрализации чрезвычайно характерен однолинейный характер звукового изменения. Результатом такой нейтрализации является звук, тождественный одному из членов нейтрализуемого противопоставления. Напротив, для контекстной ассимилятивной и для структурных нейтрализаций довольно типично

совпадение нейтрализуемых фонем в звуке, не выступающем в независимой позиции, отличном от обоих членов нейтрализуемой оппозиции. В качестве примера структурно обусловленной нейтрализации можно привести совпадение (o) и (a) в русском языке (при аканье) в звуках (л) и (ъ). Для ассимилятивной контекстной нейтрализации Трубецкой дает пример из восточного марийского языка, где глухие смычные (типа с) и звонкие спиранты (типа z) совпадают после носовых в особях, возможных только в данной позиции звонких смычных (типа dz).

Естественную аналогию этим случаям представляет собой двойное изменение: сужение (ъ), (ь) + сокращение (i), (y), приводящее к образованию напряженных редуцированных - звуков, встречающихся только в позиции нейтрализации.

Данное особое свойство ассимилятивных и структурных нейтрализаций объясняется, безусловно, тем, что выбор представителя архифонемы не обусловлен здесь характером контекста или обусловлен им не жестко. Для ассимилятивных нейтрализаций следует еще раз обратить внимание на то, что контекстная фонема не обладает оппозитивными свойствами, тождественными или родственными нейтрализуемым. Такая нейтрализация может обладать большой силой, но оставаться недостаточно четко направленной, что и приводит во многих случаях к образованию "промежуточных" аллофонов, принадлежность которых к одной из нейтрализуемых фонем является спорным вопросом.

Типологическое рассмотрение славянской нейтрализации (ъ - i), (ь - y) склоняет нас признать справедливость традиционной звуковой характеристики напряженных редуцированных гласных. Систематика Н.С. Трубецкого убедительно подтверждает определение этих звуков как кратких гласных верхнего подъема (ср. Шахматов 1910, Селищев 1951).

Литература

- Крупаткин 1969 - Крупаткин Я.Б. Об аллофонических реконструкциях. - ВЯ, 1969, № 4, с. 35-44.
Селищев 1951 - Селищев А.М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 159.
Трубецкой 1960 - Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
Шахматов 1910 - Schachmatoff A., Die gespannten (engen) Vokale i, y im Urslavischen. - AfsiPh, Bd. XXXI, Berlin, 1910, S. 481-506.

О ПЕРЕСТАНОВКЕ МАРКИРОВАННОСТИ
В ГРАММАТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯЦИЯХ

Н. А. Луценко

Идея обратимости (перестановки) маркированности в пределах корреляций зародилась почти одновременно с известным, выдвинутым Р.О. Якобсоном, принципом асимметрического строения морфологических оппозиций /1/. Уже в 1936 году в статье "О функциях глагольных видов", напечатанной в том же УІ томе "Трудов Пражского лингвистического кружка", в котором впервые увидела свет основанная на указанном принципе теория падежных значений Р.Якобсона /2/, О.Зайдель пытается возражать последнему, утверждая, что немаркированность является "лишь одной из функций" того или иного вида — как несовершенного, так и совершенного (функции которых не независимы друг от друга, "сгруппированы парами"), т.е., в сущности, указывая на наличие в рамках видовой корреляции противоположных оппозиций /3, с. 169; 4/. По словам О.Зайделя, основные функции несовершенного вида являются вполне "маркированными"; что же касается его противочлена, то "помимо употребления в функции маркированной завершенности, — пишет О.Зайдель, — совершенный вид выступает — вопреки Якобсону — ... и как немаркированный" /3, с. 170/. И в дальнейшем обратимость маркированности—немаркированности в оппозиции, понимаемая прежде всего как наличие "маркированных" ("первичных") функций у немаркированного и "немаркированных" ("вторичных") функций у маркированного члена оппозиции, так или иначе связывается со стремлением уточнить упомянутый принцип Р.О. Якобсона, а потому рассматривается не как специфическая черта языковой системы, а только как нечто, ограничивающее сферу выявления указанного принципа.

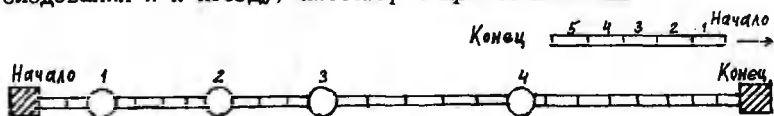
Вероятнее всего историк грамматических учений, решивший исследовать все ракурсы, весь диапазон оттенков множества подобных уточнений (Л.Ельмслев, А.В. де Гроот, Е.Курилович, М.Докулил, П. Новак, Т.В. Булыгина и др.), был бы удивлен тем, что как последователи Р.О. Якобсона, так и критики, пишущие "о несостоятельности" его учения, прошли мимо цити-

рованных замечаний О.Зайделя, не увидели в них зачатков концепции, не только ограничивающей и уточняющей концепцию Р.О. Якобсона, но и обладающей более широкими самостоятельными возможностями объяснения "симметрических" и "асимметрических" соотношений в языковой системе.

По-видимому, один из путей экспликации этой концепции мог состоять в выдвигании и дальнейшей разработке положений: 1) в языковой системе значимости имеют относительный и обусловленный характер; 2) распределение отношений доминанции (маркированности-немаркированности) между членами оппозиции обусловлено аспектом, в котором интерпретируется элемент системы. Изменение аспекта - переход в новую систему "счета"; это переход сопряжен с пересмотром, переоценкой прежней значимости: член, доминирующий (маркированный) в одной системе "счета", в другой системе "счета" интерпретируется как недоминирующий (немаркированный); соответственно изменяется взгляд и на другой, противоположный ему член.

В этом подходе, вероятно, не обнаружить столь уж и много нового, если, следуя примеру других исследователей, отказаться от рассмотрения или попытаться обойти вопрос: чем в свою очередь определяется тот или иной аспект интерпретации отношения в оппозиции, или - иначе - от чего зависит перемещение полюсов маркированности в пределах оппозиций?

На наш взгляд, обсуждение этого вопроса целесообразно начать с рассмотрения одного психологического парадокса, предложенного читателю Э.Кошмидером в 1929 году в книге "Zeitbezug und Sprache" /5, с. 13/. Э.Кошмидер обратил внимание на то, что порядок счета вагонов и станций (соответственно, восприятие понятий конца и начала по отношению к пути следования и к поезду) пассажиром противоположны:

Этот факт автор использовал как иллюстрацию отраженной в структуре речи двойственной ориентированности сознания по отношению ко времени, проявляющейся в том, что время может рассматриваться: 1) или как движение "Я" субъекта вдоль линии времени (слева направо); 2) или как движение линии времени мимо "Я" субъекта (справа налево) /5, с. 3-6/. Подчеркивая произвольный (условно-релятивный) характер взаимоотношения "Я" и времени, разницу между осмыслением времени

сознанием вообще и путевыми впечатлениями путешественника Э. Кошмидер сводит к тому, что путешественник, по его словам, заняв неподвижную позицию наблюдателя, в состоянии установить, какие объекты "в действительности" (здесь и ниже как вычки как знак сомнения, иронии принадлежат Э. Кошмидеру. — Л.Н.) находятся в движении, тогда как для "Я" (сознания) установление "действительного" положения вещей невозможно /5, с. 5, 14/.

Разумеется, данная концепция времени уязвима не только с методологической, но и специальных точек зрения /ср. 6/. В частности, согласно М. Гюйо, сущность времени заключается столь же в идее движения, сколь и в существовании объективных различий в отношении к этой идее: "если бы не было разделения, изменения и степени в активности или чувствительности, — пишет автор, — то не было бы и времени" /7, с. 31, ср. с. 28/. Тем не менее используемая для иллюстрации упомянутой концепции схема недвусмысленно и верно обнаружила противоположный характер двух п о з и ц и й (отраженных также в рассуждениях М. Гюйо), соответственно подходов, "Я" по отношению к действительности — активной (динамической) и пассивно-созерцающей (статической), порождающих различные системы "счета" и связанных с различными аспектами оценки одних и тех же фактов и языковых явлений. Заметим, что альтернатива этих двух позиций может быть свободной, однако не является произвольной /ср. 8/, поскольку исторически и функционально сопряжена с различием "первичного — вторичного" (активная позиция субъекта предшествует пассивной): на наш взгляд, столь же трудно согласиться с тем, что абсолютно произвольным является распределение маркированностей в оппозиции /9, с. 35, ср. 10, с. 220/. Сменяемость маркированностей в оппозиции может оставаться функциональной, но может восстанавливаться и только как факт исторической (ср. ниже). Чтобы к этому больше не возвращаться, отметим: 1) положение об условности понятий маркированности-немаркированности отражает, по существу, сомнение в возможности разрешить вопрос объективно; между тем, как пишет А.А. Потебня, "свойства познающего изменяются в определенном направлении, благодаря чему возможна история мысли и ее человекообразности" /II/: 2) исследователи, склоняющиеся к указанному мнению, упускают из виду детерминированность структуры языковых соотношений объективными условиями и связями, или, говоря несколько иначе, принцип "соответствия в п о р я д к е" (выделено мной).

- Л.Н.) между означаемым и означающим", благодаря которому, например, "такая последовательность, как "На собрании присутствовали президент и государственный секретарь", гораздо более обычна, чем обратная, потому что первая позиция в паре однородных членов отражает более высокое официальное положение" /12/.

Из последнего вытекает, что обсуждать приведенную схему, конечно, не имело бы смысла, если бы возможности ее применения не были шире того назначения, которое предписывается ей в работе Э.Кохмидера. Отражая противоположность статического и динамического подхода к явлениям (соответственно - различие возможностей интерпретации последних), схема Э.Кохмидера позволяет увидеть, что: а) в статическом аспекте последующее обуславливает и/или предполагает предыдущее (четвертая станция предполагает третью, третья вторую и т.д.), в динамическом - наоборот (первое место предполагает последующие, т.е. наличие первого вагона предполагает наличие других; ср. соответствующую дифференциацию в лексике спорта); б) указанные отношения порядка и "предположения" одновременно обуславливают отношение доминанции: в статическом аспекте доминирует последующее (более позднее, новое), в динамическом - предыдущее (опережающее, более раннее).

Обратимся к примерам. Сдвиг в сторону (переход к доминанции) "статического" отражен в словах типа предшествующий (предыдущий), предшествовать. Исходную, соответствующую позиции деятеля семантику этих слов составляют пространственные значения "быть, идти впереди", "опережать", "идущий впереди", "опережающий" и т.п. (греч. *πρωτεύω* "быть, идти впереди", "опережать" - *πρωτεράδος* "предыдущий, предшествующий"; лат. *praegrēdiō* "идти впереди", "опережать" и "предшествовать"; *praecedo* - то же; польск. *wyprzedzać* "опережать" и "предшествовать"; укр. *передувати* "предшествовать" - буквально "быть впереди"; серб.-хорв. *претходница* "авангард" и "предшественница" и т.д.); в соответствии со сдвигом к позиции наблюдателя такие слова получают временные значения "быть в прошлом", "прошлый, прошедший", "раньше": в предшествующие годы - "в прошлые (т.е. прошедшие мимо "Я" субъекта) годы"; в предыдущем изложении - "раньше", "до этого",

I Прискольку вагоны в схеме - метафорическое выражение отношений, взаимно определяемых в пределах ряда субъектов движения, их можно уподобить группе бегущих спортсменов.

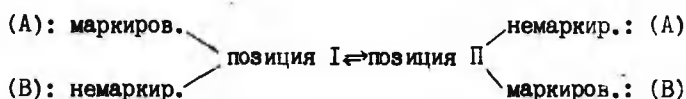
лат. *prior loco* "прежде", "сперва" и т.п. Опрос информантов свидетельствует, что носители русского языка в настоящее время значения слов предшествовать, предшествующий мыслят только в понятиях времени.

Что касается фактов, отражающих отношения в динамическом аспекте, т.е. доминацию предыдущего над последующим, то здесь можно отметить наличие у тех же слов со значением предшествования, опережения значений "главный", "лучший", "превосходить" и т.п. (греч. *πρωτερος* "первый", "старший" и "лучший", "превосходнейший"; лат. *primus* "первый", "передний" и "главный", но *postfero* "меньше почитать, уважать" при *post* "после"; *praesedo* "предшествовать" и "превосходить"; исп. *señor* итал. *signore* "господин", "хозяин" связаны с лат. *senior* "старший"; ср. также русск. быть за старшего, староста и т.п.), а также подчиненность родового значения последующей формы родовому значению формы предыдущей в случаях типа Сытый голодного не разумеет, один другого, одна за другой, лат. *aliud ex alio* "одно за другим", *alter ab altero*, греч. *ὁ ἕτερος τοῦ ἕτερου* "один другого", "друг друга" и т.п. Например, в романе А. Проханова "Время полдень" встречаем: Они как бы отделились один от другого (речь идет о взаимоотношениях героя и героини); ср. также укр. Вони кохають одне одного "они любят друг друга". Попутно обратим внимание на следующее: только обусловленность в пределах ряда (сытый голодного... одна другой, один другого и т.д.) задает род (в других синтагмах род или избыточен, или не взаимообусловлен; ср. двадцать два; Здесь растут ель, пихта и кедр), из чего вытекает, что дифференциация по роду формировалась в динамическом аспекте, причем, по-видимому, род субъекта определил собой род объекта (другого субъекта; ср. ниже). Аналогичным образом в речи распределяются значения лиц: Я и Петров идем к директору, Я и ты убираем в раздевалке, Ты и Сидоров пишете лозунг (1-лицо доминирует над 2-м и 3-м, 2-е над третьим, что отражается в формах лица глагола); то же в греч.: *ἐγὼ καὶ τὸ ὑπάρχονεν* "я и ты пишем", *ἐγὼ καὶ ὁ ἀδελφός ὑπάρχονεν* "я и брат пишем", *σύ καὶ ὁ ἀδελφός ὑπάχετε* "ты и брат пишете" и т.п.²

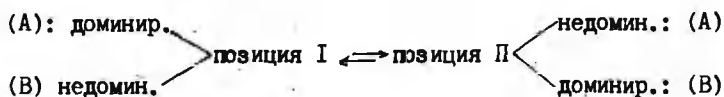
Следует отметить, что высказанные суждения и приведенные факты характеризуют не столько процесс перераспределения

² Сублогическая схема распределения лиц в системе применительно к маркированности-немаркированности Р.О. Якобсона /1, с. 78-79/, таким образом, справедлива.

маркированностей (отношения к признаку X или Y), сколько некоторые условия и направления его осуществления. Сам процесс сдвига полюсов маркированности в пределах корреляций, исходя из сказанного выше, в собщенном виде может быть представлен следующим образом³:

Как явствует из схемы, немаркированность членов противопоставлений типа А - В (А, В) относительно признака X или Y столь же определяется сменой позиций, сколь и возможностью смещения позиций (деятель $\rightleftharpoons$ наблюдатель), соответственно - возможностью совмещения различных признаков в одной грамматической форме. Следовательно, возможность сдвига и далее - двойкой, "асимметрической", интерпретации каких-либо смысловых сфер и/или соотношений распространяется не только на оппозиции в целом, но и на отдельные формы (по отношению к немаркированному члену оппозиции обычно говорят об антиномии общего и частного значения, т.е. несигнализации X: сигнализации не=X, где X равен яacobсоновскому признаку А) и шире - на соотношение категорий. Поскольку при этом переход от одной позиции к другой связан с переходом к другому признаку (это может быть признак другой категории: X $\rightarrow$ Y), речь должна идти прежде всего не о маркированности-немаркированности, а о доминанции одного признака над другим или признаков одной категории над признаками другой. Схема поэтому приобретает следующий вид:

Нетрудно увидеть, что вторая схема не противопоставлена первой, она только в более общем виде представляет область морфологических соотношений, могущих быть проанализированными в терминах заложенных в ней идей. С другой стороны, обе схемы столь же синхроничны (функциональны: нижняя стрелка $\leftarrow$), сколь и диахроничны (верхняя стрелка $\rightarrow$), ори-

³ А и В - формы, члены противопоставлений; (не)маркир(ов). = (не)маркированность; ниже (не)домин(ир). = (не)доминирующие.

ентированы на реконструкцию системы – истолкование процессов, в пределах которых перемещение (обратимость) полюсов маркированности – частный момент, не всегда понятный вне связи с каким-либо процессом в целом (ср. ниже).

Опираясь на диалектический принцип К. Маркса об историческом характере абстракции⁴, при пользовании указанными схемами обратимый, изменчивый характер необходимо полагать не только для отношения маркированности-немаркированности в рамках оппозиций (например, женский – мужской род), но и для традиционно толкуемых однозначно значимостей форм типа "прошедшее", "несовершенный вид", "родительный падеж", "единственное число", "аорист" и т.п. Кроме того, первичность одной общей или частной категории (признака) по отношению к другой (другому), например, несовершенного вида по отношению к совершенному, прошедшего времени по отношению к будущему и т.д., не должна истолковываться абсолютно – для всех "исторических условий"; к конкуренции аналогов различных условий может быть сведен факт того, что нередко коррелятивные значимости одних и тех же форм толкуются по-разному; ср., например, в русистике полемику о том, что считать основным значением имперфективного презенса – значение актуального (А.В. Бондарко и др.) или неактуального настоящего (В.В. Виноградов и др.).

Как с изложенных позиций истолковываются, например, взаимоотношения между видами? Перестановка полюсов маркированности в пределах этой корреляции – факт, в известном смысле признанный в лингвистике /I4, с. II0–III; 9, с. 35/. Из вышеизложенного, однако, следует, что объяснение его произвольным характером процедуры наделения членов оппозиций атрибутом маркированности или немаркированности неприемлемо. Что касается системной и/или функциональной первичности видов по отношению друг к другу, то мнения здесь расходятся: с одной стороны, сочувственно излагают Р.О. Якобсона, согласно которому несовершенный вид является первичным по отношению к совершенному /I, с. 83, ср. I4, с. 91–92, I0, с. 221/, с другой – указывается, что "значение совершенного вида предполагает онтологически действие несовершенного вида, а не наоборот" /I5, с. II/. По отношению к каким условиям правы

⁴ Ср.: "...даже самые абстрактные категории... представляют собой... продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их" /I3/.

одни и по отношению к каким другим условиям правы другие лингвисты?

Отвечая на этот вопрос, попробуем рассмотреть отношения между действием и его завершением в динамическом и статическом аспекте. В соответствии с отмеченным выше, в динамическом аспекте, поскольку действие, деятельность как таковые предшествуют своему завершению, признак действия доминирует над признаком завершения; следовательно, как раз обозначение действия (активная позиция) предполагает, обуславливает его завершение (пассивная позиция). В динамическом аспекте, таким образом, несовершенный вид первичен (маркирован) по отношению к совершенному, обозначает интенсивный процесс, окончание которого предопределено активной позицией субъекта (ср. цитату в сноске 5). Немаркированность совершенного вида в этом аспекте заключается в одновременном обозначении деятельности и недеятельности, иначе — паузы, являющейся предпосылкой нового интенсивного "отрезка действия". На наш взгляд, именно в терминах данной оппозиции должны быть истолкованы формы совершенного вида в известном примере К.С. Аксакова-А.М. Пешковского: Посмотрите, что делает заяц: то вскочит (ср. вскакивает), то ляжет (ложится), то перевернется (переворачивается), то подымет (подымает) уши, то прижмет (прижимает) их. Замена одних форм другими в данном случае отражает немаркированность совершенного, а не несовершенного вида; соответственно, в актуальном временном плане, являющимся коррелятом динамического аспекта, несовершенный вид маркирован, а совершенный вид немаркированно обозначает признак конкретного (актуального) настоящего /ср. 16/. С указанной точки зрения интересную типологическую параллель представляют русское опаздываю, которое наряду с "близок к опозданию, опаздываю" может значить "опоздал", и якугирское мэт кудадэ "я убил" и "я убиваю", т.е. близок к завершению убивания (последний пример взят из /17/); в свою очередь между динамическим и статическим аспектом закономерно распределяются интенсивное и другие значения индоевропейского перфекта (достигнутого состояния, законченности действия, состояния), вопрос об исходности, первичности каждого из которых активно обсуждался в литературе /18/.

В области употребления императивов динамический аспект сигнализируется отрицанием не: после не несовершенный вид обозначает деятельность активного субъекта (не бери! — субъект вознамерился что-то взять; не пиши! — субъект пригото-

вился писать и т.д.); совершенный вид в силу его немаркированной оппозитивности несовершенному здесь обозначает деятельность-недеятельность неактивного (созерцающего) субъекта, что в результате дает оттенки предостережения, предупреждения: не упади! не пропусти! и т.п. Из сказанного вытекает, что наличие, а затем устранение "видовой параллельности" императивов в славянских запретительных конструкциях следует объяснять не немаркированностью /19/, а, наоборот, поддерживаемой частицей не маркированностью несовершенного вида в этой позиции.

Совершенный вид маркирован, первичен по отношению к несовершенному в статическом аспекте: вне полагания активности деятеля лишь завершение действия предполагает предшествующую деятельность, тогда как в тех же условиях деятельность не может предполагать завершения. Поэтому в статическом аспекте формы типа ремонтировал, переписывал (Он ремонтировал свой автомобиль, переписывал повесть) не эксплицируют признак законченности действия, по необходимости заменяясь формами совершенного вида (Он отремонтировал свой автомобиль, переписал повесть). Только при полагании субъекта активным, а действия безусловленным, т.е. при переключении в динамический аспект, такие формы включают в свою семантику признак завершенности действия⁵ и как бы заменяют совершенный вид: Ты писал Марье Ивановне? Вы уже заказывали? и т.п. Со сменой аспекта, однако, меняется порядок следования (и доминирование) маркированностей в оппозиции (ср. схемы).

Необходимо особо подчеркнуть, что в условном ряду взаимоотношений (ср. схему Э. Кошмидера) во всех случаях маркированный член опережает немаркированный, семантически предполагает немаркированный и потому вытесняет его из сферы недифференцированного обозначения признака X (говорить, подобно другим исследователям, что немаркированный член оппозиции способен употребляться на месте маркированного, значит не совсем отчетливо представлять характер их взаимоотношений). Например, маркированный женский род семантически предполагает немаркированный мужской, поэтому на уровне функционирования вытесняет мужской из сферы его немаркированного употребления (то, что это происходит в предикативных синтагмах, не случайно). В примерах типа Тренер сказала, Врач пришла формы

⁵ "Интенсивность действия или состояния очень легко переходит в понятие перфективности" /20/.

тренер, врач представляют не общий род, как иногда считают, а женский, — глагол поэтому также стоит в форме женского рода (ср. вышеприведенные замечания о функционировании императивов в запретительных конструкциях). В соответствии с той же закономерностью маркированное единственное число прилагательных противостоит немаркированному множественному в сфере выражения признака расчлененности, выделенности (русский язык и литература, а не русские язык и литература); ср. отражение немаркированности форм множественного числа прилагательных по указанному признаку в возможности двоякого — "расчлененного" и "нерасчлененного" — прочтения фраз типа Старые мужчины и женщины были эвакуированы, Отцовы книги и тетради лежали на столе. Соответственно, маркированное признаком совокупности множественное число существительных доминирует в сфере обозначения этого признака над немаркированным единственным числом (Поляки любят музыку, а не Поляк любит музыку и т.п.). Эти различные проявления нумеральной семантики в свою очередь указывают, что в пределах числа также имеют место обратимые связи применительно к маркированности-немаркированности тех или иных форм (см. ниже).

Заметим, что, по-видимому, не всегда возможно и необходимо стремиться сводить различные сдвиги в употреблении форм непосредственно к смене динамического аспекта статическим или наоборот. В отдельных случаях полезно сосредоточить анализ на дифференциации некоторых более эксплицитных сфер функционирования грамматических форм и категорий и затем только пробовать установить взаимосвязи между сферой и аспектом. Что касается сферы, соответствующей исходному, динамическому аспекту, то в настоящее время она представлена, по-видимому, главным образом устной речью с ее непосредственной "денотативностью" и ситуативностью. Именно применительно к устной речи отмечен ряд особенностей, так или иначе отражающих "обратное" распределение функций и признаков форм, в частности: а) нейтрализация актуализирующих (—маркированных) функций категорий; б) употребление форм с противоположной функциональной направленностью; в) разрушение узальных связей форм; г) использование "остаточных" признаков форм и др. /см. 15, с. 22⁶.

⁶ С точки зрения изложенного актуальной и полезной должна быть признана постановка вопроса о соотношении системы и среды, предпринятая недавно в /21/.

Перейдем теперь к анализу явлений, более соответствующих последней схеме, т.е. попробуем рассмотреть процесс перестановки маркированностей в рамках более широких процессов.

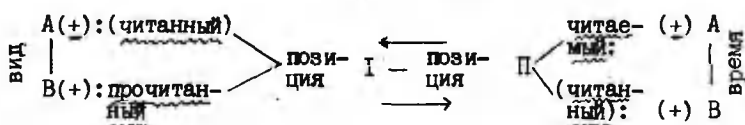
В понятиях этой схемы истолковывается, например, характер взаимоотношения категорий вида и времени: как отмечалось ранее, в индоевропейских языках развитие доминанции времени над видом связано с переходом от точки зрения на действие деятеля (активного субъекта) к точке зрения наблюдателя (пассивного субъекта), т.е. обусловлено сдвигом в сторону представления о пассивном (созерцающем) субъекте /22/. В системе и функционировании русских причастий, например, этот факт отражен, с одной стороны, в смещении видовых причастных оппозиций с временными, более или менее заметном влиянии вторых на первые (оппозиция читае́мый - прочита́нный вытесняет оппозицию чита́нный - прочита́нный, чита́ющий - прочита́вший - оппозицию чита́вший - прочита́вший), с другой - в стремлении одинаково распределить маркированность-немаркированность по виду и времени в пределах этих оппозиций. В частности, формы типа срывае́мый, проводи́мый, будучи немаркированными по признаку времени, стремятся стать немаркированными и по виду, а формы типа сорва́нный, прове́денный, будучи маркированными по виду, стремятся стать маркированными по признаку времени /см. 23/. Ср. такую "двойную" немаркированность формы проводи́мый в примере: Каир. Здесь объявлены окончательные результаты проводи́мого (проводи́вшегося/прове́денного) 22 мая в Египте референдума по вопросу о внесении ряда поправок в конституцию страны (Вечерний Донецк, 1980, 24 мая).

В пределах оппозиций а) чита́нный - прочита́нный, б) читае́мый - чита́нный имеет место симметричное обратное распределение маркированностей по признакам вида и времени⁷ (а. $\frac{+}{+} : \frac{+}{+}$; б. $\frac{-}{+} : \frac{+}{+}$, - знак слева от косой черты отражает отношение формы к признаку вида, справа - отношение к признаку времени), поэтому конкретно указанный сдвиг сводится к тому, что положительно маркированная форма вида (прочита́нный), в соответствии с тенденцией системы к доминанции времени над видом, стремится стать прежде всего маркированной по времени, тогда как отрицательно маркированная форма (читае́мый) утрачивает эту маркированность, становясь немаркированной по виду и оставаясь по-прежнему немаркирован-

⁷ Значения символов: $\frac{+}{+}$ - немаркированность; $\frac{+}{-}$ - положительная, отрицательная маркированность.

ной по времени. Указанные тенденции фактически свидетельствуют о формировании на "причастном" участке русской глагольной системы единой категории времени-вида. Схематически этот процесс в одной своей части может быть представлен таким образом (в скобки взята форма, редуцируемая системой)⁸:

Менее прозрачно, однако вполне допустимо толкование в терминах обсуждаемой схемы взаимоотношений между родом и числом. Хотя в древних языках формы числа активно взаимодействуют с формами рода, изначально они зависимы от последних (ср. лат. муж. р. *hic* "вот этот" - жен. р. *haec* во множ. ч.: муж. р. *hi* - жен. р. *hae*). При этом, судя по наблюдениям лингвистов, первоначально основу рода составляло двучленное деление предметов по степени их активности (ср. оппозицию личный - средний род в хеттском), т.е. позиции I и II распределялись в самой структуре рода, обуславливая не только характер ее дальнейшей внутренней перестройки (выделение мужского и женского рода, вытеснение женским родом мужского и т.п.), но и особенностями взаимодействия с категорией числа. Как можно представлять себе это взаимодействие? Сначала в системе "род-число" доминирующее положение занимала категория рода, которая семантически "перекрывала" категорию числа. При этом категория рода отражала позицию I - динамический аспект оценки явлений, т.е. рассматривала их не с точки зрения "рядоположенности", а с точки зрения "рядовзаимодвижения", "рядовлияния"⁹. Переход к позиции II¹⁰ приводил не только к доминации последующего члена синтагмы над предыдущим (до этого было наоборот) и, таким образом, к дифферен-

⁸ В результате аналогичных процессов в области деепричастий сформировалось противопоставление читая - прочитав (прочтя).

⁹ Ср. стремление рассматривать возникновение и развитие рода с позиции согласовательных связей имен, как "историю согласования" /24-26/.

¹⁰ Здесь уместно вновь возвратиться к мысли М. Гюйо о том, что только осознание дифференциации позиций субъекта могло позволить осознать идею времени (см. выде).

циации имен в синтагмах как прилагательных и существительных /ср. 27/, но и к тому, что в формах пассивного (среднего) рода актуализировалось первоначально вторичное для них значение собирательности, совокупности (формально-смысловые контакты типа "средний род - собирательность" общеизвестны), в пределах оппозиции по роду вытеснявшее, по-видимому, признак неопределенности субъекта. При этом, вслед за И.М. Тронским, можно полагать, что представление о множественности в индоевропейских языках первоначально применяется к формам - обозначения "активных действователей" /28/. К тому же факт частых совпадений по языкам форм субъектно-объектного родительного падежа ед. с формами именительного падежа мн. числа (*virī - virī*, *rosaе - rosaе* и т.п.) подтверждает, что (как и следовало ожидать) форма, сигнализирующая совокупность (неопределенность субъекта), характеризовалась немаркированностью по признаку активности. В дальнейшем, в связи с переходом к доминации в системе категории числа над категорией рода различие по степени активности отходит на периферию, затемняется. Полностью ли таким образом оказалась вытесненной семантика рода из системы? Есть основания считать, что нет.

В русском языке, например (это относится и к другим славянским языкам), в корреляции форм числа следы прежнего противопоставления по степени активности отражены в семантическом наполнении и взаимоотношениях членов числовых парадигм "личных" существительных. Множественное число таких существительных функционирует как немаркированное, единственное - как маркированное (В вагоне новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом - В вагоне новый пассажир: молодая женщина с чемоданом /ср. 29/). При этом конституирующим признаком оппозиции выступает расчлененность как отражение выделенности, противопоставленности предмета множеству. Обратим теперь внимание на то, что признак расчлененности (выделенности; определенности субъекта) "без натяжек" может быть возведен к родовому признаку активности, ибо во множестве едины и одновременно противопоставлены ему и друг другу только активные предметы (иное отношение единицы и множества связано с пассивностью, инертностью "единицы" и "массы"). Ср. оппозиции типа Тебе кто-то звонил - Тебе звонили: в первом случае понятно, что звонил один человек и, вероятнее всего, один раз; во втором - неясно, звонил один или несколько человек, один раз или несколько раз.

В сфере числа, следовательно, в настоящее время функционируют две оппозиции с противоположной отмеченностью членов: основная – с маркированным множественным числом /ср. I, с. 79/ и периферийная – с маркированным единственным числом, семантический признак которого генетически возводится к одному из признаков рода. При этом, по-видимому, и тот факт, что в единственном числе родовые различия всегда более устойчивы, "чем в любом не-единственном числе" /30/, объясняется тем, что и вообще, несмотря на общую доминацию числа над родом, единственное число "слабее" с точки зрения влияния на распределение рода в парадигме, чем "не-единственное" (множественное). Указанное распределение признаков между формами числа в русском языке условно можно представить в следующей "симметрической" таблице (как и выше, + – маркированность, ± – немаркированность):

Признаки	Формы	
	ед.	мн.
совокупность	±	±
расчлененность	+	±

В дополнение к сказанному выше о взаимоотношениях рода и числа отметим, что, с одной стороны, диахроническая первичность рода по отношению к числу отражена в ряде универсалий (ср.: "Если язык имеет категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа" /30/), далее – в характеристиках рода как основополагающей для существительного категории ("...существительное не мыслится вне ее... категория рода является важной, если не единственной его характеристикой" /31/), с другой стороны, синхроническая доминация числа над родом или тенденция к ней, помимо вытеснения семантики рода из большинства современных языковых систем (превращение рода в "форму ради формы": J. Сепир), проявляется в лексико-семантическом пролиновении оппозиции числа (единичность – собирательность) в парадигму рода (албанский, некоторые иранские языки) или частичном формально-смысловом окрещении их парадигм (языки американских индейцев) /см. 2/, а также, на наш взгляд, в обоснованных попытках строить иерархию категорий существительного, где род является не числом, а не главной-либо другой его категорию

/33/. Вероятно, и вообще немаркированность мужского рода (женский род стоял вне непосредственного противопоставления среднему) в пределах парадигмы других языковых систем необходимо рассматривать как следствие "нумерализации"¹¹ семантики родовой оппозиции, следствие "переворота", перестановки маркированности в этой оппозиции. Доминирование категорий в системе и зависящее от него распределение маркированностей, таким образом, определяет специфику проявления еще одного важного принципа организации оппозиций - принципа компенсации¹² (маркированность по признаку числа ослабляет или снимает различие по роду, маркированность "по роду" снимает или ослабляет различие по числу).

В сфере грамматических связей отношения доминации, прямые и обратные превращения противоположностей (форм, признаков, категорий) друг в друга настолько переплетены, что только, по-видимому, приняв диалектику как основной метод исследования, можно разобраться в хитросплетениях этих связей. С этих позиций принцип асимметрии выглядит как односторонний, ограниченный в своих объяснительных возможностях, значительно уступающий в этом рассмотренному выше принципу обратимости маркированностей, или - иначе - принципу динамической симметрии. С точки зрения принципа динамической симметрии ясно, что функция не-А немаркированного члена Р.О. Якобсона - это не только и не столько частное, детерминированное контекстом значение формы, сколько отражение ее прежней маркированности, обусловленное функциональным воспроизведением условий (аспекта), в которых она существовала как маркированная. Принцип же асимметрии, оказываясь полезным в других случаях (ср. выше), будучи последовательно применен к материалу, в этом случае или приводит к теоретическому парадоксу, состоящему в констатировании у неинформативной формы частных значений, или вынуждает отказаться от частных значений одного члена оппозиции, сводить их исключительно к контекстной семантике /см. об этом 34/. Указанный принцип замыкается главным образом на исследовании семантики отдельных оппозиций, не открывая или

¹¹ Соответственно, можно говорить о "темпорологизации" семантики вида (о чем, кроме сказанного выше, см. в /22/) и далее - не только об изоморфизме структур, но и об изоморфизме процессов.

¹² О принципе компенсации см. /3/, с. 37-38/ (здесь даны отсылки к другим источникам).

открывая очень слабо пути к изучению взаимосвязей категорий, выделению и анализу сущностей, более общих, чем отдельные категории. Современная наука, однако, уже ищет пути к исследованию таких сущностей (ср. понятия суперкатегории, дизъюнктивной категории и т.п. /35, 36/).

Литература

1. Jakobson R. Zur Struktur des russischen Verbums. - In: Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario ... oblata. Pragae, 1932.
2. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. - In: TCLP, VI, 1936.
3. Зейдель О. О функциях глагольных видов. - В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
4. Seidel Э. Zur Futurbedeutung des Praesens perfektivum im Slavischen. - Slavia, VII, 1939, Nr. 1-2, S.2.
5. Koschmider E. Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt und Tempusfrage. Leipzig-Berlin, 1929.
6. Hermann E. Aspekt und Zeitrichtung. I, Bd. 54, 1936.
7. Гойо М. Происхождение идеи времени. - В кн.: М. Гойо. Собрание сочинений. Том II. СПб., 1898.
8. Ярцева В.Н. Категория активности и пассивности в английском языке. - Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, секция филол. наук, Л., 1946, с. 42-43.
9. Герджиков Г. Характерът на морфологическите опозиции и организацията на многочленните системи. ББ, 1974, № I.
10. Булыгина Т.В. Грамматические опозиции (К постановке вопроса). - В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III, М., 1968, с. 461.
12. Якобсон Р. В поисках сущности языка. - В кн.: Семиотика. М., 1983, с. 107.
13. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов). - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. I2, с. 731.
14. Докулил М. К вопросу о морфологических противопоставлениях. - В кн.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978.

15. Шелякин М.А. Ситуативность устной речи как фактор нейтрализации грамматических значений. - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 481. Семиотика устной речи. Тарту, 1979.
16. Луценко Н.А. О системно-семантических функциях глагольных форм типа напишет в русском языке (в сопоставлении с некоторыми другими славянскими и индоевропейскими). - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 579. Вопросы становления и развития языковой системы. Тарту, 1981, с. 99-101.
17. Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур. М., 1984, с. 71.
18. Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977, с. 5 и сл.
19. Ивић М. Употреба вида у словенском императиву с негацијом. - В кн.: IV Международный съезд славистов. Славянская филология. Вып. П., М., 1958, с. 105, III.
20. Herbig G. Aktionsart und Zeitstufe. - IF, 1996, Bd. VI, S. 212.
21. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды. ВЯ, 1985, № 1.
22. Луценко Н.А. Вид и время (проблемы разграничения и взаимодействия). ВЯ, 1985, № 2, с. 45-46.
23. Луценко Н.А. Категория вида в русских причастиях (значение и употребление): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тарту, 1982, с. 143, 161, 171, 190 и др.
24. Курилович Е. К вопросу о генезисе грамматического рода. - В его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.
25. Fodor I. The Origin of Grammatical Gender. - Lingua, 1959, vol. VIII.
26. Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке. ФН, 1973, № 2.
27. Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 176-180.
28. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. - Уч. зап. ЛГУ, № 69, сер. филол. наук., вып. 10, 1946, с. 62.
29. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1978, гл. 7.

30. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970, с. 161.
31. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 92.
32. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода. — ВЯ, 1984, № I, с. 18, 21-22.
33. Ревзин И.И. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного). — Советское славяноведение, 1969, № 3, с. 77.
34. Шелякин М.А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий (I). — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 425. Проблемы языковой системы и ее функционирования. Тарту, 1977, с. 7 и сл.
35. Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение). — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структура языка. Л., 1977.
36. Добрева Е. Теоретични проблеми на моделирането на системата от граматически категории на глагола. — Съпоставително езиковедение, 1980, № 6.

О г л а в л е н и е

К 60-летию Михаила Алексеевича Шелякина	3
М.А. Шелякин. Категория вида и модальность	8
И.П. Кольмоя. Об одном типе кратного таксиса в современном русском языке	24
Е.А. Нелисов. Функционирование "бы" в простом предложении русского языка	38
А.С. Петухов. К типологии субъектно-объектных отношений в конструкциях с глаголами на -ся ..	53
В.С. Храковский. Периферийные пассивные конструкции в русском языке	65
П.А. Эслон. Выражение одного частного значения возможности в русском языке	77
Н.А. Назавчинская. Об артиклевых функциях кратких и полных форм прилагательных в современном русском языке	93
Е.А. Костанди. Значение определенности-неопределен- ности как признак прагматической направленно- сти газетного текста	101
Х. Томмола. Типологические соответствия в русском и финском синтаксисе	111
А.И. Пихлак. О функционировании пассива в русском и эстонском языках	120
Э.А. Вайгла. Мотивация и национальная специфика слова (опыт сопоставительного изучения пред- метной номинации в русском и эстонском языках)	135
Ю.С. Кудрявцев. Систематика оппозиций Н.С. Трубец- кого и славянские напряженные редуцированные гласные	145
Н.А. Луценко. О перестановке маркированности в грамматических корреляциях	149

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 825.
СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА.
Труды по русской и славянской филологии.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор И. Кальмол.
Подписано к печати 9.06.1988.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 10,31. Печатных листов 10,5.
Тираж 500.
Заказ № 578.
Цена 2 руб. 10 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.